

Е. Г. Степанян

Царский выбор

Исторический роман-драма

Время действия — 1647 год

*Место действия — Москва, Касимов,
окрестности Касимова*

Москва
Оклик
2007

УДК 821.161.1-2 Степанян Е.
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
С79

С другими произведениями Е. Г. Степанян
можно познакомиться на сайтах <http://www.proza.ru/>
и <http://www.stihi.ru/>. Поиск по фамилии автора.

ISBN 978-5-91349-001-8

© Степанян Е. Г., 2007

© «Оклик», 2007

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Яркий день первых чисел сентября.
Рослый седобородый странник с котомкой за плечами
медленно бредет, раздвигая высокие травы.

Лесная опушка близ широкой проезжей дороги.
Девушка лет семнадцати сидит на поваленном стволе
и плетет венки. Слышны детские голоса.
Двое мальчишек сидят на дереве «в дозоре».
Девушка издали замечает странника. Девушка поднимается
с места, она очень удивлена.
Странник выбирается на дорогу. Девушка подходит
к страннику и смотрит на него с великим удивлением.

Странник (*подходя к ней*). Здравствуй, дитятко! Не
скажешь ли, в какую сторону на Москву?

Фима (*указывая*). В эту сторону — на Москву,
а туда — на Касимов. (—) Дедушка, а как же ты
там прошел? Это страшное место, Дарькиной
трясиной зовется. Там никто не ходит. Туда
и подходить боятся.

Странник. Нет такой трясины, дитятко, где бы
Господь Бог не был волен тропинку проложить.
А наше дело — тропинку эту отыскать.

Фима (*улыбаясь*). Ты, дедушка, наверное, Божий
странник?

Странник. А ты, дитятко, наверное, Божий ангел.
Какую же красоту Господь сотворил. Чай, боярская
дочка?

Фима. Ивана Родионовича Всеволожского дочь. А звать меня Евфимией. (—) Ты хочешь мне что-то сказать, дедушка?

Мальчишки-дозорные с дерева видят приближающегося всадника.

Мальчишки-дозорные. Андрей Иванович едет!
Андрей Иванович едет!

Фима (*страннику*). Это мой брат. Мы его тут встречаем. (*Бежит по дороге навстречу всаднику*).

Всадник останавливается, спрыгивает с коня, обнимается с Фимой.

Странник пристально рассматривает его из-под сдвинутых бровей.

Фима (*подводя к нему Андрея*). А это Божий странник. Он в Москву идет и с дороги сбился, а я ему указала.

Странник (*распрямляет плечи, смотрит Андрею в самые зрачки*). Божьи странники никогда с дороги не сбиваются. Она их всегда туда, куда надо, выводит.

Андрей (*просияв*). Как же ты хорошо сказал. Я вот тоже так думаю. А издалёка идешь?

Странник. Из Сибири.

Андрей (*покачивая головой*). Ого! А из Москвы куда? По каким местам?

Странник. Из Москвы, дитятко-барин, обратно в Сибирь пойду.

Андрей. Трудный, наверное, путь — из Сибири, да в Сибирь?

Странник. Труден путь тому, кто не по своей воле идет. А кто по своей — тому не трудно. А лучше

всего тому, кто идет по Божьей воле. Не зря же говорят — Божии невольники не печалются.

Андрей (*нерешительно*). А ты зашел бы к нам, мы тут близко совсем. Отдохнешь денек-другой, побеседуем.

Странник. Мы еще успеем с тобой наговориться. Потерпи немного.

Андрей (*обрадованно*). Так мы еще увидимся?
А где же?

Странник. В Москве.

Андрей (*лукаво*). А где в Москве? В Кремле? На Красной площади?

Странник. Ну зачем же там? — Встретимся в доме Афанасия Корионова.

Андрей. Но это же мой родной дом! Я там, почитаю, каждую зиму живу. Жена Афанасия Петровича моей матери сестра родная.

Странник (*усмехаясь*). Вот и ладно. Ты же звал меня к себе домой — там и встретимся. — Ну прощай!
(*Поворачивается и уходит.*)

Андрей (*спохватившись, бежит за ним*). Постой, постой, я же не спросил! Как величать тебя, сударь-батюшка?

Странник. Как же ты, барский сын, меня, мужика, сударем назвал?

Андрей. Но ты ведь ближе к Господу, чем я. Вот потому и назвал.

Странник (*вздыхает, покачивает головой*). Да, все верно. (*Громко*) Зовут меня Василием Матвеевичем. (*Побелительно*) Ступай домой, Андрюша. В Москве увидимся. Прощай!

Он уходит, Андрей зачарованно смотрит ему вслед.

Андрей. Фима, ты подумай, он мне сказал — встретимся у Афанасия Корионова!

Фима (*насмешливо*). И ничего тут такого нет. Просто я ему успела порассказать, что мы Всеволожские. А раз он знает дядю Афанасия, то и догадался, что мы сродственники.

Андрей. Да, конечно, так он всю его родню и заучил. А ты не хочешь, чтоб чудеса случались, так и скажи.

Фима (*поддразнивает его*). Очень даже хочу. Только чудеса должны быть настоящими чудесами. А то какой-то дед какого-то дядьку знает.

Брат и сестра идут через лес. Следом крестьянский мальчик ведет Андрееву лошадь. Андрей демонстративно молчит.

Фима (*трогая за рукав обиженного брата*). Андрюша, там, в городе, никто про меня не спрашивал?

Андрей. Спрашивал.

Фима (*испуганно*). Кто?

Андрей. Матушка попадья.

Фима. Ну тебя.

Андрей. Ничего не «ну». Она же в Касимове первая сваха. Чуть что — все сразу к ней.

Фима. И что же ты ей сказал?

Андрей. То, что есть. Как условились. Что ты еще очень молода. Что отец с матерью расставаться с тобой не хотят. Что я еще должен был сказать? Что ты всех женихов ненавидишь заранее?

Фима. Разве ж я кого-нибудь ненавижу, Андрюшенька? Не надо так про меня говорить.

Фима и Андрей идут дальше.

Фима. Андрюшенька, ты меня прости. Этот странник, он настоящий. Он через Дарькину трясиину прошел, я сама видела.

Андрей (*шутливо*). Бессовестная!

Фима. Я ждала, он мне скажет что-нибудь... такое!
А он тебе сказал. Я не позавидовала, Боже упаси, но я очень ждала!..

Андрей (*гладит ее по голове*). Ничего, Фима, я с тобой всегда поделюсь!

2. В доме Всеволожских.

Андрей и отец. Андрей разбирает свой вещмешок. Отец внимательно за всем следит.

Всеволожский. Ты что это столько книг накупил?
Это ж какие деньги!

Андрей. Батюшка, вот те крест, только две купил.
Остальные — дарёные.

Всеволожский. Что? Это кто ж так тебя дарить вздумал?

Андрей. Старый знакомый. (—) Помнишь, год назад заезжал к нам такой Захар Ильич из Казани? Он теперь сам касимовский. Женился на здешней, на Барашовой, ты ведь их знаешь. И дом купил недалеко от отца Николы.

Всеволожский (*притворно сердится*). Помню его, помню. Плут он, этот Захар. Хорошо меня в тот раз облапошил. А что это он вздумал тебе подарки дарить? У него там что, сестра какая, или дочка? Дурака ищет, который приданого не спросит, книжками возьмет?

Андрей. Да нет у него ни сестры, ни дочери. *(Лукаво)*
А вот у жены его и в самом деле есть сестра.
Красавица. Машей зовут.

Всеволожский *(тем же тоном)*. Знать ничего не
хочу. Я с этим Захаром родниться не желаю.

Фима *(выглядывая из-за двери)*. Так она ж не его
сестра, батюшка, а жены его. Не так уж ты с ним
и породнишься.

Всеволожский. Ах так, подслушиваешь? Хороша!
Когда о ней речь, что замуж поря, так в слезы.
А брата готова на первой встречной женить. А ну
ступай отсюда, поторопи там мать и няньку. Что
они себе думают? Дите с дороги до сих пор не
кормлено.

Фима уходит, отец подходит к Андрею, понижает голос.

Всеволожский. Ты скажи, там про Фимку попадья
ничего не спрашивала?

Андрей. Ну, конечно, спрашивала. Я ей отвечал, как
условились. Да куда нам спешить?

Всеволожский. Понимаешь, будь она из себя
попроще, то все бы ничего. А тут эта красота
никчемная, про которую все знают! Я боюсь, что
обо мне молва пойдет, что вот, мол, цену набивает,
жениха побогаче ищет. Мне такие разговоры ни
к чему.

Андрей. Ну а что мы можем придумать? Спрятать
ее в подполе, как сам знаешь что?

Всеволожский. Ты это о чем?

Андрей. Ни о чем. У тебя же в подполе ничего не
зарыто. Никакой кубышки.

Отец хитро усмехается.

Андрей. Но она там может лежать-полеживать, а Фимку все равно придется на Рождество в город везти.

Всеволожский (*осторожно*). В Кузьяеве тоже церковь есть. Можно и там Рождество отпраздновать.

Андрей (*с глубоким вздохом*). Можно и в стольном граде Кузьяеве. И намного дешевле. (*Пауза.*) Самое лучшее, отец, что мы можем придумать, это отвезти Фимку в Москву. Афанасий Петрович и ее уговорит, чтоб не дурачилась, и жениха найдет, самого что ни на есть. Он столько знает, со сколькоими дружен, он ее за князя какого-нибудь сосватает.

Всеволожский. Ни за что на свете! Не для того я Фимку столько лет холил-лелеял, чтобы ее муж на меня сверху вниз смотрел. У меня своя гордость есть. Пускай мои прадеды боярства лишились, но я столбовой дворянин, я не потерплю, чтоб меня кто-нибудь даже в мыслях унижал.

Но ты хорош, Андрей Иванович. Князя в зятя захотел. А как же твои речи, что все равны, что всех Господь по образу Своему сотворил?

Андрей. Ты же меня за эти речи вожжами учил.

Всеволожский. Выходит, отучил?

Андрей. Помалкивать научил.

Всеволожский. Так что же у тебя получается? Про то, что все равны, помалкиваешь, а сестру родную за князя выдать хочешь?

Андрей. Меня на криводушии, батюшка, никто не поймает. (—) Да, все равны, но живут совсем не ровно. Разве это тайна для кого-нибудь? И если у меня выбор есть, то что я предпочту для родной сестры? Чтобы она по-княжески жила или чтоб

вышла за бедного помещика, у которого жена сама коров доит?

Всеволожский (*заводясь*). А что тут такого? Разве в этом грех? Сказано: в поте лица своего будешь есть хлеб свой. И я в страду не меньше мужика тружусь, от зари до зари, да! И у меня каждая копейка потом полита.

Андрей. Конечно, тяжкий труд не грех. Но ничего хорошего в нем тоже нет. Нет, конечно же он не грех, он наказание за грех.

Всеволожский (*тревожным тоном*). Что ты мелешь? За какой грех?

Андрей (*спокойно*). За неверие. Ты что, не слыхал никогда, как пятью хлебами пять тысяч были накормлены? Разве это не лучше, чем тяжкий труд?

Всеволожский (*держась за сердце*). Андрей, ты что, рехнулся? Ты понимаешь, *Кто* эти пять хлебов разделил?

Андрей. Неужели не понимаю? Но Он же сам сказал, смотри: (*открывает ларец, вынимает Евангелие, оно у него заложено на нужном месте*) «Аминь, аминь, глаголю вам, веруяй в мя, дела яже аз творю, и той сотворит, и болша сих сотворит».

Всеволожский (*вопит*). Замолчи! Замолчи! Ты спятил, спятил!

Андрей. Это не мои слова, отец, это Господь говорит...

Всеволожский (*стучит по столу*). Не смей! Молчи! Я тебя задушу!

Вбегают Фима, мать Евдокия Никитишна и нянька Настасья.

Наперебой. Что случилось? Что? Что?

Всеволожский (*хватает Андрея за руку и тащит к другой двери*). Ничего! Ничего не случилось! Обед подавайте! Что вы сбежались?

Евдокия. Но ты же кричал!

Всеволожский. Нет, не кричал. Послышалось вам. Сказал, обед подавайте. Мы сейчас придем.

Тащит Андрея вверх по лестнице, вталкивает в маленькую комнату, входит за ним и запирает за собой дверь.

Всеволожский. Андрюшенька! Голубчик! Я же твой отец. Я только ради тебя и Фимки живу. Мне для себя ничего не надо. Ты надо мной смеешься, что я деньги коплю. Да разве ж я для себя? Ох ты Господи-Боже! (—) Андрей, ты знаешь, что такое «слово и дело государево»?

Андрей. Знаю.

Всеволожский. Один здравитцу царю произносит, а другой в это время чихнет, или сморщится, комар его укусил — и все, пропал человек. Во всех грехах обвинят, всех собак навешают.

Андрей (*пожимая плечами*). Да я знаю, отец, ей-богу, не хуже твоего знаю.

Всеволожский. Так вот, то, что ты давеча сказал, это во сто крат страшнее!

Андрей. Да я же не...

Всеволожский (*стучит по столу*). Не перебивай меня! — Неважно, где это написано. Пусть хоть по небу огненными буквами. Раз весь мир эти слова мимо читает, тому, кто по-другому прочел, не поздоровится. Ты знаешь, что значит еретиком прослыть?

Андрей. Отец, я же...

Всеволожский. Не смей перебивать! — Кто верит не как все, тот еретик; даже если он сам чудеса творить начнет, еще большим еретиком окажется. Да ты знаешь, что с еретиками делают? Всеми пытками пытаются, живьем жгут! Понимаешь ты, с чем играешь?

Андрей. Да ты же мне сказать не даешь. Не такой я дурак, как ты думаешь. Я только потому с тобой об этом заговорил, что уж точно знаю, что ты на меня доносить не пойдешь. А больше никому не говорил и говорить не собираюсь.

Всеволожский. Никому-никому?

Андрей. Никому-никому. (*Лукаво*) Там ведь в другом месте сказано: «Не мечите жемчуг перед свиньями».

Всеволожский. Час от часу не легче. Ты что же, всех людей за свиней считаешь?

Андрей (*серьезным голосом*). Отец, я в каждом человеке образ Божий почитаю.

Всеволожский (*машет руками*). Не надо! Ни того ни другого не надо. Надо быть как все. И тогда проживешь свой век спокойно, как наши деды и прадеды, что на Кузьяевском погосте лежат.

Андрей. Ну, насчет лежать — не знаю, что-то не тянет. Но молчать обещаю, как они.

Всеволожский. Значит, я могу спокойно спать?
(*Андрей кивает.*) Тогда поцелуй меня.

3. Семья Всеволожских за трапезой.

Всеволожский (*Андрею*). Ну, что там в Касимове говорят про нового воеводу?

Андрей. Про нового! Он за этот год так всем
намозолил, забыли уже, когда он новым был.

Всеволожский. А что, он все люзует, еще не поутих?

Андрей. А чего ради ему утихать? С утра до вечера все
к нему с подношениями идут, от первых купцов
до последней бабы, что пирогами вразнос торгует.
А если кто не придет, или принесет мало, он повод
найдет, чтобы в тюрьму упрятать, или без повода
упрячет, а потом выкуп требует.

Всеволожский. М-да. А в Москву на него никто
не жаловался?

Андрей. А какой в этом толк? Вот посмотри: при
старом царе он в Сибири воеводствовал, а как тот
помер, так скорехонько здесь оказался. Ясное дело,
что у него рука в Москве.

Всеволожский. Это отец Никола так считает?

Андрей. Нет, это я сам так сосчитал.

Всеволожский. И ты кому-нибудь про это говорил?

Андрей. Батюшка, я же тебе объяснил, я никогда
никому ничего лишнего не говорю. А тебе еще
больше скажу. Я знаю, кто у него в Москве. — Вот
тут рядом с нами вотчина князя Сонцева. Ты ведь
знаешь, какая молва идет про тамошнего
управляющего?

Всеволожский. Яков Осина? — Ну, за руку его
никто не поймал, но поговаривают, что он всем
здешним разбойникам-душегубам голова.

Андрей. Вот то-то, что никто не поймал. И не поймал,
и не ловит. Он за своим князем как за медной
стеной. А князь этот в дружбе с самим боярином
Морозовым. А сам этот Яков Осина у воеводы
касимовского принят как свой. Вот и замкнулась

цепочка. Ясное дело, что все это одна бражка. Так что, хоть жалуйся в Москву, хоть не жалуйся.

Всеволожский (*недовольно*). Не знаю я, так это, или не так. Мало ли что болтают. Борис Морозов, между прочим, и при покойном царе был в силе.

Андрей. Да, но он тогда был один из многих. И царь был, хоть не Бог вещь какой, но все-таки царь. А нынешний государь уж очень молод. И все говорят, что Морозов с ним что хочет, то и делает. Бояре Стрешневы царю родные дядья, а Бориско с ними открыто враждует и близко к царю не подпускает.

Всеволожский. Не Бориско он тебе, а Борис Иванович. Он царю с младенчества воспитателем был и наставником. Понятное дело, что государь его больше других уважает. И нечего глупость говорить, что здешний разбойник Яков Осина под ним ходит.

Андрей. И касимовский воевода тоже нет? (*Всеволожский, наступившись, молчит.*) А касимовский воевода с разбойником Осиной дружбу водит.

В продолжение разговора Евдокия Никитишна и Фима очень внимательно их слушают.

Всеволожский. Это все не наше дело. Нас это не касается. Нам своих забот хватает.

Андрей. Сегодня не касается, завтра коснуться может. Вообще-то отец Никола велел тебе кое-что передать, да ладно, я потом.

Евдокия (*настойчиво*). Нет уж, давай говори сейчас. И при мне, и при Фимке. Ничего, пускай слушает, большая уже.

Всеволожский (*подобрев*). А если ее выгонишь, все равно подслушивать станет.

Евдокия (*тем же тоном*). Я знаю, отец Никола зазря ничего говорить не станет. А у меня у самой насчет всего этого кой-какие мысли есть. Давай говори, Андрей.

Андрей (*как бы нехотя*). Отец Никола сказал, что касимовский воевода Степан Васильевич Обручев завел свои порядки не только для купцов и промышленных людей, но и для господ помещиков. И с большой ревностью следит, чтобы они ему должное почтение оказывали. А еще до отца Николы дошло, что таких, как ты, совсем мало осталось, которые бы ему не поклонились и не поднесли сообразно недостаткам своим. И поскольку наш отец Никола тебя и твой нрав хорошо знает, он боится очень, чтобы это око государево тебе какой-нибудь пакости не устроило!

Всеволожский. И что же он советует?

Андрей. То же, что и ты всегда советуешь — быть как все.

Всеволожский. Я к этому Обручеву на поклон не пойду.

Андрей (*просияв*). Вот и правильно. Делал бы он добро, мы бы ему первыми поклонились, верно? (*Отец морицится.*) А при таких делах лучше от него подальше держаться. А то как бы становишься его соучастником и под суд вместе с ним идешь.

Евдокия. Ну под какой еще суд?

Андрей (*с лукавой улыбкой*). А суд один. Помнишь, матушка, я еще маленьким был, заходил к нам Божий странник. Что он говорил? — что суд есть только один, Божий. А наказание приходит по-разному: когда через людей, когда еще как. Я эти слова хорошо запомнил.

Евдокия. От твоих разговоров, знаешь!.. (*Махнув рукой.*) Тебе поповичем надо было родиться, а не дворянским сыном.

Андрей (*покачивая головой*). Нет, дворянскому сыну все же вольготней. Хотя, кто его знает...

Евдокия (*отворачиваясь от него*). Иван Родионович, я к тебе говорю. Я этот разговор не зря завела, и отец Никола, дай ему Бог здоровья, не зря беспокоится. Сами же сказали, что сонцевская вотчина совсем к нам близко. А тут бабы поговаривали, что по деревне какие-то чужие шныряют, когда все на работе, и в них сонцевских признают. А староста Митрофаньч сегодня утром Настасье нашей говорил, что тоже кого-то заметил.

Всеволожский. Где, кстати, Митрофаньч?

Евдокия. На пчельник отправился. — Надо что-то делать, Родионыч!

Андрей. Не поверю я никогда, что Господь нас этим разбойникам выдаст.

Евдокия. Тебе, Андрюшенька, хорошо живется. Чуть что — все Господь за тебя сделает. — Если не можешь сам ничего отцу посоветовать, то лучше уговори его сделать, как отец Никола велит. Ты же так его почитаешь.

Андрей. Ну, ежели надо непременно что-то делать, то по моему разумению лучше всего поехать в Москву. У наших Корионовых немалые знакомства, и даже на самом верху. Афанасий Петрович переговорит с кем надо, а потом дадим знать этому Обручеву, что мы тоже не лыком шиты. И вряд ли он захочет нарываться.

Всеволожский (*насмешливо*). Главное — доехать до Афанасия. (*Фима смеется.*)

Андрей (*невозмутимо*). И до тети Груши тоже. У ней княгиня Троекурова дочь крестила, твою, матушка, родную племянницу. А княгиня Троекурова, между прочим, Верховая боярыня. Она мамка царевны Татьяны Михайловны. И наших она не чурается, она у них на всех свадьбах была, мы же сами ее видели.

Евдокия. Отец, а Андрюша не так глупо придумал. — Очень даже хорошо придумал. (*Фима улыбается.*)

Всеволожский (*раздраженно*). Не знаю, посмотрим. Они же небось в деревне. И мне сейчас не до этого. У меня хлеб не обмолочен, самые жаркие дни. Там видно будет. (*К Андрею*) Ступай-ка на пчельник, скажи Митрофаньчу, что он мне нужен, и поскорее.

Дорога на пчельник.

Андрей идет, думая о своем. В ушах у него звучит голос странника: «Встретимся у Афанасия Корионова». «Ты же звал меня к себе домой, там и встретимся».

Андрей начинает двигаться вприпрыжку, большими шагами, как бы летя по воздуху.

В доме Всеволожских.

Евдокия. Иван Родионыч! Что ты против имеешь, чтобы в Москву поехать?

Всеволожский. Кабы ты знала, Авдотья, какая дурь у твоего сына в башке, тебе бы сделалось!.. О-хо-хо! — А кто его мог этому научить? Только твой зять, великий грамотей Афанасий Корионов.

4. Москва. Ночь.

Городская усадьба князей Прозоровских. Домик управ-

ляющего. Трофим Игнатъевич, управляющий князя, просыпается в своей постели. Прислушивается. Встает, подходит к окну. Видит мелькающую тень.

Дальний конец усадьбы.

Слуга (Ерошка), забравшись на бревна, собирается перебросить через стену какой-то сверток.

Трофим (*подбегает, хватая Ерошку*). Стой, подлец! (*Ерошка падает на колени пред Трофимом.*) Так вот ты чем занимаешься!

Трофим взбирается на бревна, видит убегающего сообщника Ерошки.

Ерошка (*на коленях, обнимая ноги Трофима*).

Батюшка Трофим Игнатъич! Прости, прости, бес попутал!

Трофим (*указывая на сверток*). Где взял?

Ерошка (*всхлипывая*). В том сарае. Там рухлядь всякая давно лежит. Я думал, не нужно никому.

Трофим. В том сарае что лежит — для раздачи бедным. Бедных грабить легче, чем богатых. Ладно, что бы ни пропало, вина на мне. Я же видел, когда брал тебя, что ты лжец. Да вот понадеялся на авось. (—) Сейчас же убирайся вон.

Ерошка (*плача*). У меня дети малые!..

Трофим. Да ты в своем уме? Ради твоих детей я и отпускаю тебя. А то кликнул бы сейчас стражу. Хорошо бы тебе пришлось.

Ерошка за воротами.

Ерошка (*злобно глядя на усадьбу*). Ну хорошо, Трофим Игнатъич, погоди, еще посмотрим, чье воровство старше.

Рассвет. Василий Матвеевич входит в Москву. Идет по улицам.

Усадьба Прозоровских.

Трофим и его помощник Поликарп.

Трофим. Ну что, много он успел стащить?

Поликарп. Осталось больше, но и украдено порядком.

Трофим. Черт бы побрал этого Ерошку! Но и я хорош, старый осел.

Поликарп. Не пойму я, Трофим Игнатъич, почему ты должен за это платить? Зря ты его отпустил, его и сейчас разыскать не поздно.

Трофим (*понижая голос*). Ты что, вчера родился? Отдать человека под суд — все равно что жизни его лишить, даже если он на копейку украл. А у него дети мал мала меньше. (—) А если мне самому с ним разбираться, то еще неизвестно, кому больше сраму будет. Придется за свою глупость расплачиваться. Ведь видел же, видел, когда брал.

Поликарп. Так зачем же ты его взял?

Трофим (*морщась*). Тот прислал, да этот попросил. Ведь не на облаке живем. Приходится порой угождать, кому не хочешь. (*Вздыхает.*) Я вот тебя тоже с неохотой брал, потому что тебя от Одоевских прислали, а я князей этих терпеть не могу, и челядь их вся такая же. Я даже удивился тогда, что это они заботиться о нас вздумали. А посмотрел на тебя — и взял. И не ошибся.

Поликарп. Спаси Господи, Трофим Игнатъич. Верно говоришь, не ошибся.

В комнату заглядывает слуга.

Слуга. Полицарп Самсоныч, там Божий странник у ворот. Будешь с ним беседовать, или дать хлеба — отпустить?

Полицарп (*встрепенувшись*). Иду-иду!

Полицарп быстрым шагом идет к воротам. У ворот стоит Василий. Они обмениваются многозначительными взглядами.

Полицарп ведет Василия под локоть к дому Трофима.

Полицарп. Мы Божьим людям всегда рады.

Накормим, напоим, премудрости поучимся.

(*На ухо ему*) Далекo ходил, Василий Матвеевич?

Василий. Дальше Тобольска побывал.

Полицарп. Сколько же времени прошло? (*Считает про себя, загибая пальцы.*) Быстро же ты стал ходить.

Василий хитро усмехается. Полицарп вталкивает его в комнату Трофима, сам располагается в соседней на страже. Заодно сверяет какие-то бумаги, расписки и прочее.

Трофим и Василий обнимаются, целуются.

Трофим. Василий Матвеевич!

Василий (*усаживаясь*). Ну что братья-лебеди?

Трофим. Как весной разлетелись, с тех пор никого не было.

Василий. Стало быть, я первый. Скоро и остальные слетаться начнут. Жди.

Трофим. Остановишься у нас?

Василий. Нет, я к другу твоему отправлюсь. Я ему давно обещал, и дело одно у меня с ним есть.

Трофим. Вот праздник будет Афанасию Петровичу!

Василий (*тихо и сердито*). Трофим! Сколько раз тебе было говорено, не называй зазря никаких имен.

За дверью улыбающийся Поликарп прикладывает ухо к щели.

Василий. Мы же оба знаем, о ком речь, и довольно. В Притчах сказано — «остерегайся даже во внутреннем покое твоём». Это что — не к тебе относится, а к кому-то там?

Трофим. Ну прости, прости, Васенька. Это я от радости.

Василий. Как твой сынок, Игнаша, что пишет?

Трофим. Жизнью своей доволен, Господу благодарен. А все не так гладко. Городок-то у них Архангельский, а власть у нас всюду (*шепотом*) не боровская, так московская. Всё, что можно сделать, чтоб людям не жилось-не работалось, всё сделают, ничего не забудут. Пишет Игнатка, что всякий раз, как снарядит корабль в Норвегу или в Свевию, не один, так двое с него сбегут и там останутся. Аж до слез обидно. Совсем оскудеет Русская земля.

Василий. Не плачь, не оскудеет. Скоро народ в другую сторону потечет. Сибирь всех примет. А кого надо, сокроет до поры.

Трофим (*шепотом*). Лютые указы против народа готовятся. Наш князь, и тот сокрушается.

Василий (*кивает утвердительно*). Мне в странствиях моих порой приходилось ночевать в глухом лесу. Сплю я, а вокруг город шумит. Просыпаюсь, а на сердце радость. Значит, быть тут городу. Будет где человеку и Господа своего вспомнить, и о себе подумать. — Я пойду, Трофимушка. Довольно тебе

со странничком беседовать, много их тут ходит, со всеми не наговоришься. (*Встает, подмигивает.*)
А хлеб у тебя невкусный.

Трофим (*разводя руками*). Ну Васенька!

Василий (*лукаво*). Тот, что у меня в котомке, все равно слаще, — пойду я.

Трофим. Дорогу до Яузских ворот найдешь? У него дом...

Василий (*перебивает свистящим шепотом*). Зна-ю. Не знал бы, сам бы спросил.

Трофим. Ну не сердись, родной. Сам ведь говоришь: Бог не выдаст — свинья не съест. (*Обнимаются.*)

Поликарп, кланяясь, провожает Василия до ворот.

5. Утро. Пробуждение деревни, Андрея, Фимы, родителей...

Женские руки вынимают из ларца серьги, ожерелья и другие украшения.
Старое лицо Настасьи Порфирьевны в нарядном уборе.

Настасья. Хватит, матушка Евдокия Никитишна. Куда ты меня, старую, разряжаешь?

Евдокия. А пусть все видят, как мы тебя любим.

Настасья. Ни дать ни взять — боярыня.

Настасья, сопровождаемая мальчиком, несущим корзину, выходит из дому.

Андрей и Фима за воротами.

Андрей. Куда это Настасья собралась?

Фима. Ты что, забыл? Свадьба сегодня у ее крестницы.

Настасья (*поравнявшись с ними*). Ну вы тут смотрите без меня! Чтоб ни-ни!

Медленно удаляется в сопровождении мальчика. Фима и Андрей смотрят ей вслед, потом начинают двигаться в ту же сторону.

Андрей. Там, небось, вой стоит, как на похоронах. — Фим, а почему на деревенских свадьбах всегда плачут?

Фима. Я-то знаю, почему.

Андрей. Ишь ты, какая умная. И что же ты знаешь?

Фима. А вот то знаю, что пойду замуж только за того, кого я люблю. Ну... кого буду любить.

Андрей. А как ты узнаешь, ты любишь его или нет?

Фима. Уж я-то знаю, как.

Андрей. Ну скажи, Фима, скажи! Во сне что ли видела?

Фима. И во сне тоже видела.

Андрей (*почти про себя*). Мне вот тоже порой такое снится!.. Все на свете бы отдал...

Фима. А что тебе снится, Андрюша?

Андрей. А вот не скажу!

Фима. Ну скажи, скажи!

Андрей. А вот догони меня, тогда скажу.

Он бежит, она за ним. Он задерживается, дает ей поравняться с собой, потом бежит дальше. Наконец, они оба падают на небольшой стог сена, по разные его стороны, и лежат, глядя в небо.

Фима. Андрей, помнишь сказку про Финиста — ясного сокола?

Андрей. Еще бы!

Фима. За что его старшие сестры возненавидели? Они же получили, что хотели, — и платья, и кольца с серьгами. А младшей ничего не нужно было — только он, Финист — ясный сокол. А они его решили погубить.

Андрей. Я тоже об этом думал. Ведь вот если сейчас вот так раскинуть руки и взлететь, обязательно кто-нибудь подстрелить захочет. (—) Ну и пусть. Ведь ежели взаправду взлетишь, то уже никто не достанет.

Фима. Андрюшенька, а эта Маша Барашова, она тебе очень понравилась?

Андрей взбирается на верх стога и, свесившись сверху, заглядывает ей в лицо.

Андрей. Евфимия Ивановна! Ты все ягненком прикидываешься, а сама вон какая хитрющая! Хочешь меня женить? Думаешь, родители меньше на тебя наседать будут?

Фима. Да я не просто женить хочу, я хочу, чтобы она оказалась прекрасная и чудесная, и чтоб ты ее очень-очень полюбил.

Андрей. Эх ты, добрая душа! Я сам того же хотел бы, да разве сразу распознаешь?

Андрей, лежа на стогу, долго смотрит в небо.

Андрей (*дразнит Фиму*). А вообще-то, Фима, ничего из этого не выйдет. У родителей решено, что пока тебя замуж не выдадут, меня не женят. Так что, пока ты от женихов прятаться будешь, Машу еще за кого-нибудь отдадут.

Андрей берет длинную соломинку, приставляет ее Фиме к кончику носа.

Андрей. Готова ли ты, о Евфимия, пожертвовать собой ради братнего счастья? Ну говори, чего ты молчишь?

Фима (*чуть не плача*). Андрюшенька, ну зачем ты так! Отец с матерью не изверги какие-то. Они нас любят. Если ты попросишь... Мы в ноги им кинемся! Они тебе разрешат...

Андрей. Да подожду я еще в ноги бросаться!
(*Вытягивается на стоге, глядя в небо.*) Положусь-ка я лучше на Божью волю.

Фима (*уткнувшись в сено*). Ты пойми, Андрей, я ведь точно знаю. Если меня против воли замуж отдадут, я жить не смогу. Я не стану плакать, как деревенские на свадьбах, просто из меня вся жизнь уйдет, и я умру. И никому от этого радости не будет. И тому, кто меня возьмет, тоже радости не будет. (*Фима неслышно плачет.*) Если такая моя судьба, пусть я лучше в девках останусь. Буду твоих детей нянчить. Буду им сказки сказывать. Про царевну. Ту, что в хрустальном гробу лежала и жениха своего дожидалась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Москва.

В Спасские ворота Кремля въезжает всадник. Спешивается возле роскошного крыльца. Ему навстречу со ступенек сбегает слуга.

Слуга (*принимая поводья*). Наконец-то, Кузьма Кузьмич! Борис Иванович тебя заждался.

Кабинет Морозова.

Завидев Кузьму из окна, Борис Иванович, величественный чернобородый боярин, нетерпеливо подходит к двери.

Входит Кузьма.

Морозов. Ну что из Англии? Что Карла?

Кузьма. Конец Карле. Мужики его в плен захватили.

Морозов (*всплескивая руками*). Я этого не ждал.
Я этого не ждал. Что же теперь будет?

Кузьма. Судить его будут. (*Подчеркнуто цитирует*)
За вины перед Богом и народом.

Морозов (*качая головой*). Мужики! Судить венценосца!

Кузьма. А знаешь, что они говорят? (*Наклоняется к его уху*) Оттяпаем ему голову вместе с короной.

Морозов. Да, тут уже сказать нечего. Ну и мужик аглицкий, до чего же злобный. Нашему такое не приснилось бы.

Кузьма. Да? — Ты, Борис Иванович, человек мудрый, но про русского мужика ты лучше у меня,

у мужика, спроси. Русский мужик, как медведь, до тех пор смиренный, пока на цепи сидит. И чем тяжелее цепь, тем для него лучше. А на деле, он всех на свете злее. И хитрее всех. Ну да ладно, прости ему Господи.

Морозов в задумчивости рассказывает по комнате.

Кузьма. Это, стало быть, аглицкий товар. А из Франции не изволишь?

Морозов. Уже что-то есть? Неужто купцы успели вернуться?

Кузьма. Купцы вернулись. А королева с детьми как убежала из столицы, так туда и не возвращалась. Князя там всю хозяйничают. А ей объявили, что пока она своего советчика и любовника Мазариния не прогонит, они ее назад не пустят.

Морозов. Змеи подколодные! Да они все вместе его мизинца не стоят.

Кузьма. Твоя правда, Борис Иванович. Только она его уже прогнала. С тяжелым сердцем, наверное, и не насовсем. Но эта свора своего добилаась.

Морозов. Да, ну и день сегодня! — Кузьма, ты проследи, чтоб ни один звук!..

Кузьма. Да что ты, Борис Иванович! У меня все иноземцы — вот! (*Показывает руками, как он их держит.*) А свои знают, что если что — допытаемся, через кого утекло, и уж тогда!.. И вообще, многая знания — многая огорчения. Русский человек и так нелегко живет, зачем его лишний раз огорчать?

Морозов. Кое-кто очень бы даже возрадовался. Все мои ненавистники. Стрешнев — первый.

Кузьма. Да будет тебе, Борис Иваныч. Так-таки нет никого лютее Стрешнева! Подумаешь, царский шури!

Морозов. Да ты что, Кузьма, глаза протри! Ты в Москве, али в Мадрите? Царский шурин! А Борис Годунов кто был, не царский ли шурин? *(Понижает голос.)* А Романовы откуда пошли? Не от царского ли шурина? — Мы со Стрешневым не на жизнь, а на смерть боролись, и если бы Господь не прибрал вовремя царицу Евдокию, не знаю, что сейчас бы было. Вернее всего, лежал бы я на погосте, а ты возле того погоста свиной бы пас.

Кузьма *(покачивая головой, тихо)*. Нет, я теперь Кузькой ни за что не буду. Только Кузьмой Кузьмичом.

Морозов. И они ведь никуда не делись, ни Стрешнев, ни братец его. Царские дядя, родная кровь!

Кузьма *(мрачней)*. Рано или поздно новая родня появится.

Морозов *(усмехаясь)*. То-то и оно. (—) Ну ничего, мы это дело на самотек не пустим. У этого царя будет шурин, какой надо.

Ладно, Кузьма. Товар твои купцы привезли скверный. Надобно его получше продать.

2. Царский двор.

Сокольничьи ставят на телегу клетки с соколами. Одна еще пуста. Князь Прозоровский, молодой красавец, играет с соколом, который никак не хочет в клетку.

Прозоровский. Ну что же ты, Яхонт? Ты ведь теперь не мой. Ты теперь царский.

У царя.

Алексей играет в шахматы с дьяком Чистым. Рядом шут Ванятка возится с большим котом.

Чистой. Ну что, государь, давай делать мировую.

Алексей. Хороша мировая. Разбил меня в пух и прах.

Чистой. Ничего. Через год-другой ты меня так же разобьешь.

Ванятка. Тоже мне радость — деревянные коняги.
Зверь должен быть теплый, пушистый, вот как мы
с Парфентием. А ты, батюшка, не забыл, что завтра
у нас потеха в селе Покровском?

Чистой (*морщась*). Да что в ней хорошего,
в медвежьей травле?

Ванятка. Не любишь этой потехи, Назар Петрович?

Чистой. Не люблю. (*С иронией*) Не христианская это
забава.

Ванятка. Да что ты, батюшка! Там такой медведь!
Ходит на задних ногах, водку пьет из стакана.
Утирается, кланяется, благодарит. Разве ж это
не по-христиански?

Входит Прозоровский.

Прозоровский Все сделано, государь. Отправил я их
в Сокольники.

Алексей (*милостиво*). Отцу не забудь мою
благодарность передать. Ну и соколы, я бы
с такими ни за что не расстался.

Прозоровский (*улыбаясь*). Ну ничего! Ты же без
меня на охоту не поедешь, а я без тебя — тем паче.

Появляется Морозов с мрачным лицом. Все прочие уда-
ляются. Морозов лично закрывает дверь.

Царь и Морозов вдвоем.

Алексей. Ну что там с Карлой?

Морозов подходит к нему вплотную, шепчет на ухо.

Алексей. Борис Иваныч, да что ты! Казнить!
Помазанника Божия!

Морозов. Бабке его родной, королеве Марии,
отрубили же голову. И никто не шелохнулся.

Алексей (*задумчиво*). Это все их вера, Иваныч. Ересь
их злосчастная. Они церковные власти отрицают,
значит и царская власть для них ничто.

Морозов (*крестясь*). Нас Господь от ересей хранит.
Для русского мужика царь все равно что Бог. Но
и нам хлопот хватает. (*Тяжело вздыхает.*) Да, вот
еще. Не ждали мы так скоро вестей из Франции,
а они пришли. (*Шепчет царю в самое ухо.*)

Алексей. Да, этим в Москве никого не удивишь.

Морозов. С князей-бояр ни днем, ни ночью глаз
спускать нельзя. За кого поручиться можно, что он
не мнит себя на царском престоле? Не зря Иван
Грозный крошил их безо всякой пощады.

Алексей. Не надо Грозного, Иваныч, слышишь, хватит
с нас. Он семьдесят лет в гробу, а всех от него
трясет.

Морозов. Напрасно ты так о нем, государь. Иван
Грозный — великий царь, прадед твой
двоюродный.

Алексей. Семиюродный! Тоже мне родство. — Мой
отец по Божьей воле был избран царем. А дед от
великой смуты Русскую землю успокоил. И никакое
родство тут ни при чем. Я что, не догадываюсь, что
они промеж собой говорят? Они все от Рюрика, от
Рюрика, а мы невесть от кого.

Морозов. Да пусть только кто пикнуть посмеет! Язык
вырвать! — Да кто он такой, этот Рюрик? Кто его
видел, может, его и не было никогда.

Алексей (*с обращением*). Да ладно, Иваныч! Всем подряд, что ли, языки вырывать будем? — Царствовать со славой надо, вот что! Киев вернуть, все вернуть, что они потеряли, Рюриковичи эти. А уж потом! Дал бы Бог силы! (*Смотрит на часы немецкой работы, изукрашенные готическими башнями и рыцарями.*) Разве не больно видеть, как еретики благоденствуют, а православные христиане под басурманским игом стонут? — Святыни Цареграда в поругании, а мы тут всё грыземся. (*Шепотом*) Аще забуду тебе, Иерусалиме...

Морозов падает на колени перед царским креслом, целует ему руку.

Морозов. Алешенька, дитяtko мое бесценное! Благодарю Господа, что дожил до этого дня, что такие речи от тебя слышу. (*Всхлипывает, утирает слезу.*)

Поднявшись, продолжает в другом тоне.

Морозов. Киев будет наш, вся Малороссия будет. Ну год еще, ну два, три. Аршин версте не расчет. И Смоленск вернем, и Северские земли. Я об этом твоему отцу клялся, и тебе поклянусь. Всего себя на это положу. А то великое, что у тебя на сердце, того мои глаза уже не увидят. Над этим ты и дети твои трудиться будут.

Морозов встает, начинает похаживать по комнате, затем кивает сам себе, мол, давай.

Морозов. Есть у меня к тебе разговор, государь. Важный разговор.

Ты по воле Божьей царство принял ребенком, и хоть тому третий год пошел, а народ все на тебя как на малое дитя смотрит. С любовью смотрит, но одной любви мало. Страх нужен, страх родит покорность, а не одна только любовь. А какой страх перед малым дитятей, за которого бояре всё

решают? (—) И боярам это очень на руку.

Жениться тебе надо, вот что. Человек,
у которого свои дети, сам уже никак не дитя.

Алексей (*раздумчиво*). Жениться можно, да только
на ком?

Морозов (*пожимая плечами*). Соберем девиц со всех
волостей, по отеческому обычаю. Самую лучшую
и выберешь.

Алексей (*с пафосом*). По обычаю! Стыдобище это,
а не обычай! Другие государи так женятся?

Морозов. Что об этом говорить? По нашей что ли
вине нет больше православных государей?
А еретики вон что творят, власть королевскую
отвергают.

Алексей. Да, других православных государей нет. Это
нам известно.

Морозов. Но ежели с другой стороны посмотреть,
обычай еще не закон. В твоей царской воле
и переменить его. Можешь бояр создать, у них
порасспрашивать о достойных девицах. Боярыня
Годунова тебя с младых ногтей нянчила, и теперь
как мать о тебе печется. С ней посоветуешься.
На все твоя воля, воля царская.

Алексей (*пряча улыбку*). Да, так наверное было бы
лучше всего. Только я вот чего боюсь, Иваныч.
Станут говорить, что вот, мол, годами молод, а уже
отческий обычай переменяет. Нехорошо это.

Морозов. Прежние цари тоже не всегда смотрины
устраивали. Иван Грозный не один раз был женат.
Он и по сватовству жен брал.

Алексей (*отворачивается и смеется*). Да молод
я очень, молод, Иваныч. А что не так сделаю, сразу

же на тебя свалят, вот, мол, Морозов его подучил. — (*Громко вздыхает.*) Так что, ничего не поделаешь, готовь указ. Я подпишу.

Морозов. Не один придется подписывать, голубчик мой, в каждую волость свой пойдет.

Алексей. Хорошо, хорошо, составляй. (*После паузы*) Иваныч, не надо, чтобы в Москве знали это всё — про Карлу, про Францию.

Морозов (*с готовностью*). Алешенька, родимый, да на что ж тогда у тебя твой старый дядька, твой Иваныч! Он жив еще, он еще не помер.

3. В соседней комнате.

Прозоровский смотрит в окно. Новый посетитель, Федор Ртищев, играет с котом.

Ванятка. Вот так всегда. Стоит только Федору появиться, как Парфентий сразу же про меня забывает. Предатель.

Прозоровский. Что-то тут нечисто. Видно, измену они замышляют. К полякам переметнуться хотят.

Ванятка. Ах, как же я раньше не додумался. Царю надо непременно доложить.

Федор. Попались мы с тобой, Парфентий!

Кот на руках у Федора начинает проявлять беспокойство.

Прозоровский. Казнить обоих!

Дверь открывается, входит Алексей. Кот стремглав бросается к нему и трется о его ноги. Все хохочут.

Алексей (*важно*). Дети вы малые. Вам бы все играть и смеяться.

4. Горница царевен.

Ирина Михайловна (старшая) и Татьяна Михайловна (средняя) сидят за пяльцами. Анна (младшая) играет с ниткой жемчуга. По комнате расхаживает старая боярыня, княгиня Вяземская.

Вяземская (*рассматривая настольные часы*). Ну чудо просто! Я таких и не видывала даже.

Ирина. Одно слово — царский подарок.

Вяземская. Спаси Господи, любит вас братец. Немецкая работа?

Ирина. Голландская. Трое таких часов купцы голландские поднесли. Одни государь себе оставил, другие нам подарил.

Вяземская. А третьи кому?

Ирина (*с деланным удивлением*). Как кому? Третьи — боярину Морозову.

Вяземская. Борис Иванович — царю верный раб. И в делах государственных весьма умудрен.

Татьяна. Да разве кто спорит? Но он ведь не один на свете. А других бояр и близко к царю не подпускает. Дядей наших, Стрешневых, совсем оттеснил, даже мы их не видим. А они нам родная кровь, и нас любят.

Вяземская (*твердо*). И Борис Иванович вас очень любит. (*Наклоняется к Ирениному вышиванию*.) Ох и птица у тебя получилась — загляденье.

Анна. А клетка у нее еще лучше получится. (*Вяземская в растерянности*.) Мы очень хорошо в клетках толк знаем.

Ирина (*понижив голос, испуганной Вяземской*). А я это каждый день слышу.

Татьяна. Мы тут и не такое слышим.

Ирина (*невозмутимо вышивая*). Ты, Анна Михайловна, не знаешь, как люди на свете живут. С утра встают — и не знают, будет у них вечером кусок хлеба или нет. (*Вяземская и Татьяна согласно кивают.*) А когда тот кусок добудут, то он им не в радость и в горло не идет, таким потом полит.

Анна. Так это, по-твоему, хорошо? Я этому радоваться должна?

Татьяна. И в замужестве тоже ничего хорошего нет. Простые жен бьют, а знатные на свой лад издеваются.

Ирина. Что простые! Князь Мышецкий жену до смерти забил, и с рук сошло, всё замаяли.

Татьяна. И еще каждый год рожать...

Вяземская. Далеко ходить не надо. Я вот, шестнадцать раз рожала, а детей у меня всего двое.

Анна. А что, лучше бы их совсем не было?

В передней.

По лавкам сидят старые и молодые служанки, карлица Лизавета. Одна из служанок (Анфиса) нервно прохаживается перед дверью.

Анфиса. Не надобно ли чего царевнам?

Старуха. Надобно будет — кликнут. Не входи зазря, Анфиса, Ирина Михайловна осерчает.

Анфиса резко поворачивается и уходит.

Карлица (*закрывая ручками глаза*). Ой! Вижу — идет к нам светлая боярыня Годунова!

Старуха. Твоя правда, Лизавета. И мне сердце подсказывает — посетит нас свет-Дарья Кирилловна.

Молодая служанка. Ой, и у меня что-то живот схватило!

Анфиса бежит по узенькой улочке городской части Кремля. Входит в дом, взбегает по лестнице. Ей навстречу другие служанки.

Анфиса. Где ваша боярыня?

Служанка. С утра на богомолье уехала, к Сретенью.

Анфиса. Когда вернется, не сказывала?

Служанка. Да уже пора. Обедать дома собиралась. —
Да ты садись, подожди ее.

Анфиса садится на скамью. Сидит, сцепив пальцы.

Горница царевен.

Анна. Но ведь нигде во всем мире такого нету — чтоб царских дочерей замуж не выдавать.

Ирина. Ты, царевна Анна, все прекрасно знаешь. Тысячу раз говорено. Из православных государей никого кроме нас не осталось. Все, кто есть, для нас еретики. *(Усмехаясь)* Мы для них — тоже.

Анна. А что, русские князья перевелись?

Ирина. Мы царского роду, и русские князья нам теперь не ровня.

Анна *(со всей злостью)*. Да, они нам не ровня. Иные из них нас познатнее. Они от Рюрика, а мы от кого?

Сестры *(вскакивая с мест)*. Замолчи, Анька!
Слышишь, замолчи!

Анна выбегает в боковую дверь. Княгиня Вяземская бросается за ней.

Вяземская находит Анну в узкой комнатенке. Она сидит на сундуке, уткнувшись в угол. Княгиня садится рядом, обнимает ее, гладит.

Вяземская. Ну пойдем со мной, попросишь у сестер прощения, и все забудется.

Анна (*выпрямляясь*). Никуда я не пойду. Я всегда в этот час здесь бываю. (*Обводит взглядом окошко, как какую-то драгоценность.*) Вот у этого окна стою.

Вяземская. Чего ради, Аннушка?

Анна (*вызывающе*). А в этот час князь Прозоровский всегда от царя выходит и тут под окном на коня садится.

Вяземская. Который Прозоровский? Сергей, что ли, меньшей сын Симеон Васильевича?

Анна. Ну да. А я стою тут, и на него смотрю.

Вяземская. Аннушка, милая! Но ведь стыд какой, тебе, царской дочери, вот так открыто на молодого боярина глазеть.

Анна. Так он же меня не видит. Он сюда не смотрит, он на коня своего смотрит. (*Бросается на шею Вяземской.*) Крестная, милая, плохо мне, пропадаю я! Ни о чем другом думать не хочу. Весь день только этим живу — как стану здесь и как на него посмотрю. А потом до утра вспоминаю.

И ведь некому сказать, и терпеть нет мочи. Иной раз боюсь, что не вытерплю и закричу.

Вяземская. Закричи. Закричи, чтоб все услышали и Морозову донесли. А уж он сам домыслит и свидетелей найдет, что князь Прозоровский царевну околдовал и престол царский захватывать собирается. И отрубят ему голову. И тогда твое сердце успокоится.

Из горницы царевен доносится звон часов.

Анна. Ну все, не видать мне его сегодня.

Анна бросается к окну. Во дворе князь Прозоровский сидит на лошади и искоса поглядывает наверх. Заметив Анну, он улыбается, трогает поводья и уезжает.

Анна (*шепотом*). Крестная, он видел меня, он меня ждал.

Анфиса продолжает сидеть на своей лавке. Открывается дверь внизу, входит с прислужницами боярыня Годунова, царская мамка. Анфиса бросается ей навстречу.

Анфиса. Княгиня Вяземская у царевен.

Годунова. Давно?

Анфиса. Больше часу.

Годунова. О чем говорят, не знаешь?

Анфиса. Нет, матушка, побоялась войти.

Годунова. Хорошо сделала. (*Не входя в свои покои, разворачивается, направляется к царевнам.*)

Годунова по-хозяйски входит к царевнам. Татьяна и Ирина за вышиванием. Анна с Вяземской сидят рядом на диванчике, Вяземская держит руку царевны в своих.

Годунова (*подходя к Вяземской*). Век тебя не видела, Анна Васильевна. Вот и крестница, гляжу, тебе рада.

Вяземская. Да какая от меня, старухи, радость. Битый час болячками своими похвалялась. А тебе, матушка, вот что скажу. Хрен, на водке настоящий, от суставов чудо как хорош. И пить его, и втирать, и примочки делать.

Годунова (*пожирая ее глазами*). Надо попробовать. И меня суставчики вконец замучили.

5. Алексей один. Расхаживает по комнате, смотрится в зеркало; потом бегом направляется в комнату своей няньки.

Нянька занята рукоделием. Входит Алексей.

Алексей (с порога). Федора!

Федора. Что, голубчик мой?

Алексей. А вот то! (*Выдерживает паузу, глядя ей в глаза.*) Женюсь я. У меня скоро свадьба. (*Федора всхлипывает, утирает слезы.*) Ну вот, я думал, ты обрадуешься, а ты ревешь.

Федора (*становится на колени, целует ему руку*). Прости, батюшка, прости, родной. Это я родителей твоих вспомнила. Уж такая радость, такая радость. — Так на ком женишься?

Алексей (*поводя плечами*). Кого выберу.

Федора (*со страхом*). Смотрины будут?

Алексей. По обычаю.

Федора (*в сердцах*). Ох уж этот обычай.

Алексей. Очень даже хороший обычай. (*Скачет по комнате.*) Пре-крас-ный! Чу-дес-ный! Ты ж сама мне сказки сказывала, как царевичи на край света отправлялись за ненаглядной красой. А я царь. Ко мне со всего света красавиц свезут. А я выберу самую лучшую, самую прекрасную. (*Кружится по комнате, смеясь.*)

Федора. Дите ты, дите. Разве жену, да еще царицу, глазами выбирают? Ее умом выбирать надо. (*Стучит по лбу.*) Господь твоих родителей прибрал, тебе Морозов и боярыня Годунова вместо них. На кого они укажут, ту и бери.

Алексей. Ну уж нет, жениться за меня никто не будет!

Федора. Зачем ты так — жениться за тебя! В таком деле важном совета спросить — и сто раз, и двести, все много не будет. Не приведи Господь ошибиться. (—) Ты вот сказки вспомнил! В сказках все легко. В сказках и царствовать легко — поди туда, не знамо куда, принеси то, не знамо что. И идут, и несут, — а на деле? Ты ведь еще толком царствовать не начинал, а скажи, легко ли это?

Алексей (*со вздохом*). Совсем не легко. Но почему-то всем хочется. Ну не всем, так многим.

Федора (*в ужасе*). Кому хочется? Извергам и супостатам?

Алексей. Да ладно, Федора, это я так сказал. Не твоего это ума дело.

Федора. Правильно, не моего. — А Борис Иваныч и о тебе, и о царстве твоём день и ночь помышляет, о себе самом и не думает. Уж сколько лет он вдовый, ему и жениться недосуг. Всё в трудах!..

Алексей. Я ему жениться не мешаю.

Федора. Ты себе не помешай. На одной красоте жениться нельзя. Надо вызнать, какого нрава, умна ли, и что за родня. Вот что важно. А вдруг они станут Борису перечить? Опять пойдут свары, давно их не было!

Алексей. Знаешь, нянька, мне, конечно, лет мало, но я царь, а не дурачок какой-нибудь. Морозов останется Морозовым, а новой родне тоже место найдется. (—) Если бы мне в приданое Киев давали или Волинь, было бы о чем говорить! (*Говорит серьезно и даже грустно.*) Если я не сам выберу, я же не смогу ее любить. Что ж я должен, только для блага народного жениться, а своего счастья мне не положено?

Федора. Голубчик мой, цветик мой лазоревый! Я же все это говорю, о тебе заботясь. Мне кроме твоего счастья ничего на свете не нужно. (*Целует его руку.*)

Алексей. Ты лучше помолись за меня, Федора, чтобы все получилось. И чтобы она меня полюбила, как я ее.

6. У Морозова.

Морозов за столом просматривает бумаги, отдает секретарю. Рядом Кузьма Кузьмич. Секретарь выходит, Кузьма подходит к окну.

Кузьма. Борис Иванович! К нам протопоп идет.

Морозов (*не отрываясь от бумаг*). Мне с ним надо поговорить.

Кузьма. Значит, почувствовал. Он прямо бежит.

Те же и протопоп.

Морозов. Вдвойне тебе рад, отче Стефан! Есть важное дело.

Стефан (*отдышавшись*). И у меня очень важное. — Ересь открылась. Страшная ересь, хуже жидовской.

Морозов разводит руками и иронически переглядывается с Кузьмой.

Морозов. Слушаю тебя со всем вниманием. Что за ересь?

Стефан. А вот послушай очевидца. (*Подходит к двери.*) Заходи!

Входит изгнанный слуга Прозоровских и бухается на колени перед Морозовым.

Морозов. Кто таков?

Ерошка. Ерошкой зовут. Ерофей Петров.

Морозов. Чем занимаешься?

Ерошка. Служил в усадьбе князя Прозоровского. Морозов делает недовольную гримасу.

Кузьма. Служил. А теперь, значит, не служишь?
Ерошка мотает головой. Кузьма хмыкает.

Морозов. Так что за ересь? Где ты ее отыскал?

Ерошка. Сейчас скажу. У князя Прозоровского управляющим Трофим Игнатьевич.

Морозов (*кивая*). Ну-ну.

Ерошка. Живет он в той же усадьбе, в отдельном доме. В доме том подвал. А в подвале окошки ровень с землей, вот там они и молятся по-своему, еретики эти. Встанут в кружок на колени, руки над головой поднимут — и молятся. А я на земаю лег и в окошко подсмотрел.

Морозов (*в полном недоумении*). У них там что, церковь в подвале?

Стефан (*приходя на помощь Ерошке*). Сейчас я тебе разъясню, Борис Иванович. Совершается общая молитва вне церкви, без икон, без крестного знамения (*доносчик кивает на все это*), втайне от властей.

Морозов (*в ужасе*). И князь тоже в их молитвах участвует?

Ерошка. Нет-нет, князя я с ними никогда не видел. В подвале в этом. Но однажды он заходил и беседовал с одним. Такой с большущей бородой, которого они больше всех почитают.

Морозов. И за что же они его почитают?

Ерошка. Да он, как будто бы, невесть сколько лет

живет и не помирает. И пройти может где угодно.
Хоть по воде, хоть сквозь стену.

Кузьма (*в полном изумлении*). Неужто сам Михайло Иванов?

Ерошка. Да, Михайлой Ивановичем его зовут.

Стефан. Ты что, слышал о нем, Кузьма Кузьмич?

Кузьма. Об этом Михайле, отче Стефан, слышали еще в царствование Василия Иоанновича. Да редко кто верил в него, чаще все это баснями считали.
(*К Ерошке*) Так ты его видел живьем?

Тот испуганно кивает.

Морозов. Так сколько же ему лет?

Протопоп тот же вопрос повторяет беззвучно.

Кузьма (*весело*). Вот сами и считайте, я на его крестинах не был.

Морозов. А остальные что? Тоже по воде ходят?
Откуда они берутся и куда деваются?

Ерошка (*в замешательстве*). Ну... я... Иной раз кто-нибудь так у Трофима и стоит, а другие еще где-то стоят... Сойдутся, а потом расходятся...

Кузьма. А что ж ты за ними не проследил?

Ерошка (*в еще большем замешательстве*). Да я хотел... Да это все равно без толку. Они, как выходят за ворота, так будто растворяются. Я сам слышал, как один хвалился, что может невидимым пройти, а другие посмеивались и говорили, что очень даже можно, если очень нужно.

Кузьма прохаживается по комнате, выразительно переглядываясь с Морозовым.

Кузьма. Ну хорошо, а сейчас кто-нибудь из них стоит у Трофима? (*Ерошка отрицательно мотает*

головой.) А давно они на молитву свою еретическую сходились? (*Ерошка молчит.*) Что не отвечаешь? Давно, значит. А теперь их и вовсе нет, разлетелись пташки. Так почему же ты, когда надо, не донес? Чего ждал? Ждал, пока Трофим Игнатъич тебя за воровство выгонит?

Ерошка ударяет головой об пол.

Кузьма (*выглядывая за дверь*). Кликни сюда Лавруху! Пусть он возьмет этого и выведет его через Боровицкие ворота.

Кузьма выпроваживает Ерошку.

Стефан. Кузьма Кузьмич, что ж ты не спросил, где его потом искать? Он ведь еще понадобится.

Кузьма. Нет, отче Стефан, он уже больше не понадобится. (*Протопоп хмурится. Кузьма продолжает двусмысленно.*) Мы и так уже все, что надо, знаем про все эти дела и про честного Трофима Игнатъевича.

Морозов сидит крайне недовольный, барабанит пальцами по столу.

Кузьма. То-то меня всегда от этого Трофима воротило. Уж до того честный. — Вот ведь как получается, честность, оказывается, опасная вещь. В честном человеке должного смирения не бывает. Честный, он всегда гордец. (*Лицемерно вздыхает.*) А уж если он в делах веры возомнит себя умней других, то — пиши пропало.

Стефан (*недовольно*). Так что ж ты делать собираешься?

Кузьма (*лукаво*). Ждать. Терпение есть вера святых.

Стефан готов завопить. Вмешивается Морозов.

Морозов. Отче Стефан, послушай меня. Ты ведь меня при выходе застал, я к тебе шел (*подмигивает*),

подарочек тебе приготовил. Но не это главное. О деле собирался говорить, великой государственной важности. И тебя оно напрямую касается.

Сын твой духовный, о народном благе пещась, задумал жениться.

Стефан (*крестясь торжественно*). Слава тебе Господи. Я уже не раз об этом думал, все поговорить собирался... с тобой, Борис Иванович.

Морозов. Уж такое это дело, что от него зависит будущность всей земли Русской (*выразительно*) и всех и вся. Пока оно не совершится, никакой сумятицы допускать нельзя. — Да еще где! В доме князей Прозоровских. Ну, понятное дело, князь Симеон тут ни при чем. Подумаешь, пришел разок посмотреть на диковинного старца.

Кузьма. Который черт знает что врет, мол, что полтора ста лет прожил, а то и все двести.

Морозов. А этот Трофим, он же князю родней родного. Он ему и правая рука, и левая. Ему люди завидуют, что у него такой управляющий.

Кузьма. До того честный, аж тошно делается.

Стефан (*бурчит*). Преподобный Иосиф Волоцкий ересь жидовскую огнем и мечом истреблял.

Кузьма. Эх сравнил. Жидовская ересь в Кремле сидела, во всех соборах и аж в терем царский проникла. А эта где? В подвале у какого-то Трофима.

Морозов. Еще и разобраться надо, было там что-нибудь, или этот вор все напридумал.

Кузьма. Ну, это мы выясним. Мы их без присмотра не оставим. И честный Трофим от ответа не уйдет, ты уж не сомневайся, отче Стефан, только терпения наберись.

Морозов (*машет на него рукой. К Стефану*).

И потом, тебе же хорошо ведомо, что молодой Прозоровский очень к царю близок. И как ведь разумно себя держит. Во всех забавах царских участвует, а в советчики никогда не лезет, не то, что иные. Стоит ли из пустяков государя огорчать, тем более сейчас, когда у него мысли совсем не о том!

Стефан. В общем, приказываете ждать, пока они открыто пойдут свою ересь проповедовать на площадях да на папертях.

Кузьма и Морозов смеются.

Кузьма. Долго ждать придется, Стефан Вонифатьевич. Этот Михайло за двести лет не собрался, глядишь, еще двести прособирается.

Морозов (*резко*). Хватит об этом. (*Обнимает Стефана за плечи.*) Пойдем, отче Стефан, отужинаем и поговорим совсем о другом. О наших раскрасавицах московских и особливо о твоих духовных дочерях.

Стефан (*уходя, Кузьме*). Кузьма Кузьмич, ты ведь доносителю давешнему даже не сказал, чтоб он язык за зубами держал.

Кузьма. Вот об этом уж не беспокойся. Никто от него ни слова не услышит.

Стефан (*нервно*). Ты что, ты что делать с ним собираешься?

Кузьма. Я? Ровным счетом ничего.

Вечер. Ерошка бредет по темной улице. Его настигают двое и убивают ножом.

7. Царь у себя.

Проаживается по комнате. Садится. Встает. Звонит в колокольчик.

Алексей. Назар!

Входит Назар Чистой.

Алексей. Сегодня больше с боярами сидеть не буду.
Я к сестрам пойду.

Царь идет дворцовыми переходами в женский терем. В передней царевен все вскакивают, кланяются.

Царь входит в горницу, переглядывается с Ириной, та немедленно делает знак всем, кроме царевен, выйти.

Ирина. Царюшка наш пожаловал. (*Целует его.*)

Сестры наперебой приветствуют его. Анна — с вымученной улыбкой.

Алексей. Я вас собираюсь удивить. А вот чем — ни за что не угадаете.

Татьяна. Да, не угадаем. Уж больно у тебя хитрый вид, царь-батюшка.

Алексей (*грозя пальцем*). У царя-батюшки хитрого вида не бывает. У него всегда мудрый вид, даже если он глупость говорит.

Сестры с готовностью смеются.

Алексей. Я, однако, о важном деле говорить пришел. Думал я, думал и решил, что слишком долго у нас на Руси государя своего за малое дитя почитают. Он все погремушками играет, а решают за него бояре. Так что решил я люди своя порадовать и напомнить, что я уже взрослый.

Ирина. Только голову никому не руби.

Алексей (*улыбаясь*). Нет, это пока никому не грозит. — Я жениться решил.

Сестры. Ах, братец! Ах, Алешенька! Ах ты наш батюшка!

Татьяна. А на ком, государь-батюшка?

Алексей (*пожимая плечами*). Выберу по обычаю.

Ирина. Что ж, по обычаю, так по обычаю.

Алексей. Понятно, что у других государей не так заведено, но что мы тут можем поделывать?

Ирина (*грустно, покачивая головой*). Ничего не можем.

Алексей. Зато сам, кого захочу, того и выберу. Тут тоже своя выгода есть.

Татьяна. Дело уж очень важное, государь. Тут не грех лишний раз посоветоваться. И с Борис Ивановичем, и с другими.

Алексей. Посоветуюсь, посоветуюсь. Только выбирать буду все равно сам.

Ирина (*как бы между прочим*). А указ уже подписал, Алешенька?

Алексей. Завтра подпишу, а может уже и сегодня. (*Подзывает сестер к себе поближе, заговорицуки*) Я тут придумал кое-что, а вы мне в этом поможете. Только обещайте, что до последнего дня никому ни звука.

Сестры. Ну конечно, конечно обещаем.

Алексей. Я всех девиц смотреть не хочу. Ну их, еще в глазах зарябит. Пусть они соберутся, а я назначу судей из бояр, чтоб отобрали шесть-семь самых лучших. А уж потом сделаем так. Вы этих

выбранных зовете к себе, понятное дело, еще и боярынь всяких, для порядку, а я переоденусь музыкантом и вместе с другими туда затешусь. И времени будет больше рассмотреть, и вы с ними поговорить успеете, разобраться, чтоб дурой полной не оказалась. А, Ирина Михайловна, хорошо я придумал?

Ирина. Да, мой ангел. Уж мы-то для тебя постараемся. Твое счастье — это наше счастье. Уж мы ради него ничего не пожалеем.

Анна (*взволнованно*). Ты просто чудо хорошо как придумал, Алешенька. Конечно, ты сам должен выбирать. И только ты, что по сердцу тебе придется. И уж конечно, самую красивую.

Татьяна. Вот и начнешь сам государить.

Алексей. Да уж, давно пора.

Сестры без Алексея.

Анна. Иринушка! Танюшенька! А ведь он и вправду сам начнет царствовать! А этот Морозов, что на нем, свет клином сошелся? Да кто он такой? Ирина, почему ты молчишь?

Ирина (*прижимая ее голову к своему плечу, смотрит вверх*). Все будет хорошо. Все у нас будет хорошо, все наладится.

Анна. Ты что, не веришь?

Ирина. Спать иди, Анна Михайловна, спать пора. Нам завтра к ранней обедне, выспаться не успеешь. (*Крестит ее и целует.*) Иди, Христос с тобой.

Анна уходит, чуть не прыгая на ходу.

Ирина. Обрадовалась, дуреха. Морозова скинула, замуж вышла, народ накормила пряником

медовым. (*Вздыхает.*) Ну не будет Бориса. Другие найдутся, еще похуже! — Да нет, куда он денется? Небось, уже и невесту припас для Алеши.

Татьяна. Да может, он вообще еще ничего не знает?

Ирина. Ох и умна же ты! Он же сказал, что уже сегодня указ подпишет! Значит, он уже пишется. Неужели в обход Морозова? — Да это все его затея.

Татьяна. Вообще-то у Бориса ни сестры, ни дочери. Мы же всё их родство знаем — там нет невест, одни малолетки.

Ирина. Ничего, Морозов из камней сих сотворит нужную невесту (*крестится на икону*), прости меня, Господи!

Татьяна. Но ведь Алеша не дурачок какой-нибудь. Он твердо решил, что выбирать будет сам. Как ему смогут навязать?

Ирина (*тихо*). Наш отец тоже сам выбирал.

Татьяна. Что наш отец, Ирина? Ну была у него первая жена, Долгорукова. Она умерла. Что ж тут поделаешь? Потом он на матушке женился.

Ирина. Умерла. И все знали прекрасно, от чего умерла. А до нее — что было?

Татьяна. Как это — до нее?

Ирина. Да ты что — про Марью Хлопову никогда не слышала? Хорошо же у нас умеют молчать.

Татьяна. Да кто она?

Ирина. Первая отцовская невеста. Он ее сам выбирал, и высматривал перед этим. Все сам. А с ней еще до свадьбы невесть что твориться стало. Объявили ее порченой и сослали в Тобольск. А родителей еще куда-то сослали. Так они поврозь и погибли.

Татьяна. Мать Божия! — Знаешь, Ирина, может, лучше Алеше выбрать ту, которую Морозов укажет, уж он-то не даст ее обидеть. — И вообще, хоть все его ненавидят, а он царю предан и в делах государственных смыслит.

Ирина (*гневно*). Это ты в них ничего не смыслишь! — Что он умеет? Чужие мысли за свои выдавать, чужие дела себе присваивать? А в сундуках у него больше, чем в государевой казне. С чего бы это, а? — (*Махнув рукой*) Да что тут говорить! Как-то жили, как-то и дальше проживем. (—) Куда нам деваться, когда мы одни в целом свете православные, а все кругом злые еретики.

Спать пора, царевна Татьяна. Завтра к ранней обедне вставать, не добудишься тебя.

Ирина остается одна. По лицу ее текут слезы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Касимов. Харчевня.

Яков Осина и его сообщники сидят за столом, уставленным кружками.

Осина. Уж такой он наглец, Ивашка этот Всеволожский, второго такого наглеца еще поискать. А надоел всем хуже горькой редьки: с поклонами не ездит, подарков пристойных не возит. И не понимает, дурак, что себе же хуже делает. Ведь его именишко разори до тла — никто не заступится. Одно слово — дурак и наглец.

Первый. А у него хоть есть, чем поживиться? А то просто так промить — скукотища.

Осина. Еще как есть, можешь не сомневаться. Он не только наглый, он еще и хитрющий. Да, наглец и хитрец. Домишко у него старый, кафтан один и тот же двадцать лет таскает, — а все знают, что урожай у него каждый год, какой другим не снился. Так куда же, спрашивается, все девается?

Первый (*оживляясь*). А вот пошарим в сундуках, тогда узнаем.

Остальные (*гогочут*). Да уж, проверим! — Повыясняем! — А с тем и пойдем, чтоб узнать — куда что девается?

Второй. Тут одна закавыка есть. Усадьба его от деревни неподалеку, ясное дело, мужики проснутся, или кто из дворовых за ними побежит.

Третий. Какой мужик за своего барина в драку полезет? Еще рад будет, что кто-то за его обиды отомстил.

Осина (*обеспокоенно*). У Ивана Всеволожского могут и полезть. Там у них... (*делает неопределенный жест*).

Второй. То-то и оно.

Остальные. Да что они против нас! — Раскидаем. — Первых же так испугаем, что остальным не захочется.

Второй. Договорить мне дайте. — Есть у Всеволожского один мужик, Гордеем зовут. Может, кто из вас его знает? Не может быть, чтоб никто не знал.

Остальные. Да, слышали, конечно. — Он медведей голыми руками заваливал. — Он один тридцати стоит — у него такие кулачищи — кирпичную стену прошибить может.

Первый. Так как же тут быть?

Второй. А вот как? — Уговориться с ним надо. Кой-чего поднести, кой-чего обещать. Надо, чтоб он в эту ночь в отлучке оказался.

Осина (*мрачно*). Ну что, так вот заявиться и сказать: мы, такие-то и такие-то, в такой-то день твоего барина грабить собираемся?

Второй (*самодовольно*). Я знаю, что надо делать. — Этот Гордей, он и такой, и сякой, а жену свою, как малое дитя, слушает. А мы с ней не чужие. Она у моей сестры крестила. Ну, не у сестры, у золовки ее, но всё равно свои. — Она такая бабенка, и из себя у-ух! И пошутить любит. Я ее уговорю.

2. Крестьянское подворье на околице села. Красивая дородная баба стоит на приставной лестнице перед чердачным окном. С высоты ей хорошо видна проселочная дорога. По дороге идет Второй сонцевский

разбойник. Женщина проворно спускается с лестницы, входит в избу, обращается к мужику богатырского вида.

Варвара. Гордей Гордеич! Там Микитка сонцевский идет и все в нашу сторону поглядывает. Знаешь что, полезай-ка ты в чулан.

Гордей. Ну ты, баба, скажешь! Чего это я в чулан полезу?

Варвара (*ласково*). Гордей Гордеич! Полезай-ка в чулан.

Гордей пожимает плечами и лезет в чулан. Варвара выскакивает наружу и, поворотившись спиной к дороге, старательно изучает горшки и кувшины, нет ли где трещины.

Микита (*появляясь у нее за спиной*). Доброго здоровьичка, Варвара Матвеевна!

Варвара (*вздрагивая всем телом*). Ой, Микитушка! А я тебя и не заметила. Аж напугал! Каким ветром к нам занесло?

Микита. Да вот тебя хотел навестить, да с хозяином твоим потолковать (*подмигивает*), ежели ты не против.

Варвара. Ой, незадача какая. А Гордеича моего и нет.

Микита (*глаза у него загораются*). А где он?

Варвара. Барин Иван Родивоныч его аж в Рязань отослал.

Микита. А за каким делом?

Варвара. Снасть какую-то привезти для медоварни. И еще чего-то там, а чего, не знаю. Он грамоту отписал купцу тамошнему, купец и прочтет. А мы-то не умеем, я туда заглянула, да только «веди» и «мыслете», а больше ничего и не разобрала.

Микита. И когда же ты его ждешь?

Варвара. К субботе обещался непременно быть, а ты уж для верности заходи в воскресенье после обеда.

Микита. Зайду-зайду. Обещаю. — А пока, Варвара Матвеевна, в знак дружбы нашей, прими от меня вот это (*вынимает из-за пазухи роскошный платок*).

Варвара (*машет руками*). Да что ты, Микитушка, и думать не моги! Уж ты не обижайся, но мне без Гордей Гордеича подарок принять! Хоть мы с тобой и свои! Не приведи Господь. Ты же знаешь, какие у него кулачищи.

Микита. Знаю, Матвеевна, знаю.

3. В усадьбе Всеволожских.

В большой горнице Иван Родионович, Евдокия, Андрей, Варвара, Гордей и староста Митрофаныч.

Варвара. Барин-батюшка, Иван Родивоныч! Чует мое сердце, они этой ночью заявятся.

Евдокия (*тяжело дышит*). Дождались! Дождались!
А ведь говорил отец Никола!

Всеволожский. Говорил, говорил! Что, оборонимся, что ли, его словами?

Митрофаныч. Не бойся, матушка Евдокия
Никитишна! Бог не выдаст — свинья не съест.
Не зря же их Гордеиха перехватила.

Всеволожский (*жене*). Варварушку наградить надо,
как следует.

Евдокия. О чем речь! Сегодня же наградим.

Варвара (*машет руками*). Нет-нет, только опосля. —
Решайте скорее, как их встречать. Дело к вечеру.

Всеволожский. Как думаешь, Павел Митрофаныч,
встанут за меня мужики?

Митрофаньч. Не сумлевайся, Иван Родивоньч, наши мужички никогда тебя не выдадут. Они твоей справедливости хорошо цену знают. И хорошо знают, какие господа у других.

Всеволожский (*тихо, Андрею*). Вот видишь, я у тебя и неуч, и грешник. А вот что обо мне другие говорят.

Андрей (*так же тихо*). Батюшка, родимый, ну что ты такое на меня возводишь?

Гордей. Да что этих сонцевских бояться? Это ж гниль болотная. Они только тем сильны, что безнаказанны. Я один с ними справляюсь. А если мне еще Сеньку с Лукашкой...

Андрей. Тебя чтоб тут и близко не было!

Гордей. Как это, барин?

Андрей. А ежели тебя узнают? Ведь Варвара-то тебя в Рязань отравила. Не приведи Бог, они додумают, что она их провела! Они же вас подожгут.

Варвара (*смотрит на него изумленно*). Ох какой же ты, Андрей Иваныч!

Варвара выпрямляется во весь рост и как бы засучивает рукава.

Варвара. Ладно! Что стоим, время теряем? (*Евдокии*) Ты, матушка, собери барышню Фиму с ее нянькой и спровадь их к Митрофаньчу в избу. Лучше ей быть отсюда подальше. (*Митрофаньчу и Гордею*) Вы поскорее мужичков собирайте и ведите сюда. Мы им смотр устроим.

Всеволожский. Ай да баба! Козьма Минин в сарафане!

Варвара (*тоном полководца*). По моему разумению, ждать их надо со стороны гумна. К барской

усадьбе только две дороги: со стороны гумна и через деревню. Но по деревне они побоятся.

Всеволожский. Почему?

Варвара. Собаки залают непременно. По собачьему лаю всегда понять можно, спроста они лают, или нет. — Но на всякий случай надо будет у околицы каких-никаких дозорных выставить.

Андрей. Вот собаки — это то, что нам нужно. (*Всеволожский смотрит вопросительно.*) Там возле гумна есть пустой сарай. Надо привязать возле него собак, и побольше. И как они залают, пусть дозорный закричит «воры, воры!» и бежит в сторону деревни. Нам непременно нужно, чтоб сонцевские думали, что все получилось случайно.

Варвара опять изумленно смотрит на Андрея.

Всеволожский. А что собаки там делали?

Андрей. Не знаю, это не мое дело. Это их дело. Собачье.

Варвара (*хлопает в ладоши*). Телегу надо поставить поперек дороги! А колесо снять. — Ну дурной мужик! Телега сломалась, а он там на ночь остался. Увидел добрых людей, испугался — и бегом в деревню. А пока они через ту телегу перелезть будут, все наши и подоспеют.

Андрей. Шум нужен, шум, шуметь надо изо всех сил. Они сообразят, что к чему, и, может, безо всякой драки уберутся.

Всеволожский. Ну, не мешало бы их отделать хорошенько, чтоб неповадно было сунуться еще раз.

Андрей (*очень спокойно и твердо*). Всякая драка смертоубийством может кончиться. Неужели наши люди должны голову сложить за наше добро?

Всеволожский (*покосившись на Варвару*). Наши —
Боже упаси. Но этого Якова Осину я бы своими
руками придушил.

Андрей. Тогда воевода Обручев с нас взыщет
и за него, и за все его грехи. — Нет, Господь
помилует, не будет у нас душегубства.

Входят Гордей и Митрофаньч.

Митрофаньч. Варвара Матвеевна, принимай войско.

Все выходят на крыльцо. Во дворе толпятся мужики
с дубинами и кольями.

Варвара, как заправский военачальник, ходит между
ними, отдавая приказания. Всеволожский и Андрей на-
блюдают за ней, улыбаясь и качая головами.

Голос Варвары из толпы. А ты беги навстречу
и кричи: «Сенька идет, Сенька! Он похлепце
Гордея будет!»

Голос Гордея. Вот ведь врет. Я Сеньку в два счета на
лопатки кладу.

Темнеет. Наступает ночь.
Мужики в дозоре. Другие в засаде.

Господский дом.
Всеволожский, Андрей, Гордей, Варвара и Митрофаньч
вглядываются в темноту.
Ожидание.

Шайка Осины движется по дороге к усадьбе.

Осина (*хватаясь за шапку*). Ишь какой ветер
поднялся!

Микита. Зато светло как сделалось.

Ярко светит луна.

Осина. У него дворовых совсем мало, у Ивашки-то, и всё старухи, да старик один. И сам он уже не боец. А сын у него, говорят, придурковатый (*смеется*), с мужиками первым здоровается.

Микита. Да чего там! Главное — Гордея нет. Этих мы живо скрутим. А без Гордея никто из ихних мужиков не пойдет им на подмогу.

У Всеволожских.

Все приникли к окнам. Наконец, доносятся крики.

Крики. Воры! Воры! Разбойники! Сюда, сюда!
Помогите!

Всеволожские и их люди выбегают на крыльцо. Варвара и Гордей бегут в направлении криков.

Крики. Бей их! Это сонцевские, я их узнал! Давай, Сенька! Всыпь им, Лукашка!

Голос Варвары. Не смей, Гордеич! Тебе барин запретил!

Андрей один. Он несколько секунд стоит в растерянности, потом бежит бегом в деревянную часовню возле дома.

В часовне.

Луна ярко светит в окно. Освещает икону, изображающую Христа с раскрытой книгой на коленях.

Текст: «Аще кто хочет по мне идти, то отверзи ся, возьми крест свой и по мне иди».

Андрей хватает свечу, ставит перед образом и вдруг соображает, что ему нечем ее зажечь.

За окном крики. Андрей в замешательстве.

Свеча загорается сама.

Андрей. Господи Боже!

Андрей падает на колени, прижимается головой к ножке подсвечного стола, целует ее.

Андрей. Господи Боже! Милый Ты мой!

Голос Всеволожского. Андрей! Андрей! Где ты подевался?

Всеволожский врывается в часовню.

Всеволожский. Ну конечно, баба богомольная!

Хватает Андрея за шиворот, вытаскивает из часовни.

Крики. А-а-а! Бегут! Бегут! Труссы! Догоняй их, ребята!
Бей их!

Голос Варвары. Назад! Все назад! Барин не велел.

Андрей, Всеволожский и Митрофаныч бегут навстречу возвращающимся мужикам. Женщины и дети тоже собрались большой толпой.

Всеволожский. Ну молодцы, ребята, молодцы! Век вашей службы не забуду. Сейчас Павел Митрофаныч всем по чарке нальет.

Андрей. А завтра каждому по двадцати копеек серебром. *(Всеволожский морщится. Андрей говорит ему на ухо)* Из моих, из моих.

Всеобщее веселье.

Двое мальчишек, ходивших догонять разбойников, бегут к усадьбе.

Мальчишки. Пожар! Пожар! Сонцевские господский амбар подожгли.

Крик общего ужаса.

Голоса. Погибли мы, погибли! — Ветер на деревню! —
Ой, батюшки! Матерь Божья! Святые угодники! —
Ветер-то какой! — Ой, погибель пришла! — Все
погорим!

Андрей (*посреди толпы, властно*). Бегите, тушите!
И Бога молитесь! Господь помилует нас! Помилует
нас Господь!

Несколько старых женщин опускаются на колени, тво-
ря крестные знамения. Все остальные бегут к горящему
амбару.

Сильный ветер гнет деревья.
Пламя над горящим амбаром поднимается вверх,
ни одна искра не отлетает в сторону.
Некоторые из прибежавших крестьян при виде этого
зрелища застывают в изумлении. Остальные бросаются
тушить.

Варвара (*изумленно*). Павел Митрофаныч, глянь,
и впрямь чудо.

Митрофаныч (*раздумчиво*). Ветер, он как вода
в реке. Где прямо течет, а где в воронки
завихряется. Видно, в эфтом месте и случилось
завихрение. (*Вежливым тоном*) Ну, конечно же,
за все Господа благодарить надо.

З-а. В доме Всеволожских.
Иван Родионович в кресле, в отчаянье. Евдокия, Анд-
рей, Фима, нянька Настасья, Митрофаныч.

Фима (*опускается на колени, обнимает отца*).
Батюшка, голубчик, но ведь все живы, все цело.
Ну, спорело что-то! Разве ж мы не проживем?

Всеволожский. Все труды прахом! Целый год труда,
и всё прахом.

Евдокия. Бог дал, Бог взял, Родионьч. Грех роптать, ведь такая беда миновала!

Всеволожский. Да если бы само собой загорелось! Да я бы слова не сказал! — Но когда такое творится! У всех на виду! Ничего не боятся! Грабят, поджигают! И все их знают — и ничего.

Митрофаньч. Мы такое только в Смутное время видели, ей-богу. При старом царе, при старом воеводе такое и присниться не могло.

Всеволожский. Нет, я должен с ним поговорить! Я поеду в Касимов, я ему все скажу.

Андрей в продолжение разговора стоит поодаль, блаженно переживая произошедшее. Услышав последние слова Всеволожского, поворачивается к нему.

Андрей. Он того и ждет, чтоб ты пришел. Сам и прислал сонцевских, чтоб тебе про то напомнить. Только с пустыми руками к нему ходить без толку. Либо дань ему надо заплатить, либо охранную грамоту от какого-нибудь вельможи московского в нос ему ткнуть.

Митрофаньч. Да, вот так. В прежние времена в Золотую Орду дань возили. А теперь эта Орда на каждом перекрестке.

Евдокия. Давай в Москву поедем, Иван Родионьч.

Всеволожский (*кричит, стуча кулаком*). Я сначала в Касимов поеду! Пусть он мне в глаза посмотрит! Я столбовой дворянин! Я за царя сражался! Я Сергиеву Лавру оборонял!

Настасья. Батюшка, да не убивайся ты так, себя пощади. Он мизинца твоего не стоит, воевода этот.

Фима (*обнимая отца*). Ну конечно же, мы поедем в Касимов. Завтра же все поедем. Отец Никола, чай, по тебе соскучился, он так тебя любит.

Всеволожский (*смягчаясь*). А ты в Касимов ехать не боишься? А как матушка попадья начнет тебя сватать?

Фима. А я храбрая, я никого не боюсь. Я даже матушки Глафиры Петровны не боюсь.

4. Москва.

У Кузьмы Кузьмича.

Кузьма и Поликарп (помощник Трофима).

Кузьма. Давно ты не появлялся.

Поликарп. Прости, батюшка Кузьма Кузьмич. Работы много было. А Трофим Игнатич, сам знаешь, мужик дотошный. Все ему надо знать, где был, куда ходил.

Кузьма. А как про жалованье вспомнил, так сразу время нашлось.

Поликарп (*падая на колени*). Кузьма Кузьмич, да что жалованье! Я и так по милости твоей как сыр в масле катаюсь. Да разве я когда забуду, что ты меня, сироту, к такому месту пристроил. А что давно не был — мой грех, каюсь. Но я, чай, не у бояр Стрешневых служу. Сам знаешь, князя наши — люди тишайшие. Князь Симеон Васильич всегда повторяет: кто Смутное время пережил, тому заради тишины ничего не жалко. Да если бы я про какой злой умысел...

Кузьма. Ты, Поликушка, поднимись и встань-ка вон там, возле окошка!

Поликарп идет ближе к свету, к окну. Кузьма пристально смотрит ему в лицо.

Кузьма. Тебе ведомо, Поликарп, что такое ересь?

Поликарп (*ошарашенный*). Я, батюшка, читать-писать умею, в уме считаю побыстрее самого Трофим

Игнатъича, еще я шорное дело знаю, столярные работы делать умею... Где же мне еще какие-то ереси знать, что я — семи пядей во лбу?

Кузьма (*цедит*). Больно много говоришь, Поликушка.

Поликарп. Это я со страху. Я же вижу, что ты на меня гневаешься, а за что — понять не могу. Оттого и страшно.

Кузьма. Ну хорошо. Я тебе помогу. Ходят к твоему Трофиму диковинные страннички, а ты об этом ничего не докладываешь.

Поликарп. Ну, батюшка, их же столько ходит! Им тогда запись вести надо. А уж что они несут! Каждый думает, чем больше наврет, тем больше ему подадут. Они же заради этого и странствуют.

Кузьма. А Михайло Иванов, что по воде ходит, он тоже подаяния просить приходил? Да? И князь Симеон Васильевич ему из своих рук подавал?

Поликарп. Ну, батюшка Кузьма Кузьмич, ну ты прям Даниил-пророк! Был такой старец в усадьбе нашей, только меня в ту пору в Москве не было. Меня Игнатъич в нижегородские имения посылал, у нас там падеж скота случился...

Кузьма (*сквозь зубы*). Где у них только нет имений. — (*Громко*) Так почему же не доложил?

Поликарп. Да кабы я помыслить мог, что тебе про это знать важно. Теперь буду докладывать. Дай Бог памяти на всю их брехню. А запись вести — так Трофим поймает.

Кузьма. А ты не про каждого докладывай, а только про особых, которых привечают особо, князю Прозоровскому представляют, пред его светлые очи.

Поликарп. Батюшка Кузьма Кузьмич, да ведь

богомольцев и юродивых и в царских палатах привечают. Кабы князь его слова на веру принял, он бы его к царю отвел.

Кузьма. А царь бы его признал еретиком злым и приказал бы сжечь живьем.

Поликarp (*падая на колени*). Батюшка, прости меня! Это же не по моему разумению. Ты хоть меня научи!..

Кузьма. Встань, Поликarp! И стой так, чтобы я на тебя снизу смотрел.

Поликarp (*поднимаясь*). Слушаюсь, батюшка.

Кузьма. Так что же этот Михайло врал?

Поликarp. Батюшка, да повторять стыдно! Хуже Аленки-побирушки, что каждую неделю за подаянием ходит. У ней сын догола раздевшись на крышу залазит и кричит, что он царь Навуходоносор.

Кузьма. Слишком много говоришь, Поликarp.

Поликarp. Да мне же вспомнить надо, концы с концами соединить. Меня ж не было при этом. Трофим Игнатич рассказывал и тоже сомневался. У него выходило, что он не то что отца, а дедушку Ивана Грозного видел.

Кузьма. А что ж тут стыдного?

Поликarp. Да это-то ладно. Он про это так прямо не говорил. Это как бы само собой выходило. А байку вот какую сказывал. Мол-де Иван-царевич, про которого в сказках сказывают, был на самом деле и в Москве правил. Отец его, царь, на войну уходя, оставлял его царствовать. И добрее его и справедливее никогда никого не было. А потом его извели злые вороги, ворожбой там, и ядом, ну по-всякому. И вот, мол, когда народ об Иван-

царевиче сказки сказывает, это он, значит, мечту свою лелеет, чтобы тот воротился и над ним царствовал.

Кузьма (*невозмутимо*). Да, был такой царевич. Иван Младой прозывался. Очень его в Москве любили, потом отравили.

Поликарп. А когда же это было, батюшка Кузьма Кузьмич?

Кузьма. Отравили когда? Да лет тому полтораста с лишком.

Поликарп. Так что ж этот Михайло, и впрямь двести лет живет?

Кузьма. Про это лучше у него самого спрашивать.

Поликарп (*лукаво*). Так, может, тогда и Аленкин сын — царь Навуходоносор?

Кузьма. Все может быть. Но и про это лучше спросить у Михайлы Иваныча. (*Отчетливо*) И у других, таких же как он, богомольцев премудрых. Ты уж за ними досмотри, Поликушка, а то, выходит, я тебе жалованье плачу, а самому за тобой досматривать приходится.

Поликарп на ватных ногах направляется к дверям.

Кузьма. Погоди-ка, Поликушка. Ты мне вот о чем доложи. Как там Игнатка, Трофимов сын? Корабли в немецкие земли снаряжать — прибыльное дело. Чай, не один сундук уже золотом набил?

Поликарп. Да какой там, Кузьма Кузьмич. Он ведь на казенном жалованье. А казенное жалованье, сам знаешь, пока от Москвы до Архангельска дойдет... (*Разводит руками.*) Если бы ему Трофим Игнатьич денег и снеди всякой не посылал, он бы ноги давно протянул.

Кузьма. А, вот как! Выходит, у самого Трофима

больше денег, чем в царской казне. — Ну иди, не теряй время зря.

Поликарп идет по улице, свесив голову.

Поликарп. Едрена мать! Кто же у нас переносит? Кто?

5. Касимов.

Здание собора. Из открытых дверей слышится пение. Андрей выходит на высокое соборное крыльцо, поворачивается к храму, крестится, кланяется, оборачивается, смотрит на яркое небо, золотую листву и прыгает на землю с верхней ступеньки.

К храму спешит Захар Ильич, худошавый молодой человек постарше Андрея. Андрей бросается ему навстречу.

Андрей. Захар Ильич!

Захар (*обнимая его*). Душевно рад, душевно рад.

Наслышан я о вашем несчастье, вчера вечером попадья к нам заходила. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Андрей (*смеясь*). Еще как помогло. Меня батюшка прямо на цепь посадил, и все ее укорачивал, укорачивал. Сначала в Москву запретил, потом в Касимов. Осталось мне одно село Кузяево, он меня туда посылал по лошадиным делам. А я и там не потерялся. У них половина села — татарская. И шорник, татарин, такой грамотей оказался. Столько мне порассказал и про веру их, и про старину. (*Озирается.*) Я завтра попробую от них улизнуть и схожу в татарскую слободу. Там у моего Габдулы сродственник живет, Шарипом зовут, тоже очень грамотный!..

Захар. Лучше бы тебе воздержаться, Андрей. Это дело небезопасное. У нас в Казани был один такой татарин...

Андрей. И что?

Захар. Ой, вот мои вышли. И твои тоже.

Из церкви выходят теща Захара с его женой и красавицей Машей. Андрей кланяется им, смущенно любясь Машей. Следом появляются Иван Родионович, Евдокия Никитишна и Фима.

Касимовцы заглядываются на Фиму. Она пытается закрыть лицо фатой.

Евдокия (*шепотом*). Не надо, Фима, ты же видишь, никто не закрывается. Стой себе тихонько и в сторону смотри.

Первый касимовец. Давно тебя видно не было, Иван Родионович! Совсем ты нас забыл. Ты ведь даже дом свой касимовский продал?

Всеволожский. Да просто покупатель подвернулся на эти гнилушки. Жаль было упускать.

Второй касимовец. Рад тебя видеть в добром здравии, Иван Родионович!

Всеволожский. И я рад тебя видеть, Николай Алексеич.

Третий касимовец (*обнимая Всеволожского*). Объявился, пропащая душа. Где остановился?

Всеволожский. У отца Николы. Мы с ним старинные друзья.

Подходит Захар.

Захар. Вот, Иван Родионович, Бог дал снова повстречаться. Я ведь уже с полгода ваш, касимовский.

Всеволожский (*суховато*). Очень рад, очень рад. Андрей мне докладывал.

Захар. Ну хорошо. Расстаюсь с вами ненадолго. Матушка Глафира Петровна сегодня на угощение

зовет по случаю вашего приезда. А завтра — милости прошу к нам.

По дороге из церкви.
Всеволожский и Евдокия.

Всеволожский. Хотел бы я знать, эта попадьа когда-нибудь спит?

Евдокия. Отчего бы ей не спать?

Всеволожский. Спать — время терять. А могла бы сватать, сватать, сватать.

Евдокия. А что в том плохого? Ты, отец, все готов сердиться, а лучше бы умом пораскинул, подумал. Сам же говоришь все время, что у парня дурь в голове. А что в таком разе лучше всего? Женить. Не зря же говорят, женится — переменится.

Всеволожский (*ворчливо*). Я тридцати лет женился.

Евдокия. А ты разве смолоду был таким, как он? (*Всеволожский морщится.*) Я вчера с Глафирой поговорила. Приданого за этой Машей не меньше, чем за нашей Фимкой. Именье под Коломной неплохое, мельница совсем новая. Еще у них лес на обеих сестер.

Всеволожский. У покойного Барашова и деньги водились. Но уж деньги Захар этот точно зажмет.

Евдокия. А ты считал его деньги? У тебя и своих достаточно. Что мы, такие уж бедные? — А почему Захар этот Андрюшу привечает — понятное дело. Не из-за наших богатств. Тоже мне, богачи! Просто он ему душою близок. Уж если родниться, так уж с тем, с кем поговорить есть о чем, а не с тем, с кем двух слов не свяжешь.

Всеволожский. А Андрюшка-то сам, захочет он жениться или опять выкаблучивать начнет?

Евдокия. То-то и оно, то-то и оно, Родионьч! Ты посмотри, какая девка! А уж как он на нее поглядывал, прямо в церкви, это наш-то богомольник. Да главное не это. Глафира говорит, что девица редкостная — и грамоте обучена, и порассуждать умеет. Андрюшку этим скорее завлечешь, чем красотой. Думаешь, легко будет другую такую найти? Упустим — локти кусать будем.

Всеволожский. Ну, мне пока не до этого. У меня сейчас первое дело — с воеводой этим треклятым переговорить. А его, видишь, черти куда-то унесли.

Евдокия. Да ведь никто за тобой и не гонится. Ты только будь с ними поласковой, с Барашовыми, и все само собой сладится.

Всеволожский. Можно подумать, я грубиян какой. — А лесок их я знаю, неплохой лесок. Не зря то место Туголесьем зовется.

В доме отца Николы.

Всеволожский (*попадье*). Ну, как твой промысел, матушка Глафира Петровна? Кормит?

Попадья (*радостно*). Он мне душу кормит, Иван Родионьч. Ты подумай, ведь я уже старуха, а день-деньской только о любви и помышляю. (*Смеется*). Это же суцая благодать.

Всеволожский (*подмигивая*). А я слыхал, что у тебя в Касимове соперница объявилась, и не одна.

Попадья. Это которые сватовством за деньги занимаются? Хороши соперницы, нечего сказать! Где я, и где они! — Я же сердцем чую, где любовь получится. Разве я стану абы кого сватать? Да еще за деньги. — Я каждого через сердце свое пропускаю, у меня своя награда!..

Евдокия. Да он тебя подначивает, матушка Глафира Петровна, а ты и клонула.

Всеволожский. А вот и наш батюшка.

Входит отец Никола в сопровождении Фимы и Андрея.

Попадья. Ох, скоро и гости наши подойдут. Ты, Евдокия Никитишна, отдохни, голубушка, а Порфирьевна твоя мне поможет на стол накрыть.

Всеволожский и отец Никола вдвоем.

Никола. Послушай меня, Иван. Может, это и к лучшему, что воеводы сейчас нет. Ты поостынешь и поймешь, что ходить к нему без толку. Разве что с поклоном и с подношением.

Всеволожский. Я лучше умру.

Никола. Не сомневаюсь. Я тебя с самого рождения знаю. А когда он выгонит тебя и оскорбит, что ты будешь делать со своей гордостью?

Всеволожский. Он не посмеет! Это ж все равно, что расписаться в том, что он разбойникам этим потатчик. *(Отцу Никола отворачивается.)* Я ничего не понимаю, кто у него в Москве?

Никола. Не знаю и знать не желаю. — Мне Андрей давеча сказывал, что свояк твой Корионов с князем Прозоровским знает. Вот это то, что надо. Прозоровский сейчас в чести, к самому Морозову близок. У него не стыдно попросить защиты. И тогда наш Ирод касимовский тебя пальцем не тронет.

Всеволожский. Но ведь это тоже подлость — меня не тронь, а с другими делай, что хошь.

Никола. Ох Ваня, Ваня! Я за свои семьдесят лет успел понять, как эта жизнь устроена. Одни творят

подлость, а другие глаза на нее закрывают, слепыми прикидываются. И стоит кому-нибудь хоть один глаз открыть, так те подлецы норовят ему оба вырвать. (*Тяжело вздыхает.*) Наверное, где-нибудь и есть правда, но нас она всегда стороной обходит.

Всеволожский. Нет, я все же поговорю с этим Обручевым. В конце концов, Москва никуда не денется. Я подумаю, может, Евдокию туда отправлю, это ведь ее родня, Корионовы.

Евдокия (*врывается к ним*). Да ты рехнулся, Родионныч! Где это видано, чтоб мужняя жена в Москву ездила челом бить! Ты что, меня своей вдовой записал? — Отец Никола, родненький, скажи ты ему! Блажь на него нашла! Зятя моего Корионова невесть в чем подозревает, ни за что не хочет Андрея к нему отпустить. — Он почему сам-то в Москву не едет? Бойтся, что Андрей за ним следом туда прибежит.

Всеволожский. И прибежит.

Евдокия. Мы ведь такого натерпелись! Я себя в руках держу, а внутри у меня все дрожит!

Всеволожский (*виновато*). Ну, будет тебе.

Попадья (*из-за двери*). Евдокиюшка, милая, гости идут.

Всеволожские принимают парадный вид и идут на встречу гостям.

В горнице.

Всеволожские и гости: Захар Ильич, его жена, теща и Маша.

Всеволожский. Ксения Андреевна, голубушка, сто лет не видались. (*К Захару*) Я ведь с твоим тестем покойным бок о бок воевал. Вместе Сергиеву Лавру обороняли.

Барашова. Так ты, отец мой, совсем нас разлюбил.
Дом касимовский и тот продал.

Всеволожский. Да ну их, эти гнилушки.

Евдокия. Зато Андрей, как побывал последний раз
в Касимове, так только и слышишь от него —
Захар Ильич, да Захар Ильич.

Захар. Это только так говорится. А в мыслях у него
совсем не Захар Ильич.

Все смотрят на Машу, которая скромно опускает глаза.
Все рассказываются за столом, мужчины по одну сторо-
ну, женщины — по другую. Фима и Маша сидят ря-
дом, Андрей напротив них.

Фима (*негромко*). Маша, а ты вышивать любишь?

Маша. Не-а.

Фима. Я тоже терпеть не могу. (*Все трое смеются.*)

6. Москва.

Возок боярина Морозова подъезжает к крыльцу неболь-
шого дома.

Илья Милославский сбегает со ступенек, помогает
Морозову выйти, суетится вокруг него, целует руки.

Милославский. Отец мой! Благодетель мой!

Морозов. Ну полно тебе, Илья Данилыч! (*Идут
в дом.*)

Морозов располагается в горнице, вытаскивает сверну-
тый пергамент, разворачивает его.

Морозов. Вот он, список. По царскому указу только
с этого дня можно в него девиц заносить. Я твоих
красавиц, конечно, помню, и даже очень хорошо,
но для порядка должен сегодня их особо оглядеть.

Вот, двоих я уже сюда занес, не ахти каких.
А третья будет Мария Милославская — Бог троицу
любит. Так что веди ее сюда. (*Усмехается.*) И ту,
которую четвертой запишем, тоже веди.

Комната дочерей Милославского.

Няньки и служанки наряжают их, оглядывают, сдувают
последние пылинки.

Входит Милославский.

Милославский (*взволнованно*). Борис Иванович
прибыл со списком. Сейчас будет вас в него
заносить. Хочет перед этим опять на вас
посмотреть.

Анна (*насмешливо*). Все не насмотрится никак?

Мария. Анька!

Милославский. По плетке заскучала? В такой день!

Анна. Да что ты, батюшка, разве я что сказала?

Я вообще рта не открывала. Разве девице
положено говорить? Девице молчать положено
и ходить очами вниз, а поднимать только тогда,
когда прикажут вверх посмотреть.

Милославский. Ох-хо-хо! Ну я с тобой еще
поговорю. (*Няньке*) Все приготовлено?

Нянька. Все готово, барин.

В горнице.

Морозов и Милославский выжидательно смотрят
на дверь. Дверь открывается. Входят девицы, в руках
у них подносы с угощением. Они ставят подносы на
стол и отходят назад. Стоят выпрямившись, опустив
глаза.

Морозов. Да-а! Попроси-ка, Илья Данилыч, доченек
вверх поглядеть!

Девушки прыскают со смеху и смотрят вверх.

Милославский. Вот, дочери мои, боярин Борис Иванович, благодетель семьи нашей, оказал нам великую честь, занес имена ваши в список девиц, предназначенных для царских смотрин. И еще большую честь нам оказывает, обещает замолвить за вас словцо перед царем-батюшкой. А для него, для государя нашего, слово его наставника верного немалую цену имеет.

Морозов. Да-а! О-обе хороши.

Анна. Что-то я в толк не возьму — неужто государь на нас обеих женится? Али ты, боярин, турецкий закон завести хочешь?

Мария в ужасе.

Милославский. Анька! Да я...

Морозов. Прости ее, Илья Данилович! Она больше не будет. Прости ее под мое поручительство.

Морозов и Милославский вдвоем.

Морозов. Аннушка верно сказала. На обеих царю не жениться. Царя женим на Марье Ильиничне. А уж после того, Илья Данилович, не побрезгуй мной, старым и вдовым, зашлю к тебе сватов за младшей сестрой.

7. Касимов.

Андрей стоит перед касимовской мечетью. Ему хочется туда войти, но он не решается. С глубоким вздохом он уходит.

Идет касимовскими улицами. Подходит к дому Барашовых. В раскрытые ворота видно, как Захар с работниками возится с крытой повозкой.

Андрей. Добрый день, Захар Ильич!

Захар. Рад тебя видеть.

Андрей. Ты взгляни-ка, Захар Ильич, какая красота.

Сквозь ветки рябины, покрытые густыми гроздьями, видно ярко-синее небо.

Захар (*подходит к рябине*). Много рябины — к холодной зиме. Зима этот год ранняя будет. Может, еще до Покрова снег выпадет.

Андрей (*тихо*). Ослушался я тебя, Захар Ильич, и вот наказан. Сходил я в татарскую слободу, а Шарип этот в Казань укатил.

Захар. Ну ты неумный! И как Ивану Родионовичу удается такого неумного на привязи держать?

Андрей. Как удается? Только с моей помощью. Жалко ведь старика огорчать, поэтому каждый раз пускаемся на хитрость. Вот и сейчас я ведь не где-нибудь шатаюсь, а здесь у тебя. (*В окне появляется Маша. Андрей отвечает низкий поклон.*) А помнишь, ты мне рассказать хотел про то, что у вас в Казани было?

Один из работников направляется к ним.

Захар. Не сейчас, Андрей, не сейчас. В другой раз расскажу.

Андрей. Тогда я пойду. Мне ведь пора к тебе в гости, опоздать могу. (*Быстро уходит.*)

Работник. Посмотри, барин Захар Ильич, что я надумал. (*Возвращаются к повозке.*)

Жена Захара, Софья, подходит к ним.

Софья. Кто это там побежал, уж не наш ли жених?

Захар. Он самый. — Ну как, нравится он тебе?

Софья. А что, тебе разонравился?

Захар. Да нет, он очень славный. Но совсем как малое дитя.

В доме Барашовых.
Маша и Софья.

Маша (*глядя в зеркало*). Сонь, а кто красивее — я или Фима Всеволожская?

Софья. А тебе непременно надо быть самой красивой? — Что тебе, тебя ведь за ее брата сватают. Уж он-то на ее красоту не обзавидуется.

Маша. Ничего мне не надо. Я просто так спросила. Я знаю, что она меня красивее. И она добрая. Совсем своей красотой не гордится. Словно бы и нет ее. — Чудно́, что они ее замуж не выдают.

Софья. Коли не выдают, значит, подходящего жениха не нашли. А может, задумка какая есть. У них в Москве родня с большими связями.

Маша. Да, у нас в Москве родни нет.

Софья (*смеется*). Ну как же, а тетушка Агафья?

Маша. У тетушки Агафьи самая важная родня — та, что в городе Касимове. В нашей избе. (*Обе смеются.*)

Приемная комната в доме Барашовых.
Гости и хозяева чинно сидят за столом, за трапезой.

Маша. Матушка, я давеча Фиме обещала вышиванье свое показать.

Барашова. Идите, доченьки, конечно, не все же вам со стариками сидеть. (*К Евдокии*) Маша у нас такая рукодельница, так вышивает.

Девушки выходят.

Захар. Андрей Иванович тоже вот хотел посмотреть у меня листы немецкие.

Андрей вскакивает, идет вслед за Захаром.

Захар (*за дверью*). Выручай меня, брат. Эти олухи там без меня повозку доломают, а я у тещи выйду виноватым. (*Заталкивает его в комнату Маши и уходит.*)

У Маши.

Фима, Маша и Андрей у окошка.

Фима. Уже темнеет рано.

Маша. Скоро зима. — А ведь есть такие края, где совсем зимы нет. Мне их даже жалко. Такой красоты не видят. Зимой иной раз выйдешь в сад — точно в сказочное царство попадешь. Особенно вечером, когда луна светит. — Стоишь, будто в алмазном тереме. (*Пауза.*) А в немецких землях люди дворцы себе строят, краше, чем церкви. У Захара Ильича листы печатные есть, я видела.

Андрей. Нет, дворцы дворцами, а храм все равно над всем городом царит. У меня тоже есть такой лист, город Келен немецкий и посреди него собор.

Фима. Пойду я проведаю нянюшку нашу Порфирьевну. Не заскучала ли она там.

Маша. Она в людской сидит. Найдешь туда дорогу?

Фима. Ага.

Фима выходит. Спускается по лестнице, оказывается в маленькой комнатке. Перед изображением Богородицы горит лампадка.

Фима. Матерь Божию, дай мне увидеть моего жениха.
Я хочу ему сказать, как я его люблю.

У Маши.

Машина рука лежит на подоконнике. Андрей пальцами проводит по ее пальцам.

Андрей (*тихо*). Ты знаешь, Маша, отец мой хочет дела кое-какие уладить, а потом сватов к вам засылать.

Маша (*опустив глаза*). Я знаю.

Андрей обнимает ее и целует в губы.

Падает снег.

Андрею снится сон. Он видит издали хоровод девушек. Подходит ближе. Девушки резко поворачиваются к нему. У них всех лица Маши Барашовой. Он хочет найти среди них свою и не может.

8. Москва.

В селе Покровском празднуют первый снег. Народ катается на санках, играет в снежки и т.д. Большие царские сани едут по первому снегу. В санях сидят царь и Прозоровский. Ванятка примостился у ног царя, спиной к вознице. Их нагоняют сани с молодыми боярами.

Молодой боярин. Государь! Давай наперегонки!

Назар Чистой, верхом, настигает их.

Назар. Не смей! Никаких гонок! Дети малые.

Поезжай себе с Богом, князь Никита.

Алексей (*в санях*). Ну вот, ничего мне нельзя.

Прозоровский (*с печальной улыбкой*). Зато жениться можешь, на ком захочешь.

Алексей. Мы вчера посчитали, во сколько этот «свадебный чин» обойдется, у меня глаза на лоб вылезли. (*Прозоровский и Ванятка выразительно переглядываются.*) А тут Богдан Хмельницкий денег требует!..

Прозоровский. Хмельницкому непременно помочь надо!

Алексей. Да что ты! Я ему больше пошлю, чем просит.

Прозоровский (*тихо и твердо*). А вот этого лучше не делать. Чем больше пошлешь, тем больше по дороге растрясется.

Алексей (*вздыхая*). Ну что, в кого ни кинь — все воруют?

Прозоровский. Не все. Вот Ванятка, к примеру, не ворует.

Ванятка. Я бы рад, батюшка, да нечего.

Алексей. Ладно, свадьбу сыграем, потом казной займемся.

Ванятка. А ты, батюшка, свадьбу за счет тестя справляй. Многие так делают. (*Алексей и Прозоровский хохочут.*) И вообще, чем искать самую красивую, лучше самую богатую. А потом взять отцовские сундуки, да и в казну опрокинуть, чтоб доверху наполнилась.

Прозоровский. Наш дурак умнее многих.

Алексей. Где бы найти такого богача?

Ванятка. Ой, я одного такого знаю. Да вот беда, дочки у него нет.

Алексей поджимает губы, гневно раздувает ноздри, но не находит, что ответить.

Ванятка (*меняя тему*). Батюшка, а мне жениться дозволишь?

Алексей. Дозволю, дозволю. Нельзя, чтоб дураки перевелись, без них скучно.

Ванятка. А давай на спор — что я себе жену найду красивей, чем ты?

Алексей. Это как же?

Ванятка. А вот так. У тебя-то выбор маленький. Ты, чай поди, ниже столбовой дворянки взять не можешь. А у меня выбор — во какой! (*Показывает на толпящихся по сторонам дороги многочисленных горожан.*) Бери, кого хошь!

Алексей (*пинает Ванятку ногой*). Я те покажу, на ком хошь. Ты дураком прикидывайся, да не забывай — ты дворянский сын, и звания своего позорить не смеешь.

Прозоровский. А ведь это не по-христиански.

Алексей. Именно по-христиански. Пятая заповедь — почитай отца твоего и мать твою. Вот представь своего отца — и как ты ему скажешь, что на холопской дочери намерен жениться.

Прозоровский (*с невеселым смехом*). Нет, я не собираюсь ему такого говорить. Я не хочу жениться на холопской дочери.

Алексей. То-то же.

Прозоровский. Но ведь сказано же: во Христе нет ни иудея, ни язычника, ни раба, ни свободного.

Алексей (*насмешливо*). И где это сказано?

Прозоровский. Ну-у... в Евангелии...

Алексей. Святого апостола Павла Послание к Галатам. (*Снисходительно улыбается.*) А сказано там вот как: во Христе Иисусе нет иудея ни язычника, нет

раба ни свободного, нет мужескаго пола ни женскаго. Понятно? Это к Царствию Небесному относится. А мы пока еще не там. — Вот, видал? (*Указывает на двое перевернувшихся саней на обочине.*) Это не Царствие Небесное. А там, может быть, все и равны.

Прозоровский. В Царствие Небесное мало кто попадет. Вот в пламени адском — другое дело. И там уж точно все равны.

Алексей. Это только Господь ведает, кто куда попадет. И в этом мире каждый в том звании родится, какое Господь определил.

Ванятка (*подмигивая*). А иначе все бы родились немецкими пирожниками.

Алексей. «Каждый в звании, в немже призван быть, в том да пребывает». Святаго апостола Павла к Коринфянам первое Послание.

Прозоровский (*восхищенно, Ванятке*). Ну и царь у нас!

Ванятка (*потирая коленку*). Да-а, а зачем маленьких бьет?

Алексей. Так-то. (*Зло*) А если из Святого Писания дергать, да передергивать, то в один прекрасный день окажемся не в Царствии Небесном, а в Аглицком королевстве. (*Смотрит выразительно на Прозоровского.*)

Прозоровский. Вроде бы сегодня купцы ожидались?

Алексей. Скоро узнаем.

Царское крыльцо.

Подъезжают сани. Морозов сбегает с крыльца, бросается к царю.

Морозов. Наконец-то. А руки-то, руки какие холодные! Где рукавицы-то?

Алексей. Да вот они.

Морозов (*Прозоровскому и Ванятке*). А вы куда смотрите?

Прозоровский. Не холодно было, Борис Иванович. Мы тоже без рукавиц.

Все идут внутрь.

Морозов. Сейчас меду горячего. Тебе нельзя простужаться. Ты не Ванятка какой, на тебе царство держится.

Алексей. Да будет тебе! — Говори скорей, что из Англии?

Морозов (*берет из рук подоспевшей Федоры чарку с медом*). Вот выпей ради Бога!

Алексей (*топает ногой*). Говори скорей!

Морозов. Ну что говорить? Нового ничего. — Судят Карлу. И еще долго будут судить. Они это дело страсть как любят, суды да пересуды. Потому что не по-Божьему живут, а по своим з-законам. Теперь все грехи на него навешают, с Адама начиная.

Алексей. Ни одна подлюга на помощь не идет!

Морозов (*вздыхая*). У всех свои заботы, свои беды.

Алексей. Будь я туда поближе, будь у меня силы, я бы ему помог.

Морозов. Голубчик ты мой родной. — Тебе сейчас о своем думать надо. За стол садись скорее. Отец протопоп сегодня с нами обедает.

За столом.

Морозов, Алексей, Стефан Вонифатьев.

Алексей (*за обедом*). Иваныч, я что-то не пойму насчет детей Карловых. Старшие в Голландии, а самые маленькие с ним остались. А это не опасно?

Морозов (*Стефану*). Ну какое сердце! Ему о своей свадьбе думать, а он чужой болью болеет.

Стефан. Будем за них молиться. И будем молиться, чтобы злые ереси своего семени у нас не посеяли, чтобы святая Русь в тишине и покое пребывала. (*Выразительно смотрит на Морозова.*)

Морозов (*досадливо морщится*). Всенепременно, отче протопоп, сил не пожалеем.

Алексей (*весело*). Вот, ты меня жениться заставляешь, я, уж так и быть, женюсь, чтоб тебя не огорчать. А после свадьбы... (*Покачивает головой в такт своим мыслям.*) Многими делами займемся. — Ну а ты, отче Стефан, что мне скажешь? Кто у нас на Москве всех красивее?

Стефан. Это ты решать будешь, кто там кого красивее. Я своих духовных чад по красоте души различаю. И уж если говорить о московских невестах, то никого равного Маше Милославской даже вспомнить не могу. И умна, и ангел кротости.

Морозов. И первая красавица. У него ведь две дочки на выданье, у Ильи Милославского. И обе чудо как хороши. И все равно младшая старшей не чета. Мария Ильинична еще лучше.

Алексей. Да, прямо чудо какое-то. Аж заслушаешься. Если б ей еще город Киев в приданое давали, я бы на других и смотреть не стал.

Морозов. Ничего, Киев сами возьмем.

Кабинет Морозова.

Кузьма за столом, заваленным бумагами. Стефан Вонифатьев прохаживается по комнате.

Стефан. Ну что, Кузьма Кузьмич? Выходит, у тебя в доме Прозоровских нет верных людей?

Кузьма (*сквозь зубы*). Это еще понять надо, кому они верные. Этот Трофим хитрый как черт. Он к себе на службу абы кого не берет. Как он того малого, что на него донес, проглядел, — до сих пор удивляюсь.

Стефан. А ты его вот так и отпустил. Ты хоть знаешь, где его искать?

Кузьма. Знаю. Но искать не стану. Мы с него и так уже всё получили. Теперь надо только переждать царскую свадьбу. А там посмотрим, кто хитрее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Касимов.

Всеволожский входит в прихожую воеводы. Всеволожский и подьячий.

Всеволожский. Доложи воеводе, что с ним желает говорить касимовский дворянин Иван Всеволожский.

Подьячий (*полупьяный и ехидный*). А-а-а. Наконец-то, дождались, пожаловал. — А за каким делом, дозвошь спросить?

Всеволожский (*раздувает ноздри, сжимает кулаки, но сдерживается*). У меня к нему важное дело.

Подьячий. А господин воевода только важными делами и занимается. Вот и сейчас занимается, занят очень. Подождать придется.

Всеволожский садится, ждет, глядя в потолок. Идет время.

В город Касимов въезжают два богатых возка, запряженных богато убранными конями.

Возничий. Эй! Как проехать к дому воеводы?

Двое людей берутся объяснять.

Возничий (*одному из них*). Полезай-ка сюда. (*Тот залезает на облучок*.) Дорогу! Едет царский окольник боярин Пушкин!

Всеволожский томится в прихожей. Входят двое молодых людей развязного вида.

Первый посетитель (*на ходу, подьячему*). Здорово, Пахомыч. (*Оба проходят внутрь*.)

Всеволожский (*возмущенно*). Это как же так?

Подьячий. Все заранее договорено. Об исполненном поручении докладывают.

Боярин Пушкин едет по Касимову.

Всеволожский прохаживается по прихожей. Молодые люди выходят.

Первый посетитель (*подьячему*). Бывай здоров, Пахомыч.

Подьячий продолжает не обращать никакого внимания на Всеволожского.

Всеволожский (*подходя к подьячему*). Иди, доложи обо мне, не то я тебя задушю.

У воеводы.

Подьячий (*входя*). Батюшка Степан Васильич, он меня задушить грозитя.

Воевода. Ладно, зови этого козла. — Козел настоящий, ни шерсти с него, ни молока.

Входит Всеволожский.

Воевода. Ну, с чем пожаловал?

Боярин Пушкин из окна возка смотрит на Касимов.

Пушкин (*своим спутникам*). Па-асмотрим, какие тут для нас цветы вырастили. — Да, эта служба мне по душе. Другой раз в жизни такого веселья не будет.

Двое его спутников, старый и молодой, смеются.

У воеводы.

Воевода. Да мало ли что твоим мужикам с пьяных глаз привиделось? Яков Осина почтенный человек, его честность всем известна. — Да не будь он таким, поставил бы его князь Сонцев своим именем управлять? Али ты князю не веришь? Мужикам своим веришь, а князю Сонцеву не веришь? — Да я слушать ничего не желаю. Это все поклеп, злостный поклеп.

Всеволожский. Это не поклеп, и тебе это не хуже моего известно. Говорю тебе в последний раз, ежели ты, аки воевода, не вступишься в мое дело и не накажешь Осину примерным образом, я этого так не оставляю, я и до царя дойду.

Воевода. Ты что, стращать меня вздумал? Так вот послушай, ты, дворянин столбовой. Осину ради твоего удовольствия и в потакание твоим ябедам я не трону, а за твои речи дерзкие и нахальные сам на Москву отпущу, и ты туда не своей волей поедешь, а силком тебя поволокут!..

Возки боярина Пушкина останавливаются у крыльца воеводы. Первый спутник (молодой человек, Артемий) избегает по крыльцу, входит в прихожую.

Артемий (*подъячему*). Ступай доложи воеводе, что прибыл из Москвы царский окольный боярин Григорий Гаврилович Пушкин с государевым указом.

На улице.

Пушкин и его второй спутник, князь Тенишев, дожидает-

ются, сидя в возке. Из дома воеводы выбегает Всеволожский и, ни на кого не глядя, быстрым шагом идет прочь.

Пушкин (*глядя ему вслед*). Хорошо бы узнать, что здесь творится.

Тенишев. То же, что и всюду, Григорий Гаврилович.

Пушкин. Нет, про этот Касимов особливые чудеса рассказывают. Ну, у нас сейчас дела поважнее.

Воевода выбегает встречать Пушкина.

Воевода. Батюшка Григорий Гаврилович! Отец родимый! Какая честь! Какая радость! (*Ватага прислужников окружает возки.*) Лошадушек распрячь, напоить, накормить. (*Кланяется при каждом слове.*) Отдохни, батюшка, откушай. Такой путь проделали, шутка ли сказать.

У воеводы.

Пушкин и его спутники за трапезой.

Пушкин (*кидая ложку*). Такие вот дела, Степан Васильевич. Времени терять не имею права. Давай мне грамотных людей, вот им списки с указа, пусть сейчас же отправляются. И пусть заходят в каждый дом и указ оглашают. Чтoб сегодня же вечером все девицы были здесь, а уж мы с тобой (*подмигивает*) посмотрим, кого не стыдно царю показать.

Воевода. А... А ежели кто уже просватан?

Пушкин. Нет, кто по чину просватан, при свидетелях, как положено, этих не надо, это все равно как замужние. — А мне вот еще что нужно. Нужно непременно переговорить с кем-нибудь из духовных лиц. Ты в Касимове человек новый, и твое дело (*усмехается*) — государева служба.

А попы всегда знают, что в семьях делается.
И вообще, даже если слух какой про кого идет,
и это знать надо. В таком важном деле лучше
перестараться, чем наоборот.

Воевода. Соборный протопоп отец Никола. Лучше
него никого не найдешь. Он всех касимовцев до
десятого колена знает, а попадья его сама
наипервейшая сваха, она за каждой девицей
с рождения примечает.

Пушкин (*живая*). Вот-вот, это мне и надо.

Воевода. Послать за ним?

Пушкин. Сам поеду. (*К младшему спутнику*)
Поехали со мной, Артемий Лукич. А князь Михал
Михалыч пусть отдохнет, с хозяином побеседует.

Пушкин и Артемий усаживаются в сани, устланные
ковром. Сани трогаются.

Пушкин (*тихо, Артемию*). Лучше по морозцу
прокатиться, чем с этим ... сидеть.

Сани подъезжают к церкви.

Отец Никола, в армячке поверх рясы, занимается по-
чинкой ограды.

Артемий (*кричит*). Эй ты, сходи за отцом Николой!
Важные гости к нему!

Провожатый. Да это он сам и есть, отец Никола.

Отец Никола, вытирая руки, неспешно подходит
к саням.

Отец Никола едет вместе с Пушкиным.

Пушкин. Значит, говоришь, красавица, какие только в сказках бывают?

Никола (*усмехаясь*). Да что говорить, сам посмотришь. Никто за тебя глядеть не станет.

Пушкин. А как, говоришь, они прозываются? Всеволожские? (*Отец Никола кивает.*) Это ведь что-то такое... такое?..

Никола. Род их старинный. Были некогда боярами, но охудали. Пращуры их с государем Василием Темным не поладили, и через то всех званий лишился. С тех пор они уже боярами не писались.

Пушкин. Такое бывало, бывало. Многие так и боярства лишались, и головы тоже. — А ежели ее не царю, а еще кому сосватать, за ней что-нибудь дадут?

Никола (*кивая*). Дадут, дадут.

В доме отца Николы.

Всеволожский заперся в комнате. Глафира и Евдокия в панике возле дверей.

Глафира (*стучит*). Иван Родионыч, голубчик, да отворись ты. Покушать тебе надобно. С раннего утра маковой росинки во рту не было.

Евдокия. Ох, матушка, ты не то говоришь. Может, он в обмороке, может, ему помощь нужна. (*Стучит.*) Ваня, миленький, что с тобой? Не убивай меня. (*Рыдает.*) Так я и знала, погубил нас этот воевода.

Ой, матушка, зови Фимку, может, он ей откликнется. (*Глафира бегом уходит.*) И где этого Андрюшку носит! Ни капли сострадания к родителям.

Глафира вбегает в комнату, где нянька причесывает Фиму.

Глафира. Фимушка, скорей, скорей!

У дверей комнаты, где заперся Всеволожский.

Фима (*стучит к отцу*). Батюшка, родименький, ты только отзовись, мы больше тебя трогать не станем.

Голос Всеволожского. Отстаньте от меня! Коли будет надобно, так сам выйду.

Евдокия (*хватаясь за сердце*). Ой, Господи, благодарю Тебя! Пойдемте, пойдемте отсюда, пусть один побудет, как ему хочется.

Все спускаются вниз. Фима с распущенными волосами. Входят отец Никола, Пушкин и Артемий.

Никола. Вот она, боярин, во всей красе.

Фима закрывает лицо руками. Отец Никола отводит ей руки.

Пушкин смотрит на нее, открыв рот.

Отец Никола стучит к Всеволожскому.

Никола. Иван, отворяй немедленно. Тут дело поважнее твоей тяжбы. Отворяй, слышишь! Тебя царский окольный боярин Пушкин требует.

Всеволожский открывает в изумлении.

Там же.

Фима, одетая и причесанная, стоит в полный рост перед Пушкиным.

Пушкин. Ну что, Артемий Лукич! Открывай список.
Первая у нас Евфимия, дочь Ивана Родионова
Всеволожского, города Касимова столбового
дворянина. — Первая-первейшая.

2. В доме отца Николы.
Все без Фимы.

Евдокия. Ну вот, теперь у нас Фимка есть
отказывается.

Настасья (*с горящими глазами*). Ничего, пусть чуток
проголодается. Потом еще лучше будет есть.

Фима одна в светелке. Уже темнеет. Фима сидит, уста-
вившись в одну точку.

Андрей подходит к дому отца Николы.

Фима в своей светелке. Андрей вбегает к ней.

Андрей. Фима! Ну что? Едем в Москву?!

Фима еле-еле кивает.

Андрей. Да ты чего, совсем перепугалась, бедненькая?

Ты думай про то, как поедem, как тетю Грушу
увидишь, свою любимую, Афанасия Петровича.
А в Москве столько чудес всяких, ты ведь
маленькая там была, небось все позабыла.

Ну Фимушка, это же всё так, все эти
выборы, — это же потехи ради. Да станет ли царь
жениться неизвестно на ком? Боярин Морозов
наверняка давно уже присмотрел будущую царицу.
Иначе быть не может, это же дело
государственной важности.

Фима (*неожиданно*). А почему же он сразу его на
своей дочке не женит?

Андрей. У Морозова дочек нет. Он вдовый, сирый, только о царе и печется. А смотрины невест... — ну, обычай такой. Всех соберут, а ту, какую надо, объявят самой-самой. Красоту же на весах не взвесишь, и аршином не измеришь. Да и вообще, разве ж можно с погляденья жениться? Вдруг она дурой окажется и таких же дураков нарожает? — Фим, да ты что? Ну нельзя же так.

Фима (*через силу*). Ничего, Андрюшенька. Приедем в Москву, Корионовы обрадуются. Потом к ним твой странничек заявится, как обещаю.

Андрей. Сегодня ровно месяц, как мы его встретили.

Фима. Ой, а ты дни считал?

Андрей (*смеется*). А Москва большая такая, столько в ней разного люду. Вдруг тебя там посватают и окажется, что это и есть твой Финист — ясный сокол.

Фима (*гневно*). Я ничего такого тебе не говорила.
(*Отворачивается, вся дрожа.*)

Андрей. Ну хорошо, не говорила. — Знаешь, я пойду к Барашовым, надо же им рассказать, что мы уезжаем.

3. Андрей идет к дому Барашовых. Входит. Его встречает растерянный Захар Ильич.

Захар. А-а, это ты, брат. Давай-ка с тобой шей похлебаем. А то я тут один сижу.

Андрей. А где же все?

Захар (*смущенно*). Да тут, брат, такие дела творятся. Бояре из Москвы приехали, невесту для царя высматривать. Да тут во все дома заходили, указ оглашали. Ну вот, мать и Софьюшка Машу повели к воеводе. Там у них сбор.

Андрей. Но ведь Маша все равно что просватана.
Отец мой с твоей тещей обо всем договорились.
И сватов нашли.

Захар. Ты знаешь, брат, я здесь не хозяин... Но в том указе прямо сказано, ежели кто станет уклоняться и девицу свою от монарших глаз сокроет, того «нешадно бить батоги». Понятное дело, наши касимовские дворянки никому в Москве не нужны, но начальству только повод дай, чтобы придраться!

Андрей. А что же сама Маша?

Захар. Ну что ты, брат, девица... Как она может? Такие пересуды пойдут! — А ты не уходи, посиди со мной. Я все хочу с тобой Иоанна Дамаскина поразбирать...

Андрей. А я и не уйду. Я хочу их дождаться. Хочу ей в глаза посмотреть.

4. У воеводы.

В передней толпа: девицы, родители и т.д.

Внутренняя комната.

Пушкин, его спутники, воевода.

Пушкин. Ну что? Все уже собрались, наши лапушки?
Наши душеньки-голубушки.

Воевода (*глядя в окно*). Нет, вон еще одну везут. А вон еще одну.

Пушкин. Что же они так долго собирались? Румян-белил не хватило, к соседям ходили занимать?
(*К воеводе*) Кстати, Степан Васильич, ты это, распорядись, чтоб там лохань с водой поставили, и ширинок принесли. Чтоб ни одна сюда не

входила, пока ее матушка прилюдно не умоет.
Не нам же с тобой все это с них отколупывать.

Воевода уходит.

Пушкин (*продолжает*). Жаль, тебя с нами не было, Михал Михалыч. Видел бы ты эту Всеволожскую! Да ничего, еще увидишь. — Когда поп стал про нее говорить, я ему даже не поверил. — Ну такая красавица!

Не знаю, что там государь с Борис Иванычем решат, но за себя сказать могу — боярин Пушкин царский наказ исполнил-преисполнил. Вряд ли кто еще в Москву такую красоту привезет.

Возвращается воевода.

Воевода. Батюшка, Григорий Гаврилыч! Все в сборе.

Пушкин. Ты, князь Михаил, выйди поговори им, что, мол, не красавицу ищем, а *царицу*! И отберем штук пять, не больше. Чтоб никаких слез и обид тут не было.

Тенишев (*поднимаясь, идя к выходу*). Да уж, в шестнадцать лет они все красавицы, а потом в чертей превращаются, кто быстрее, кто помедленней.

Воевода и князь Тенишев выходят. Пушкин вдвоем с Артемием Лукичом.

Артемий. А ты, Григорий Гаврилыч, уверен, что царь непременно по морозовскому выбору женится?

Пушкин (*со вздохом*). Эх, размечтался ты, брат Артемий! Хочешь Морозова подвинуть?

Артемий. А кто не хочет? Али ты не хочешь? Он же у всех поперек горла стоит со своим Кузьмой.

Пушкин. О-ох, еще как стоит. Нам бы им не подавиться, а уж отодвинуть его!.. — Да нет, я эту Всеволожскую племяннику своему сосватаю. За ней

и приданое есть кое-какое. Деньгами, и не так уж мало.

Входит князь Тенишев.

Тенишев. По одной заводить, Григорий Гаврилыч?

Пушкин. Нет, по двое. Доставай список, Артемий Лукич.

Входят две девицы. Одна очень напряженная, другая веселая. Стоят несколько секунд навтыяжку перед Пушкиным.

Веселая. Ну что, батюшка, можно домой идти?

Пушкин. Ах ты моя лапушка, ах ты умница! Дай тебе Бог хорошего жениха.

Девицы входят, выходят. Кого-то Пушкин сажает на лавку, потом сравнивает тех, что на лавке, с вновь вошедшими. Кого-то вносит в список. Большинство отправляет ни с чем.

Входят две девицы, одна из которых — Маша Барашова.

Пушкин (*оглядывая ее*). Ну, хороша! Чья дочка?

Маша. Покойного Дмитрия Петровича Барашова.
Зовут Марией.

Пушкин (*причмокивает*). Марью Митревну вноси в список без рассуждений. Ай да город Касимов! Ну и красавиц нам тут нарожали.

Маша выходит в переднюю с загоревшимися глазами. За спиной кто-то всхлипывает. Кто-то перешептывается.

Первый голос. У этого боярина глаза не во лбу, а пониже спины.

Второй голос. А почему нет Всеволожских? У них
ведь такая красавица!

Маша начинает прислушиваться.

Третий голос. Они, небось, в свою деревню
вернулись. Никто же за ними вдогонку не поедет.

Маша переглядывается со своей матерью. Они уходят.

Пушкин, воевода, отец Никола.

Никола. Ну что, батюшка-боярин, у тебя, чай, в глазах
зарябило?

Пушкин (*вытирая пот со лба*). Ох, и не говори.

Воевода (*подобострастно*). Князь Михал Михалыч
с Артемием Лукичом уже за столом сидят, тебя
ждут.

Пушкин (*потягиваясь*). Ох, сейчас. Мне даже есть
неохота.

Никола. Так сколько у тебя в списке оказалось?

Пушкин. Семь. Больше, чем хотел.

Воевода. Как семь, Григорий Гаврилыч? Шестерых
ведь отобрали.

Пушкин. А мы одну еще допрежь того в список
внесли. Самую красивую. Ивана Всеволожского
дочь. Ты ведь с ним знаком, воевода?

Воевода выходит на ватных ногах.

Пушкин поднимается, потягивается, подмигивает отцу
Николе, хочет идти в трапезную. В это время в горни-
цу, крадучись, входит касимовец средних лет.

Касимовец (*Пушкину*). Батюшка-боярин, сжался
надо мной, моя жизнь в твоих руках!

Пушкин. Что еще стряслось?

Касимовец (*пытаясь засунуть ему кошелек в карман*). Батюшка, смилуйся, внеси мою дочку в список!

Пушкин (*отбиваясь*). Милый ты мой, я твоей дочери не помню, но из тех, что отобрали, все до одной назад поедут. Неужто ты думаешь, что в Москве таких же не найдется?

Касимовец (*опять пытается всунуть ему деньги*). Батюшка Григорий Гаврилыч, да нешто я на умалишенного похож? Но мне деваться некуда. Жена-подлюга живьем съест. — Все прекрасно знают, что смотрины эти только для виду. Но вот слава, понимаешь, что в Москву возили! — Ну возьми, прошу тебя!

Пушкин. Да не возьму я твоих денег!

Касимовец. Ну возьми, очень тебя прошу!

Пушкин. Да не нужны они мне.

Никола (*неожиданно, вполголоса и жалобно*). Мне бы лучше отдали, храм вконец обветшал, чинить не на что.

Пушкин. Ну ты настырный. Ну ладно, где семь, там и восемь. (*Берет список*.) Как там вас величают?

Касимовец. Гужинский я, Тимофей Тимофеев, дочь Неонила.

Пушкин вписывает их, касимовец сует ему деньги и исчезает.

Пушкин. Ты, кажется, что-то говорил, отче Никола?

Никола. Да так, с устатку, сам с собой.

Пушкин. А-а, а мне показалось, ты мне что-то сказал.

5. Маша, ее мать и сестра Софья идут домой.

Софья. На сборы, значит, всего один день, надо же такое! — Ну что молчите, языки проглотили?

Маша (*тихо*). А что говорить-то?

Барашова. Не каждый же день такое случается.

Софья. Что случается? Ты что, и вправду возомнила?
Там этих невест будет тьма тьмушая. Чай, со всех сторон уже везут. А у московских бояр свои дочери, конечно, хуже.

Барашова. А что, для бояр смотрины устраиваются?
Они что ли выбирать будут?

Софья. Ну, хорошо! Теперь уж мой черед молчать.

Все трое входят в дом.

Софья (*громко*). Захар Ильич! У нас новости. Выходи, снаряжайся в Москву ехать.

Выходят Захар с Андреем. Маша остолбеневаает.

Барашова (*пересиливая неловкость*). День добрый, Андрей Иванович. (*Поворачивается к Захару.*) Ты только подумай, Захарушка, сынок, как все получается. Ладили мы, ладили эту повозку, — и как раз нам в Москву ехать.

Захар (*сердито*). Повозка — она для того и есть, чтобы на ней куда-то ехать.

Барашова. Не куда-то, а к самому царю. Самому царю будут нашу Марью Митревну показывать.

Андрей. А хорошее ли дело — чужих невест на смотрины возить? Не значит ли это — государя обманывать?

Барашова. Андрей Иваныч, Маша ведь тебе еще не невеста. Сватовства при свидетелях еще не было.

Андрей. Только о приданом стоворились. И об угощении для сватов.

Барашова. Андрей Иваныч, они как ворвались, как стали этот указ зачитывать, а там чуть что не так — «нещадно бить батоги». Мы и растерялись. Сватовства-то при свидетелях не было, а начни им что объяснять — это ведь такое дело, девицу осрамить можно, не приведи Бог, пересуды пойдут.

Андрей (*холодно*). На все свидетелем отец Никола. Разве не достаточно? Он в Касимове самый почитаемый человек.

Барашова. Растерялись мы, Андрюшенька, растерялись. Ты же знаешь, им когда надо царский приказ исполнить, они никого уже не видят и не слышат. Вот и теперь, ты только подумай, на все про все, на все сборы — один только день дают.

Андрей. Я знаю. Мы тоже едем.

Маша (*обретая дар речи*). Так, значит, Фиму тоже выбрали?

Андрей (*мрачно*). Да, выбрали. Боярин Пушкин к нам раньше всех заходил.

Маша. Матушка, мне с Андрей Иванычем поговорить надо.

Софья. Пойдем, Захар Ильич!

Они с Захаром демонстративно выходят.

Барашова. Вообще-то молодой девице при посторонних положено лицо фатой прикрывать. Нас так учили.

Выходит, становится за дверью.

Маша. Андрей, прости меня! Я виновата! Я подло поступила. Я просто струсила.

Андрей (*растерянно*). Да что ты, Маша, ты же себе не хозяйка, за тебя старшие решают.

Маша. Не оправдывай меня. Я должна была, должна была сказать, что просватана. И про отца Николая я обязана была вспомнить. Прости меня, умоляю тебя.

Андрей. Ну ничего, так уж случилось, зато теперь в Москву поедем. Ты же так хотела на Москву посмотреть. (*Закусывает губу.*)

Маша. Мне ничего не надобно. Лишь бы ты меня простил.

Она кладет ему руки на плечи. Их губы сближаются.

Барашова (*открывая дверь*). Ну это уж совсем!

Андрей. Не волнуйся, Ксения Андреевна. Я чужих невест не целую. (*Выходит.*)

У ворот Барашовского дома.

Захар догоняет Андрея.

Захар. Видишь, брат, как складно получилось. Не хотел тебя отец в Москву отпускать, а теперь — на тебе! И в Москву поедешь, и из родительского послушания не выйдешь.

Андрей. Да-а, мне в Москву очень надобно. У меня там дело важное есть.

Андрей идет домой.

6. Москва.

Спальня младших царевен.

Царевна Татьяна спит в постели. Анна, полуодетая, сидит в кресле возле стола перед окном. На столе горит свеча. На лавке с другой стороны стола сидит сонная нянька.

Нянька (*шепотом*). Царевнушка моя, ну что ты и меня мучаешь, и себя мучаешь! Ложись ты спать.

Анна. Не буду ложиться.

Нянька. Так и будешь всю ночь сидеть?

Анна. Ну хочешь — спи. Я тебя не неволю. А вообще-то, можешь и днем отоспаться.

Нянька. Я ж не смогу заснуть, пока ты так сидишь. Ну что на тебя нашло, почему ты не ложишься?

Анна. Не хочу. Я боюсь спать. Я боюсь, что мне во сне приснится.

Нянька. Что приснится?

Анна (*выталивает*). Что Прозоровского с другой венчают! Я не вынесу, я с ума сойду.

Нянька. А вчера и третьего дня ты не боялась?

Анна. Ты ничего не понимаешь. Нам сегодня сказали, что в Москве уже начали девиц отбирать на царские смотрины, а скоро еще навезут со всех городов. И ведь не каких-нибудь там, а лучших красавиц. Царь же не может на всех жениться! Зато для всех неженатых бояр в самый раз. Начнут свадьбы играть одна за одной, и старый князь Симеон тоже захочет сына женить. — Что я буду делать?

Татьяна. Вы бы потише говорили.

Анна. Мы тебя разбудили?

Татьяна. Подслушать тебя могут, очень ты этого хочешь? А я-то — что? Я давно уже не сплю, поспишь тут с тобой.

Нянька (*почти засытая*). Ну ложись, Аннушка, пожалей ты нас.

Анна. А меня кто пожалел?

Татьяна. Бедная ты, хуже всех живешь.

Анна. Чем так жить, лучше убиться!

Татьяна. Никто еще по своей воле на свет не родился, и никто по своей воле не умирал. А посередке почему-то все хотят по своей воле жить. Чудные!

Анна. Если Сергия женят, я по своей воле умру.

Татьяна. Да никто его сейчас не женит. Вяземская княгиня у отца его спрашивала, как бы между прочим, и Ирине сказывала. Он говорит, что сын его еще молод, жениться пока не хочет, и он его неволить не станет.

Анна. А зачем она с ним говорила? Внучку свою хотела посватать?

Татьяна. Ох и стерва ты, Анька! Разве же Анна Васильевна тебя предаст? Для тебя же и старалась. Нужен ее внучке твой Прозоровский! Она такая красавица, на ней, может, еще царь женится.

Анна. Конечно! Будет нам такое счастье.

Татьяна. Ну не на ней, так еще на ком-нибудь. Подрстет Алешка, дети свои народятся. Может, полюбует, выдаст тебя замуж. Мне — так ни к чему.

Анна. За кого выдаст? Прозоровского-то к тому времени уж точно женят!

Татьяна (*засытая*). Ну еще за кого-нибудь выдаст.

Анна (*свистящим шепотом*). Дура ты, Танька! Дура, дура, дура!

Татьяна. А по-моему, ты дура. (*Засыкает.*)

Нянька спит, уронив голову на стол. Анна, свернувшись в кресле, смотрит в окно. За окном — глухая темнота.

7. Касимов.

Раннее зимнее утро. Кибитки с девицами и их родителями подъезжают к дому воеводы.

Пушкин (*Артемью*). Ну, Господи благослови! Пройду со списком еще раз и, в добрый час, тронемся.

Пушкин подходит к первой кибитке.

Пушкин. Ну, кто тут у нас?

Отец (*из кибитки*). Кириевская. Анна.

Пушкин (*отмечая в списке*). Так-так. (*Идет к следующей кибитке.*)

Оттуда высовывается его давешний посетитель.

Касимовец. Гужинские. Гужинская Неонила Тимофеевна.

Пушкин. А, старый друг. (*Заглядывает внутрь.*) Дай хоть взглянуть на красавицу. Ну ничего, не хуже других.

Идет дальше. Подходит к следующей, заглядывает.

Пушкин. Так, это Муратова. (*Делает отметку.*)

Четвертая кибитка — Барашовых.

Пушкин (*заглядывая в кибитку*). А-а, моя красавица. Нос закутай, а то до Москвы не довезешь — отвалится.

В кибитке Всеволожских.

Андрей сидит рядом с отцом. Напротив — Фима между матерью и нянькой.

Евдокия. Иван Родионыч, что ж мы наделали! Митрофанычу не дали знать, что в Москву едем.

Всеволожский. Да он сам догадается кого-нибудь в Касимов послать. А к тому времени и мы вернемся.

Настасья (*вполголоса*). Вернемся ли?

Всеволожский. Ну ты дура!

Настасья. Я, может, и дура. А вот бояре московские, чай, не дураки.

В кибитку заглядывает Пушкин.

Пушкин. Матушка Евдокия Никитишна! Если в дороге что понадобится для Евфимии Ивановны или для вас, вы не чинитесь, вы сразу ко мне.

Евдокия (*растроганно*). Спаси Господи, Григорий Гаврилыч!

С другой стороны кибитки. Артемий заглядывает внутрь.

Артемий. Иван Родионыч, а вы в Москве где и как остановитесь? Хорошо ли вам там будет, удобно ли?

Всеволожский. Благодарствуй, Артемий Лукич, у нас с этим все в порядке. У жены моей в Москве сестра родная. Дом у них неподалеку от Яузских ворот. Мужа ее, Афанасия Корионова.

Артемий (*вспоминая*). Погоди-ка! Корионов... Афанасий... А не родня ли он боярам Матвеевым?

Всеволожский в растерянности.

Андрей. Боярыня Матвеева, Ирина Алексеевна, доводится ему троюродной сестрой.

Артемий (*радостно*). Ну точно! На свадьбе Артамона Сергеевича с ним я беседовал. Он же изрядный грамотей. О чем с ним ни заговори — все знает. (*Андрей улыбается.*) Надо же, знакомые общие нашлись.

Пушкин и Артемий усаживаются в повозку, в которой уже спит князь Михал Михалыч. Поезд трогается.

Артемий. Эти Всеволожские... — Родители-то совсем простые, а вот братец не таков.

Пушкин (*насмешливо*). Опять мечтаешь?

Артемий (*не слушая*). У него такая повадка, даже не найду сказать, какая.

Пушкин (*тем же тоном*). Царственная.

Артемий. Вот-вот. Ты тоже заметил? — И надо же, оказалось, что они в свойстве с близким другом государя Артамоном Матвеевым.

Пушкин (*оживляясь*). Это через кого же?

Артемий. Евдокии Никитишны сестра старшая замужем за его родичем. Есть такой Афанасий Корионов.

Пушкин. А, знаю его. Он когда-то в Посольском приказе служил, или еще в каком-то, не помню. Грамотей, каких мало. Только службу по болезни оставил. — По-моему, он эту болезнь себе придумал, но это его дело. — А твой Артамон Матвеев в Москву ни к смотринам, ни к свадьбе царской не поспеет. Его государь с Морозовым в Рим с посольством отправили.

Артемий. По пути, небось, в Голландию заедет. Любит он Голландию.

Пушкин. Артемий Лукич, я спать хочу. Я сегодня поднялся до первых петухов. И ты спи. Спи себе и мечтай. Благо, никто не видит.

8. Москва.

Боярыня Годунова и нянька Федора подходят к храму Благовещенья в Кремле.

Годунова. Там в храме темно, и народу много, так что ты, когда выйдешь, задержишься на ступеньках и жди. — Я выйду вместе с ними. Старшая Марья

ростом повыше, но чтоб ты не ошиблась, я ее обниму. А ты прямо к нам подходи и всю-всю ее рассмотришь. Она не обидится, она же знает, что да почему. А уж ты ему ее распишешь. Это же лучше, чем с чужих слов.

Федора. Да, матушка Кирилловна, все, как скажешь, так и сделаю.

Годунова (*прижимая руку к груди*). Ведь подлинная красавица, да ты сама увидишь. Да разве мы с Борис Ивановичем стали бы Алешеньке, государю нашему, не самую лучшую сватать?

Федора. Что ты, матушка, я ему каждый день твержу, что вы ему как мать с отцом.

Годунова. Да что нам еще нужно, кроме его счастья, голубчика нашего!

Да, вот еще. Нехорошо, если он подумает, что мы уж очень наседаем на него с Милославской-то. Ты мимоходом и о других поговори. У Одоевских девица красивая, княжна Волхонская тоже неплоха.

Федора. У Алферьевых Катя тоже красавица.

Годунова. Ты что! Про Алферьеву и заикаться не смей. Ее тут не хватало. Ты же знаешь, чья она внучка. Да если она пройдет, нам тут жизни не станет. Да нас тогда царевна Ирина с навозом смешает.

Федора отворачивается.

Годунова. Ну ладно. В общем, смотри во все глаза, а потом ему расскажешь. Лучше всего перед сном. Пушай она ему ночью снится. — А знаешь, протопопова жена с ними в бане мылась, говорит, от Маши глаз оторвать нельзя. Давай-ка, приглашу я их к себе в баню, и ты придешь невзначай. Как это тебе?

Федора (*тоскливо*). Ой, Кирилловна, боюсь я, мало ты Алешу знаешь.

Годунова. Ты так думаешь? Лишь бы не оказалось, что Борис Иванович его мало знает.

9. Москва.

Приемная в покоях царевен. Большая комната. Боярыни и боярышнии, служанки, карлицы и прочие. Играют в застольные игры, рассматривают лубки, кормят птичек, едят лакомства и т. д.

Ирина. Что не едет княгиня Вяземская?

Девушка выходит в прихожую, быстро возвращается.

Девушка. Скоророды княгинины уже прибыли.
Значит, скоро будет.

К Ирине подходит красивая боярышня. Ирина сажает ее рядом с собой, говорит негромко.

Ирина. Какая же ты красавица, Наташа. Какая ты лапушка. (*Вздыхает.*) Выбрал бы тебя царь в жены, как бы нам было хорошо.

Боярышня. Ой нет, матушка-царевна! Вряд ли выберет. Я же *твоей* мамушки племянница, княгини Хованской. Вот будь я племянницей боярыни Годуновой, тогда другое дело.

К ним подходит царевна Анна, говорит вполголоса.

Анна. Ну уж нет, чем годуновскую, так лучше сразу морозовскую. Дарья Кирилловна еще лютее, чем Борис Иваныч.

Старая боярыня, вытянув шею, направляется к ним.

Ирина (*громко и насмешливо*). Мы равно почитаем и Бориса Ивановича, и Дарью Кирилловну. Они для нас одно целое. Оба государя, брата нашего, пестуют с младенчества.

Девушка (*появляется в прихожей*). Прибыла княгиня Вяземская.

Входит Вяземская, все присутствующие ее приветствуют.

Ирина (*хватая Вяземскую за руку*). Помнится, Анна Васильевна, ты настойку хвалила от болей в суставах. Пойдем-ка ко мне, помотришь мою ногу. Может, возьмет ее твоя настойка.

Старая боярыня (*встречает*). А почему бы тебе с немцем-лекарем не посоветоваться, матушка Ирина Михайловна?

Ирина (*развязно*). Посоветоваться-то можно, да неохота мне немцу-лекарю коленки свои показывать.

Ирина с Вяземской уходят в спальню царевны, закрывают дверь.

Вяземская (*косится на дверь*). Сейчас из-под двери уши начнут расти.

Ирина. Ну и пусть растут. (*Ногой распахивает дверь настежь, потом опять закрывает.*) — Боярыня Годунова с утра до вечера нахваливает дочерей какого-то Милославского. Стало быть, это и есть морозовские невесты. Хотелось бы мне знать, кто это, что это.

Вяземская. Ну что ж, девицы отменно красивые.

Ирина (*брезгливо*). Да видела я их как-то. Правда, не помню почти. Завтра их сюда приведут, память нам освежить, чтобы и мы Алеше напевать стали.

Вяземская. Старшую Марией звать, младшую Анной. Она ростом поменьше, но побойчее, на язык острая. А старшая больше молчит. Я таких не люблю. Кто всегда молчит, тот чаще всего глупость свою скрывает.

Ирина (*тем же тоном*). Да я не про них. — Я знать хочу, кто они Морозову. Откуда он вообще взялся, этот Илья Милославский?

Вяземская. Ну что сказать? Не очень богат, не очень знатен. Всем и вся обязан Борису Ивановичу.

Ирина. Он с ним даже ни в каком родстве?

Вяземская. Нет. — У Бориса таких немало. Их зовут «глаза и уши Морозова».

Ирина. Попросту говоря, доносчики.

Вяземская. Верные люди. — Что тут такого? Ни один правитель без таких не обходится. А у этого нашлись красивые дочки. Отец их духовный Стефан Вонифатьевич.

Ирина. К царскому духовнику пристроили. Давно готовили.

Вяземская. Морозов Морозовым бы не был, если бы заранее не позаботился. Дело ведь великой важности.

Ирина. Ну, все ясно. Он теперь до самой смерти всю Русскую землю из своих когтей не выпустит. А там еще худшему передаст.

Вяземская. Ну потерпи, Иринушка! Повзрослеет Алексей, сам царствовать научится.

Ирина. Этому не научаются! Царем родиться надо. Понимаешь ты? Не сыном царским, а царем! — Научится! Вот Морозов его и научит. Уже учит. Такие законы готовит, что царь Дракула обзавидуется. — (*Бросается на шею Вяземской.*) За что мою жизнь загубили, Анна Васильевна? Уж лучше бы убили! Зачем я живу? Чтоб видеть, как это воронье на костях пирует? (*Рыдает.*)

Вяземская (*глядя ее по голове и плечам*). Я последнее время все больше о смерти думаю. А когда свою

жизнь вспоминаю, то порой не пойму — то ли со мной это было, то ли кто рассказал.

10. Москва. Кремль.

Царь быстрыми шагами выходит из боярского собрания.

Алексей (*резко, Чистому*). Всё! Всё! Завтра будем продолжать. Обедайте без меня.

Морозов, поджимая губы, кивает Чистому, что всё в порядке.

Алексей (*на ходу*). Хоть полдня не видеть эти рожи боярские. Где Федька Ртищев?

Чистой. Федор Павлович, государь, с твоего дозволения еще утром в Сергиеву Лавру отправился. Матушку свою на богомолье провожает.

Алексей. А я и забыл. И Ванятка, сукин сын, в город отпросился. Ладно, чтоб никто, кроме Прозоровского, не смел входить.

Царь и Прозоровский обедают.

Алексей. Лютые звери! Хуже зверей. Зверь, если сыт, он никого не тронет. А наши славные русские дворяне никогда сыты не будут. (—) Ведь, почитай, все мужики им уже в рабство розданы, все равно им мало. Они их друг у друга воруют.

Прозоровский (*глядя в тарелку*). Не воруют, а бегают от них. Из-за скотского обращения. У нас вот никто не ворует, потому что никто не бегают.

Алексей. Еще бы! Небось еще к вам бегут.

Прозоровский. Ну, насчет этого я не знаю.

Алексей (*ударяет кулаком по столу*). Знаешь!!

Прозоровский. Догадываться — могу.

Алексей. И куда же вы их деваете?

Прозоровский. Скорее всего, их в Сибирь переправляют. Тебе же в Сибири люди нужны?

Алексей. А хочешь, я завтра указ издам, чтоб все дворяне-помещики так же милостивы были к своим холопам, как христоролюбивые князья Прозоровские? Как ты думаешь, можно такой указ исполнить?

Прозоровский. Вряд ли.

Алексей. А вот и можно! Да при одном условии — если всем им стать такими же богатыми, как князья Прозоровские. — У вас сколько мужиков?

Прозоровский. Да я толком не знаю.

Алексей. Зато я знаю. — Таких, как вы, и тридцати семей не наберется. А всех остальных — тысячи. И всех их злоба и зависть распирают, и все они хотят быть как вы, как первые бояре. А откуда такому богатству взяться? Только если мужиков дочиста обобрать. Ты бы видел, какие они челобитные подают! Ни стыда, ни совести. И подписывают целыми волостями. Против никого нет. Да и кто посмеет быть против? Его же остальные заключают!

Входит Ванятка.

Ванятка. А вот и я!

Прозоровский. Вовремя успел. На, добирай.
(Протягивает ему большую миску.)

Ванятка (нюхая еду). Эх, хорошо! Жаль только, класть некуда.

Алексей. Видать, знатно погулял.

Ванятка. Да, нагулялся. А какой лубочек раздобыл!
Ах, какой лубочек!

Алексей. Покажи-ка!

Ванятка (*боязливо прижимая лубок к себе*). Нет, тебе не покажу. Сначала на нем (*указывает на Прозоровского*) испробую! Вот, гляди, Сергеюшка, какой лубочек славненький! (*Лубок крупным планом.*) И вот названьице прочти. — Давай я тебе прочту, коли грамоту позабыл.

Прозоровский (*читает*). «Два дурака втроем».
Погоди, а третий где же?

Ванятка (*радостно*). То-то и оно, Сергеюшка, трое вас. Вот те крест, ровнехонько вас трое.

Алексей (*хохочет*). Ты этот лубок мне отдай. Я его царевнам отнесу, пускай потешатся.

Ванятка (*горестно*). Ну и забирай. Так я и знал, что царь-государь у Ванятки лубочек отнимет. — А вот перстенок (*вертит рукой*) мне останется, никому не отдам. Дарённый.

Прозоровский. Ну и пряткий наш Ванятка. Утром вышел за ворота, а к обеду ему уже девица перстенок дарит.

Ванятка. Не девица, нет. Мужняя жена.

Прозоровский (*хохочет*). Ванька-прелюбодей!

Алексей. Ты мне смотри, за прелюбодейство — смертная казнь.

Ванятка. Да что ты, батюшка, разве же я такое допущу, чтобы ты лишился своо верного Ванятки? — Перстенок женщина подарила, не отрицаю, но женщина честная, добродетелью своей прославленная.

Алексей. Это кто же это?

Ванятка. Мамушка твоя, боярыня Годунова, свет-
Дарья Кирилловна.

Прозоровский. А-а, ну все понятно. Понятно, за что.

Ванятка. А вот и ни за что, из чистого ко мне уважения. Вот так прямо и сказала. А уж как меня при этом величала, как величала!.. Меня отродясь так никто не величал!.. (*Притворно всхлипывает.*)

Алексей. И как же она тебя величала?

Ванятка (*почти рыдает*). Иваном у-у-у Петровичем!

Алексей. Погоди, но ведь твоего отца Прокопием зовут?

Ванятка. Вот то-то и оно, батюшка, и я про то же. Отродясь меня так не величали.

Алексей. Давай выкладывай, что она с тебя получить хотела?

Ванятка. Она с меня, батюшка? Ровным счетом ничего. Наоборот, это я с нее получил. (*Загибает пальцы*) Накормила, напоила, перстенок подарила. А сколько ласковых слов сказала! От других (*выразительно смотрит*) и за два года столько не услышишь. Красавчиком назвала. Так что ты знай, батюшка, я у тебя не только дурак, но еще и красавчик. Э-эх! (*Вращает глазами.*) А из девиц, говорит, на Москве самая распрекрасная Мария Милославская.

Алексей. Заткнись, скотина!

Ванятка. А я-то что? я-то что? Я только передаю, как было сказано. Сказано и наказано. Непременно, говорит, до государя доведи.

Алексей. Если мне кто-нибудь еще раз заикнется про Милославскую — убью на месте!

Ванятка (*на четвереньках ползет к двери*). Спасите! Помогите! Парфентий! Где ты? Твоего друга убить

хотят! — Помилуй, батюшка. Лубочек отнял, перстенек возьми, только жизнь сохрани.

Прозоровский (*швыряет в него яблоком*). Пошел вон, дурак. (*Ванятка исчезает.*) — Ты, государь, что-то важное очень говорить начал, про челобития дворянские, а этот болван влез...

Алексей (*в скверном настроении*). Там этих челобитных полон сундук. У отца своего расспроси, у Симеон Васильича, он их все читает. (*Оживляясь*) Нет, ну ты подумай, — просят государева указа, чтоб запретить мужикам любые жалобы подавать. Это чтобы одним махом все свои вины на царя переложить. С царя как с гуся вода. Для русского мужика царь — это земной бог. Ему только молиться можно, а челобитные подавать без толку. — Хорошо придумали, дьяволы. Чтобы меня из-за них по всем углам ненавидели.

11. Поезд с невестами движется из Касимова в Москву. Проезжают заснеженными полями, через лес, мимо деревень и т.д. Останавливаются, греются у костров, едут дальше.

Очередная стоянка. Вокруг костра Фима, Маша, ее сестра Софья, нянька Настасья Порфирьевна, еще две девушки и две старухи. Все смотрят на Фиму, пожирая ее глазами. Она пытается закрыть лицо.

Софья. Ты что, Фима? Не бойся, мы твою красоту не сглазим.

Фима. Господь с тобой, Софья Дмитриевна, мне дым глаза ест, это я от дыма.

Первая девица. И сколько ж там девок соберется? Чай, не меньше трехсот. Как там рассмотришь, кто лучше, кто хуже?

Вторая девица. Да, государю нашему не позавидуешь. — Ну правда, ну будь я на его месте, — у меня не на десятой, так на двадцатой в глазах бы уже зарябило.

Софья. Ничего, бояре ему помогут. Подтолкнут своих дочек поближе, он из них и выберет.

Все смеются.

Первая девица. И откуда этот обычай взялся? В древности так цари не женились. Да и сейчас так только на Руси заведено, а больше нигде.

Маша. Иван Грозный уж точно так женился. Он на смотринах выбрал Анастасию Романову. А ее брат родной был прадед нашему царю.

Вторая девица. Брат жены — это кто? Деверь или шурин?

Первая девица. Брат жены — шурин. Деверь — это брат мужа.

Софья. О-о, вот оно что оказывается, мы не только царю в Москву везем, а еще и царского шурина. *(Смотрит на мужчин, сидящих вокруг соседнего костра. Захар машет ей рукой.)*

Маша. Борис Годунов тоже был царский шурин, а потом сам царем сделался.

Первая девица. Ой, не надо про Годунова. Изверг. Младенца зарезал.

Вторая девица *(поднимаясь)*. Ох, поясницу заломило! Не стану я царицей, останусь без поясницы. *(Первая девица тоже поднимается.)*

Настасья. Фимушка, может и мы пойдем?

Фима. Ты иди, а я с Машей еще посижу. *(Ласково улыбается Маше.)* Нам пока тепло.

Настасья Порфирьевна идет к своей кибитке, ей навстречу — Андрей.

Настасья. Ты куда, Андрюшенька? Все уже расходятся.

Андрей. Захара Ильича проведать.

Настасья (*смуценно*). Только ты к девкам не подходи. Потом успеется.

Андрей. Ладно-ладно.

Андрей в темноте идет мимо костра за спинами девушек и слышит голос Маши.

Маша. Ну почему же зря проездим? Москву увидим. Андрей про Москву такие чудеса рассказывает. Он говорит, если стоять на мосту через Москва-реку, то над Кремлем одни только соборы златоглавые видать, и они как в небо рвутся. Стоишь — а над тобою словно Иерусалим небесный парит.

Андрей с радостью слышит эти слова. Лицо его просветляется, он идет дальше.

Фима (*влюбленно глядя на Машу*). Да уж, Андрей как начнет рассказывать — заслушаешься. А меня тоже маленькую в Москву возили, я один раз даже царя видела.

Маша. Как царя?

Фима. Мы тогда в Москве были на свадьбе сестры моей двоюродной, Даши Корионовой. А в селе Покровском было гулянье. Столько народу там было, мы с Андреем там с гор катались. И вдруг как все закричат: «Царь едет! Царь!» Тут дядя Афанасий схватил меня на руки и поднял высоко-высоко, чтоб я его разглядеть могла.

Маша. И какой же он из себя?

Фима. Ну, борода большая. Он мне сердитым
показался. Я больше на царицу глядела. Красивая
такая.

Маша. Подожди, так это не нынешний был царь?

Фима. Ну конечно, нет. Отец его, Михаил
Федорович. — А потом я еще раз в Москве была,
у второй сестры на свадьбе. (*Сонно*) А когда
младшая замуж выходила, мы не ездили, одного
Андрея отправили.

Боярин Пушкин проходит через табор.

Пушкин. Матушки, спать их укладывайте. Всем
красавицам спать.

Маша входит в свою кибитку. Пушкин видит ее и под-
мигивает.

Пушкин. Ну почему я старый и женатый? (*Маша
волнуется.*)

За костром, вокруг которого сидят мужчины, остаются
только Захар и Андрей.

Андрей (*вполголоса*). Захар Ильич, ты все обещаешь
рассказать, что у вас в Казани было.

Захар (*невесело*). Ну что было? Что было, того уже
нету. — Был там один татарин, очень был
грамотный по-ихнему. Ну а потом выучился
славянской грамоте и стал Святое Писание читать.
И раздумывать над ним. — А о чем еще человеку
думать? Нельзя же только про цены, то на зерно,
то на лес. Так ведь руки на себя наложить
захочется. (*Захар умолкает и сидит, сцепив
пальцы.*)

Ну вот, думал он, думал и додумался, что вера-
то на самом деле у всех одна, а различия всякие —

они выеденного яйца не стоят. Ну и стал он про это другим рассказывать.

Андрей (*в ужасе*). Как? Вот так всем подряд? Да разве ж это можно?

Захар. Ну... не то чтобы всем подряд... Но среди своих он многим говорил...

Андрей. И что же вышло?

Захар. Ну что, что? Испугались и донесли на него властям. Стали его пытаться, скажи, мол, кем научен и кого научить успел... (*Тяжело вздыхает.*)

Андрей. А он?

Захар. Ну что — он? Не выдержал пытки, так и умер.

Андрей (*вздыхает*). Слава Богу, что так.

Захар (*тихо-тихо*). Что ж хорошего?

Андрей. Ну как же — так он умер как святой, а то бы мог наговорить на кого-нибудь. Мы бы, чай, тут с тобой не сидели.

Захар. А ты ведь, Андрей, хитрющий парень.

Андрей. Да, Захар Ильич, я очень хитрый. Но и ты хитер, что обо мне догадался. Меня ведь чаще за дурачка принимают.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Москва.

Красиво убранная горница в господском доме. На широкой лавке, покрытой ковром, лежит мужчина средних лет в кафтане, отороченном мехом, и сафьяновых сапожках. Входит красивая женщина ему под стать, поправляет головной убор, идет к пяльцам.

Аграфена. Ох и мороз. — А у Талызиных что творится! Дым коромыслом. Свою девицу к смотринам готовят, да еще племянницу из Твери привезли. — Вот счастье, что наши дурехи уже замужем. Вовремя их разобрали, а, Петрович?

Афанасий. Да уж, вовремя! — Ты только подумай, какая подлость! Люди суетятся, переживают, едут невесть откуда, это ж какие деньги нужны! А при этом вся Москва знает, что Морозов обещал Илье Милославскому, и царицей будет только Мария Ильинична.

Аграфена. Ну уж прямо вся Москва. Ты знаешь, потому что тебе твой Трофим шепнул, Трофиму — его князь, а с князем небось сам Морозов поделился, мочи не было терпеть.

Афанасий. Ты что же хочешь сказать, что когда про подлость мало кто знает, она уже и не подлость?

Аграфена. Ох, Афанасий Петрович! Ну что ты взъелся? Люди же понимают, что всем царицами не быть. Девкам только забава, на царя посмотрят, себя покажут. Весь век потом вспоминать будут. И приезжие тоже в убытке не будут. В Москве

побывают, еще и женихов здесь найдут, чай, красавицы все. А ты просто злюка.

Афанасий. Ах так! — Тебе сколько лет, Аграфена Никитишна?

Аграфена. Ох, благодетель мой! Так много, что и не припомню, со счету сбилась.

Афанасий. Ну а тридцать лет назад сколько тебе было?

Аграфена. Ну этого уж и подавно не помню. Может, чуток поменьше?

Афанасий. А что было тридцать лет назад, тоже не помнишь?

Аграфена (*с любопытством*). А что было?

Афанасий. А то было, что царь Михаил Федорович женился. — Ты сейчас, Аграфена Никитишна, старая, да толстая. В дверь не пролазишь.

Аграфена. Бочком, батюшка, бочком.

Афанасий. А тридцать лет назад была красавица хоть куда. И если бы я к тому времени на тебе не женился, повели бы тебя на смотрины и, глядишь, оказалась бы ты на месте Марьи Хлоповой.

Аграфена (*крестится на икону*). Спаси Господи!

Афанасий. Так что зря ты меня злюкой называешь. Я тебя, может быть, от верной гибели спас.

Аграфена (*со вздохом*). Марья Хлопова оказалась больной. Бывает же такое?

Афанасий. Не смей повторять эту подлую ложь. Кто заведомую ложь повторяет, тот сатане поддакивает. — Девка была кровь с молоком. Ее в теремах чем-то опоили. И никто в ее болезнь не верил. И сам царь не верил. — И Долгорукова больной оказалась, если помнишь. Одна только

Евдокия Стрешнева здоровой оказалась — и ровно столько, сколько надо было. Пока царь был жив. А как его не стало, немедля за ним отправилась. — Ну ладно, все равно я твой благодетель. Принеси мне за это кваску.

Аграфена. А обедать тебе не пора ли?

Афанасий (*с удовольствием потягиваясь*). Обедать будем, когда подойдет мой дорогой гость.

Аграфена выходит в сени, сталкивается с Василием Матвеевичем

Аграфена. Как хорошо ты подоспел, Василий Матвеевич! А то мой хозяин пост на себя наложил до твоего возвращения.

Василий. И давно постится?

Аграфена. Да уже часа два.

В горнице.

Стол еще не накрыт, но Афанасий и Василий уже располагаются на своих местах.

Василий. Аграфена Никитишна, прикрой-ка занавески. А то добрые люди увидят, что господа с мужиком за одним столом едят, — в смущение придут. Нехорошо людей смущать.

Аграфена. А как же ты хвалился, Матвейч, что можешь так пройти, что тебя никто не увидит? А теперь что же?

Василий. Это когда мимо чужих идешь. Мимо злых идешь. А подле тебя, Аграфена Никитишна, такого не получится. Столько в тебе доброты и ласки.

Аграфена. Ишь, какой говорун! Даром что святым прикидывается. Петрович, смотри, он твою старуху уговаривает.

Афанасий. Ты поди лучше, уговори Маланью за ворота, а сама нам подавай. Незачем прислуге здесь шляться и слушать лишнее.

Стол накрыт. Хозяева и гость угощаются.

Афанасий. Скажи, Матвеич, а Михайло Иванович сейчас в Москве?

Василий. Как я знать могу, где сейчас Михайло Иванович, когда сам я сейчас здесь сижу и, кроме тебя, Афанасий Петрович, никого не вижу?

Афанасий (*настырно*). А когда ты его увидишь?

Василий. Когда Михайло Иванович захочет меня увидеть, тогда я его увижу непременно.

Афанасий. Эх, кабы он меня захотел еще раз увидеть!

Василий. Хочешь о чем его спросить, Афанасий Петрович?

Афанасий (*мечтательно*). Нет, ни о чем спрашивать не хочу. Видеть его хочу. Его когда видишь, то сквозь него словно в Царствие Божие заглядываешь. Зачем тогда о чем-то спрашивать?

Василий (*хитро улыбаясь*). Выходит, без всякой корысти хочешь его видеть?

Афанасий. Какая у меня корысть? Живу как у Христа за пазухой. Толку от меня никакого. Думаешь, мне не совестно?

Входит Аграфена, держа в руках большую миску, накрытую крышкой, ставит ее на стол, снимает крышку. От миски валит пар.

Аграфена. Вот, Василий Матвеич, уж раз меня нарядили тебе прислуживать...

Василий. Столбовую дворянку черному мужику.

Афанасий (*Аграфене*). А ты не гордись! Алексей Адашев побольше тебя был, а он странникам ноги омывал.

Аграфена. Ты мне Адашева, Петрович, в пример не ставь. Я государством не управляю. Ты его боярину Морозову поставь в пример. Может, он тогда устыдится, и все добрые люди возрадуются.

Афанасий. Вот всё говорим — Морозов, Морозов. Как бы не нашлось на нашу голову таких, что этого Морозова переморозят.

Василий. И найдутся.

Со двора доносится шум. Слышен крик: «Отворяю ворота, отворяю! Сейчас, сейчас!»

Аграфена (*вскакивает, раздвигает занавески*).
Петрович, Господи, да это ж мои! Дуня с Иваном. (*Прикасается рукой к лицу.*) Точно, Фимку на смотрины привезли!

Аграфена бежит встречать приезжих.

Афанасий. Вот радость, Василий Матвевич! Сейчас ты Андрюшу моего увидишь. Он хоть не родной мой племянник, он Грушин, но я его люблю больше всех на свете. Парню двадцатый год, а душа такая же, как в младенчестве была. Никакая грязь к нему не пристаёт, все отлипает. И со всеми он в ладу, никому не перечит, он тебе и пашет, и сеет, а души ни к чему не прилагает. Душа у него всегда там (*указывает вверх*), где ей и быть положено.

Вбегает Андрей, бросается на шею Афанасию.

Афанасий. Ах ты мой родной, наконец-то свиделись!

Андрей видит Василия, делает круглые глаза. Василий прижимает палец к губам и выскальзывает из комнаты.

Андрей (*Афанасию*). Уж как я к тебе просился, ты

и представить не можешь, — ни за что отец не отпускал. Царский указ вручил.

Он бы и Фимку ни за что везти не стал, да в том указе сказано — «тех, кто уклоняется, нещадно бить батоги». (*Оба хохочут.*) Ей-богу, я сам читал.

Афанасий. Завтра же закажу молебен за здоровье царя Алексея Михайловича.

Входит Всеволожский. Обнимается с Афанасием.

Всеволожский. Ну здорово, брат. Вот, свалились мы тебе на голову, да не по своей воле, а по царскому указу.

Афанасий. Я уже знаю, я уже обещал молебен заказать за здоровье государя.

Из-за дверей раздается голос Аграфены.

Аграфена. Ну, Петрович, готовься. Смотрины начинаем с тебя.

Евдокия и Аграфена вводят в горницу Фиму.

Афанасий (*всплескивая руками*). Фимушка, Боже святыи! Какая же красавица выросла!

2. У Морозова.

Морозов и Кузьма. Морозов сидит за столом, заваленным бумагами.

Морозов. Да, недолго кардинал Мазариний в бегах пробыл. Как только они его выжили, тут же принялись друг дружку грызть.

Кузьма (*усмехаясь*). Он их и стравил между собой.

Морозов. Небось, без особого труда. Они же ни на что другое не годятся, только мятежи устраивать и друг друга грызть. — Вот все говорят, Морозов

безродных выдвигает, холопьев своих думными дьяками ставит. Посмотрели бы на Мазариния. Простой он мужик, а какая голова! И всех этих князей вокруг пальца обвел.

Кузьма (*ехидно*). Нам чужеземцы не указ. Мы за свое держаться должны, особливо за то, что похуже.

Морозов. А еще я, такой-сякой, от государя его родню отеснил, господ Стрешневых. А против Лудовика малолетнего кто смуту устроил? Не родной ли его дядя?

Кузьма. Этот дядя сам на престол метит. Он же царской крови.

Морозов. Ах, царской крови! (*Свистящим шепотом*) А Михаил Романов, когда на царство венчался, он какой был крови? Не помнишь? — И хорошо, что не помнишь. Об этом лучше не вспоминать.

Кузьма (*с тоской*). До этого уже никому дела нет. Вот следующий царь каких кровей будет, хорошо бы знать. Ты бы погадал, что ли, Борис Иваныч.

Морозов (*тяжело*). Гаданием судьбу не изменишь. Что будет — увидим. Зачем лишний грех на душу брать?

Кузьма. Ничего, Стефан Вонифатьев грехи нам отпустит. (*Подмигивает.*) Мы ему за это еретиков наловим. По поддюжины на каждого.

Морозов (*иронически*). Да, сейчас у нас других забот нет, как еретиков ловить. — Что там, кстати, у Прозоровских? Было что-нибудь или чистый воровской поклеп?

Кузьма (*кислым тоном*). Борис Иваныч, ты же этому делу все равно ходу не дашь...

Морозов (*грозно*). Я тебя не обо мне спрашиваю, а что там было.

Кузьма. Было и есть. Конечно же, Трофим этот еретик отпетый, ежели к нему Михайло Иванов и другие с ним заявляются как к себе домой. Но и князь Симеон не без греха. Он имел с ним беседу, с Михайлой-то, наслушался всяких чудес, а никому ни звука не проронил, ни тебе, ни государю.

Морозов. Значит, посчитал все это враньем.

Кузьма (*покорно*). Значит, посчитал враньем.

Морозов (*с любопытством*). Так что же он врал?

Кузьма (*смущенно*). Ну, что ему невесть сколько лет. Что он не только отца Ивана Грозного видел, но и деда его.

Морозов (*хохочет*). Ну, весело живут у Прозоровских. А царя Валтасара там никто не видел? Никто на его пиру не сидел?

Кузьма. Про царя Валтасара не слышал. А вот Навуходоносора там все видели. И другим показать могут.

Морозов. Ой, не могу! Это как же?

Кузьма. Ну, есть у них по соседству какой-то одержимый. Залазит на крышу и вопит, что он Навуходоносор. Они его прикармливают. Ценят, наверное.

Морозов. Симеон Васильевич нищим благотворит. Хорошо поступает. Все мы грешны, не надо об этом забывать. — Я вот тоже, когда все это, наконец, минует, и нищим раздам, и вклад в монастырь сделаю. (*Осняет себя крестным знамением.*) Скорее бы все это позади осталось.

Кузьма. Ты, Борис Иваныч, боярин знатный, и врагов у тебя не больше, чем в боярскую думу вмещается. А я простой мужик! Вот и сосчитай, сколько у меня завистников-ненавистников. Ежели я

с эдакой высоты упаду, каждый первый захочет на меня ногой наступить. (*Сжимает кулаки.*) Не бывать тому.

3. Усадьба Прозоровских.

Поздний вечер. Дворовые люди завершают свои дневные дела.

Поликарп мечется у ворот.

Входит мужик лет тридцати. Поликарп налетает на него как коршун.

Поликарп. Что так поздно возвращаешься?

Мужик (*обалдело*). Так ведь ворота еще не заперты, Поликарп Самсоныч.

Поликарп. Ах, главное — успеть до закрытия ворот!

Мужик. Меня Трофим Игнатьич по уговору с полдня отпустил. Я утром все работы исполнил.

Поликарп (*с отвлечением к самому себе*). И куда ходил?

Мужик (*так же обалдело*). У меня брат женатый в городе... Я всякий раз у них бываю... Ну еще соседи всякие, соседки... А что случилось-то?

Поликарп. Ничего не случилось. Иди себе. Спросил и спросил.

Мужик уходит.

Поликарп (*про себя*). Я больше так не могу. Я скоро спячу.

Мужик, идя через двор, встречает второго мужика.

Первый мужик. Поликушка-то зверем становится. День ото дня лютееет. Не приведи Бог, помрет Трофим Игнатьич, нам деваться будет некуда.

Второй мужик. Как бы Поликарп сам раньше не помер. Игнатъич мужик крепкий, а этот последние дни совсем с лица спал. Болестъ какая-то его точит, с того он и на людей кидается.

4. В доме Корионовых.
Гостей укладывают спать.
Всеволожский храпит.
Фима засыпает, свернувшись калачиком.
Евдокия лежит с открытыми глазами.
Андрей на цыпочках выходит из комнаты. У дверей его поджидает Афанасий.

Андрей (*шепотом*). Идем скорей к Василию Матвеечу.

Афанасий. Ты знаешь, как его зовут?

Андрей взбегает по лестнице, распахивает дверь Васильевой светелки. Василий подходит к нему, берет обе его руки в свои.

Афанасий и Аграфена на кухне.

Афанасий (*нагружая корзинку*). Так, вишневочка. Грибочки. Пирожки.

Аграфена. Петрович, подумай, хорошо ли это? Андрей только приехал, а ты его сразу с Василием сводишь. Родители осерчают, особенно Иван.

Афанасий. Я свожу? (*Радостно хохочет.*) Да они еще Бог знает когда стоворились у меня тут встретиться. У тебя всегда я виноват. — Я еще вернусь за квасом.

Аграфена. Да ладно, прислужу я вам. (*Берет жбан*

*с квасом, корзинку со снедью и идет вместе с
Афанасием вверх.)*

В светелке Василия.

Аграфена ставит на стол принесенную снедь, смущенно
говорит Андрею.

Аграфена. Вот у нас завсегда так.

Андрей. У вас — как в раю.

Василий. Правильно говоришь. Где двое или трое
соберутся во имя Его, там — как в раю.

Аграфена спускается по лестнице, входит в свою спаль-
ню, становится на колени перед образами.

Аграфена (*крестясь и кладя поклоны*). Защити нас.
Упаси от всякого зла.

Наверху.

Афанасий, Василий и Андрей за столом. Андрей вска-
кивает и обнимает то одного, то другого.

Андрей. Господи! Ну какое же счастье привалило!
(*Задевает табурет, он падает.*)

Афанасий. Тише ты! А то меня по твоей милости
розгами проучат.

Андрей. Ой, забыл совсем. (*Усаживается.*) Ну хорошо!
Что на белом свете творится?

Афанасий (*нараспев*). Вот государь московский
жениться надумал.

Андрей. А на ком, неизвестно?

Афанасий. Мне известно. А вот известно ли ему —
не знаю.

Андрей. Да уж, конечно, Борис Иваныч об этом

побеспокоился. — А все-таки, может так случиться, что царь возьмет, да и выберет простую дворянку из глуши?

Афанасий. Это ты про кого? Уж не себя ли ты привез на должность царского шурина? У нас на Руси это первейшая должность.

Андрей (*смущенно*). Нет, за себя я не боюсь. Я для царя-батюшки родной сестры не пожалею.

Афанасий. Понятно. Родной сестры не жалко, а соседку отдавать не хочется.

Андрей смущенно улыбается. Василий отворачивается.

Андрей. Ну все-таки, может такое случиться? Что ты скажешь, Василий Матвеевич, на ком наш царь женится?

Василий. Я, Андрюшенька, люблю подальше заглядывать. А то, что через несколько дней будет, это и так все увидят.

Андрей. Да, я бы так жениться не хотел, ей-богу. Жену, а уж тем паче царицу, по уму выбирать надо. Они все красивые, пока молчат. А вот как рот откроет, да попрег оттуда вся глупость...

Василий. Или ложь.

Андрей. А ложь — это ведь та же глупость, только прикрытая. — Откуда этот обычай взялся, Афанасий Петрович? Ведь такого во всем крещеном мире нет, и в некрещеном тоже.

Афанасий. Первым так женился государь Василий Иоаннович. Согнали тогда в Москву около двух тысяч девиц. Осмотрел он их самолично и выбрал из всех Соломону Сабурову, после чего целых двадцать лет с ней разводился. Вот, видно, в силу этого счастливого брака был сей обычай признан истинно русским и достойным всяческого подражания.

Андрей (*смеясь*). Да, очень это по-нашему. По-другому и быть не могло. Наверное, если у нас все будет по-человечески, мы на самих себя не станем похожи. — Что ты на это скажешь, Василий Матвееч? За что мы такие необыкновенные?

Василий (*со вздохом*). Кому много дано, с того больше и спрашивается.

Андрей. Это так. Но и тут необыкновенность наша свое берет. Много дается одним, а спрашивается совсем с других. — У нас вот по Касимову слух прошел, что господским крестьянам скоро запретят своей торговлей заниматься. (*Смотрит вопросительно.*)

Афанасий. И такой указ готовится, и во сто крат хуже.

Андрей. Мне наших господ помещиков иной раз жалко делается. Ведь мужик, сколько над ним ни измывайся, его же все равно Господь Бог рано или поздно на свободу отпустит. А барам нашим за все за это дорого расплачиваться придется. — О чем люди думают, самих себя не жалеют.

Андрей и Афанасий вопросительно смотрят на Василия.

Василий. Все люди братья. И когда мужик от господина-брата своего обиду терпит, он тем самым часть братней вины искупает. Ты спроси любого мужика, хотел бы он стать свободным, — каждый ответит, что да. А тогда спроси его — хотел бы он сам барином стать, над братьями своими господствовать, — и кто же ответит, что нет? Того, кто скажет «нет», Господь Бог в рабстве человекам не оставит. Он его соделает Своим рабом, а это и есть настоящая свобода.

Афанасий. Ну, чтобы русский мужик себя свободным сознал, я, наверное, не увижу. По крайней мере, отсюда не увижу. А вот аглицкий мужик очень

даже... Только смотри, об этом никому ни звука. (Шепотом) Аглицкого короля Карлу под стражу заключили, судить собираются за хорошие его дела. И самые рьяные требуют, чтоб ему ни больше ни меньше, как голову отсекали.

Андрей. Быть того не может! — Василий Матвейч, может такое быть, чтоб христианского государя его же люди к смертной казни присудили?

Василий. Я тебе так скажу, Андриюшенька. Ежели такое случится, то в целом мире не окажется ни одного человека, который бы об этом не проведал.

Афанасий. Да, свободными людьми управлять — не то что нами, горемычными. Голова при этом должна думать, что она делает. Ведь сказано: «Если глаз твой тебя соблазняет, вырви глаз свой; если рука и нога, то отсеки руку и ногу». Так что и для Карлы будет в том прямая польза. Лучше ему без головы идти в Царствие Небесное, чем с двумя головами в геенну огненную.

Андрей (*во весь голос*). Ну ты скажешь, дядя Афанасий!

Голос Аграфены (*из-за двери*). Петрович, Христа ради, отправляй Андрея спать. Нам завтра Иван Родионьч такого задаст.

Все на цыпочках расходятся.

5. Терем царевен.

Глубокая ночь. Анна не спит, бродит по коридорам. Идет мимо служанок, спящих, сидя на лавках, подходит к своему заветному окошку, беретса руками за раму. Опять идет по коридору. К ней подходит карлица Лизавета, прижимается к ее ногам, прячет лицо в ее платье. Анна гладит Лизавету по голове.

б. Дом Корионовых.

Раннее утро следующего дня. Фима выскальзывает из комнаты, где ночевали Всеволожские.

Фима, завернувшись в большой платок, смотрит в окно, за которым чуть брезжит рассвет. Входит Василий.

Фима. Доброе утро, дедушка.

Василий. Доброе утро, дитятко.

Фима. Вот и мы все вслед за тобой в Москве оказались.

Василий. Мне вскорости в обратный путь собираться.

Фима. А нам?

Василий. Об этом только Господь ведает.

Фима. Нет, дедушка, ты знаешь, ты только говорить не хочешь.

Василий. Я, дитятко, где бы ни бывал, часть моего сердца всегда в Москве остается. Хотя и вся земля Божья, но есть места, где близость Его еще слышнее. (—) А когда любишь кого, всегда хочешь быть там, где к нему ближе.

Фима. Зачем же тебе Москву покидать?

Василий. Так Он мне велит. Вся наша здешняя жизнь есть испытание любви.

Фима. Дедушка, можно я тебе душу свою открою?

Василий. Да, дитятко. Ты ведь, что снаружи, что внутри — одинаково светлая.

Фима. Дедушка, с тех пор, как я себя помню... я и его помню. Того, кого я люблю. (—) В детстве мне представлялось, что у меня еще есть брат, кроме Андрея. Но он где-то далеко, и я все жду, что он приедет. (Пауза.) И я всегда с ним в мыслях говорила, обо всем-обо всем говорила.

А когда я стала постарше, мне сны стали сниться — будто я его ишу повсюду, а все не нахожу.

Где я только не побывала в этих снах! Такую красоту видела, наяву такой не бывает! Только его не находила. (—) Я знала, что он где-то близко, надо только позвать. А как позвать? Как его зовут? Не знаю. Так и не нашла ни разу.

Василий (*со вздохом*). А наяву увидишь — и сразу узнаешь? Так ведь?

Фима. Да, бабушка! Я же его ясно представляю, я его все время перед собой вижу.

А еще я хочу тебе сказать, вот когда я про самое себя думаю. Может, это грех — думать о себе? Вот я думаю, почему я такая уродилась? Ну с красотой этой? Может, для того, чтобы *он* отыскался? Ну, прослышит — и захочет посмотреть?

Василий. Может быть, для того.

Фима. Вчера весь вечер тети Грушины подруги заходили, всё решали, за кого меня сватать, как смотрины кончатся. Я знаю, родителей огорчат — это тяжкий грех, а для меня... Как же мне быть, бабушка?

Входит Настасья.

Настасья. Я тебя обыскала, Фимушка! Ты, выходит, совсем не спала. Это с такой-то дороги!

Фима. Мы тут с бабушкой Василием беседуем.

Настасья оглядывается — Василия уже нет.

7. У Морозова.

Морозов и Кузьма.

Кузьма (*задумчиво*). Борис Иваныч, мне вчера поздно ночью мои люди из дома князей Троекуровых кой-чего принесли. — У княгини Троекуровой кума крестовая есть, Кориониха такая. Привезли к ней племянницу из Касимова, по выбору боярина Пушкина. И сразу же слух пошел, что такой-де красавицы отродясь никто не видал. И царь наверняка ее заметит. Выберет-не выберет, конечно, другое дело, но не заметить ее просто нельзя. Сейчас у Троекуровых только один разговор, кому из своих они ее сватать будут, когда смотрины пройдут.

Морозов. А кто они, эти Корионовы?

Кузьма. Бояр Матвеевых недалняя родня.

Морозов. Артамон Матвеев сейчас отсюда далеко.

А и был бы в Москве, не стал бы не в свое дело вступать. Слишком умен.

У меня ведь расчет простой. Завтра их всех соберут, списки сверят, патриарх им слово скажет, ну, как водится. Алеша, конечно, захочет высмотреть их тайком. Для этого все, что надо, есть. Но девиц-то больше двухста. Ну как тут разберешь сходу? Как упомнишь, кто лучше, кто хуже? Вот тут-то я и позабочусь о нем. — Нет, в такой толпе любая затеряется.

Я другого побаиваюсь. Как бы царевна Иринушка не напакостила. У старухи Вяземской внучка очень хороша. Ирина может ее как-нибудь отметить и дать знать братцу. Ну, Господь милостив.

Кузьма. Не знаю, Борис Иванович, не знаю. Царь Михаил тоже из целой толпы выбирал.

Морозов (*нервно*). Не хочу я про это думать, не надо. Я же Алеше счастья желаю. Я его вырастил,

выпестовал. Я же ему в невесты раскрасавицу нашел, не что-нибудь там! Что ты мне каркаешь!

Кузьма. Да у меня на душе смута какая-то. И сон плохой приснился.

Морозов. Что снилось? Выбор царский?

Кузьма. Да нет, просто плохой сон. — Сижу я прямо на земле... И одежда на мне какая-то не моя, и земля вокруг мокрая, осень вроде бы на дворе. — А в руках у меня битый черепок, и в нем еда какая-то наложена. И тут смотрю я на свои руки — да, ложки-то у меня нет — смотрю я на руки свои, а они черные-пречерные!..

Морозов. Как у мавра?

Кузьма. Да не как у мавра. От грязи черные. А я есть собираюсь. И говорю сам себе — как же ты, Кузьма, с такими руками есть собрался? И сам же понимаю, что деваться мне некуда, и другой еды у меня не будет. И тут петух заорал, проснулся я, и первая у меня была мысль про Корионику эту с ее племянницей.

Морозов (*ворчливо*). Лучше совсем снов не видеть. Толку от них нет, а покой смутить могут. (*Резко встает.*) Все будет так, как задумано. Не рассматривает он эту Корионику, не успеет.

Кузьма. Ее Григорий Пушкин привез. Не захочет ли он как-нибудь царю намекнуть?

Морозов. Не решится. Он свое место знает. Да и кто ему эта девица? Нешто ее отец ему меру золота отсыпал? Как задумано, так и будет. Только поскорее бы все это кончилось.

8. У Корионовых.

Андрей входит в светелку Василия.

Андрей. Василий Матвееч! Ты уговор нарушаешь, обещаний своих не выполняешь. — Обещал ты со мной побеседовать, встречу назначил так далеко от нашей деревни. Я, стало быть, прибыл, а ты со мной всего подрабочка поговорил.

Василий. Ничего, Андрей, потерпи. Нам с тобой долгая беседа предстоит. — А пока что незачем отца твоего зазря огорчать, не заходи сюда так часто.

Андрей. Ну вот, опять гонишь.

Василий. Ты же собирался со своим Захаром храмы московские обходить.

Андрей. Ну, храмы они всегда на том же месте стоят, а ты все грозишься, что в Сибирь опять уйдешь.

Василий. Храм-то, конечно, на месте стоит, да может то место далеко оказаться.

Андрей. Думаешь, опять меня отец в касимовском имении запрет?

Василий. Человека никто крепче не запрет, чем он своим собственным телом крепко-накрепко заперт. И ежели он в этой темнице ту свободу обретет, что изначально душе его дарована, то никакие рукотворные темницы ему не страшны. Ты ведь слышал, как апостолы сквозь запертые двери на свободу вышли? Уж не думаешь ли ты, что у Господа Бога с тех пор силы поубавилось?

Андрей. Ну вот, ты такие вещи говоришь, а хочешь, чтобы я по своей воле от тебя ушел.

Василий. Не бойся, куда бы ты ни ушел, я за тобой приду.

Горница в доме Корионовых.
Всеволожский и Аграфена.

Всеволожский (с некоторой неловкостью).

Сестрица, я вот спросить хотел... У вас тут странничек этот живет... Андрюшка мой прямо от него не отлипает.

Аграфена (с деланным спокойствием). Старец этот святой своей жизнью известен. Зовут его Василием Матвеевым.

Всеволожский (кивает). Я знаю.

Аграфена (тем же тоном). Он из вольных новгородских крестьян. Лет ему семьдесят. Хозяйство все оставил детям, ну и странствует, как положено... А вообще-то он хорошо знаком Трофиму Игнатичу, что у князя Прозоровского главным управляющим. Он, кажется, ему какая-то родня. И князю самому он известен, князь тоже Божьих людей привечает.

Всеволожский. Да нет, я что? Конечно, доброе дело. — Просто Андрей этот, он же удержу не знает. Он его замучает вконец. Старому человеку ведь и отдохнуть когда-то надо. А этот готов у него до утра просиживать.

Аграфена (улыбаясь). Ну, Василия Матвеича утомить нелегко. А за Андрюшкой я прослежу. (Прикасается к его плечу.) Я пока его от Василия не выгоню, спать не лягу. Он же дитя еще. (Вздыхает.) Быстро как дети выросли, да, Ваня? Фимка из всех наших самая младшая, а уже невеста.

9. В доме Милославских.
Мария, Анна, служанки-портнихи.

Мария (разглядывая куски ткани). Мне этот цвет все же больше нравится.

Анна. Нравится! Ты его что, с кашей ешь

собираешься? — Цвет не тем хорош, что нравится-не нравится, а тем, что к лицу идет. *(Хватает другой кусок.)* Вот с этим цветом у тебя лицо белее делается. Это важно, а не то, что тебе нравится.

Мария. А ты что скажешь, Матренушка?

Портниха. Сестрица твоя права, Мария Ильинична! Тебе и этот цвет хорошо, но тот еще больше к лицу.

Анна *(похлопывая Марию по плечу)*. Вот станешь царицей, я уж ладно, так и быть, разрешу тебе сшить платье из того атласа.

Портниха. Ты бы своим нарядом тоже занялась, Анна Ильинична. Время-то идет. Нешто тебе все равно, в чем царю показываться?

Анна *(смотрит в зеркало, машет рукой)*. Во что ни наряжусь, лучше Машки не покажусь.

Портниха *(угодливо)*. Зачем ты на себя так? Разве ты у нас не красавица? Вас же обеих на смотрины выбрали!

Анна *(насмешливо)*. И еще с полтыщи таких же со всей Руси.

Портниха *(кроит)*. А я вот знаю, что вы лучше всех окажетесь.

Анна *(сквозь зубы)*. Смотря для кого. — *(Хватает ленту, прикладывает к Марьиной косе.)* А вот с лентой как быть? В цвет платья или посветлее?

Портниха. Когда всё закончим да отделаем, тогда и ленту подбирать будем. Когда платье надето, то лучше видно. Ты своим займись, Анна Ильинична!

Анна. Да займусь, займусь. Ты, Матрена, бестолковая. Ты понять можешь? Двоим нам царицами не бывать, а одна должна стать непременно.

10. Дом, в котором остановились Барашовы.
Маша, Софья и мать. Маша смотрит в зеркало.

Маша. Ну так что?

Барашова. Не знаю даже, что сказать. И так хорошо,
и так. — Давай-ка у Захара Ильича спросим.

Софья (*со смешком*). Надо было у Андрея Ивановича
спросить. Он сегодня утром к Захару заходил.

Маша гневно раздувает ноздри.

Барашова. Со-оня!!

Софья. Ну уже и пошутить нельзя!

Барашова. Хороши шутки. Маша и так вся
испереживалась.

Софья. О чем тут переживать? — (*Строго*) Праздник.
Государь всея Руси женится. А нас всех позвали
гостями быть и полюбоваться, как он *своей*
невесте кольцо на палец наденет.

Мать злобно поджимает губы.

Софья (*продолжает*). Неужели непонятно, что всех
этих девиц для того только собрали, чтобы они
собою царский праздник украсили? Вам еще
подарочки подарят, будете своим внукам
показывать и хвастать, как вы при царском
обручении были, да не просто так, а в числе
первейших красавиц. (*Мать и Маша со вздохом*
кивают.) А боярин Морозов и вся царская родня,
да они же права не имеют такое дело на самотек
пускать. Простые люди женятся — и то сто раз
всё рассчитают да отмерят. А тут сам царь! Он что,
хуже всех?

Барашова. Ты все верно говоришь, Софьюшка! Все
верно. Но такие смотрины не только для царя
делаются. Князья-бояре тоже смотрят, какой товар
в Москву отовсюду навезли.

Софья. Князья-бояре на богатство смотрят и на знатность.

Барашова. Всяко бывает. Вдовы за приданым не гонятся.

Софья (*фыркает*). Из всех бояр, кажись, один Морозов вдовый.

Барашова (*вздыхая*). Это было бы совсем неплохо.

Маша. Жаль, боярин Пушкин не вдовый.

Софья. Ну хорошо, а Андрею что ты скажешь?

Барашова. У Маши мать есть. Такие вещи родители решают. Мы что, в кабаке, чтоб девица сама себя замуж выдавала?

Маша с лицемерной кротостью смотрит на Софью и разводит руками, мол, «ты же видишь!»

11. У Корионовых.

Евдокия и Настасья Порфирьевна подгоняют на Фиму теткинны наряды. Иван Родионович и Афанасий сидят поодаль за столом.

Евдокия. Счастье-то какое, что Фимка тетю Грушу ростом не обогнала. Нам бы тогда не поздоровилось. — А ну шагни. Фим, ты что, оглохла?

Фима делает шаг.

Настасья. Нет, хоть на полпальца, а я бы подкоротила.

Фима. Хорошо, подкоротите. — Можно, я наверх пойду?

Евдокия. Нет, нельзя! У нас еще тыща дел, я за тобой не набегаюсь.

Указывает на стол, на котором навалены ленты, украшения и прочее.

Фима (*сдавленно вздыхает*). Да не нужно столько всего.

Евдокия. А вот это уже мое дело. Я московских княжон своим богатством поразить не хочу, но чтоб ты там хуже всех оказалась, мне совсем не надобно.

Всеволожский (*смеется*). Берегись, Фимка, хуже всех окажешься.

Афанасий (*тяжело вздыхая*). Это еще са-авсем не самое страшное.

Настасья, ползая по полу, сметывает подол. Мать снимает с Фимы верхнее платье, закутывает ее в большой платок.

Евдокия. Устала, посиди в уголочке и отдохни.

Фима с отрешенным видом забивается в угол.

Афанасий (*поднимается, начинает ее веселить*).

Фимушка, ну что ты такая грустная, голубушка ты наша? — А я знаю, отчего. — Это она за царя-батюшку переживает. Она боится, что Морозов его на старой карге женит, на бабушке своей. — Не бойся, дитяtko, он очень даже о нем позаботился, отличную невесту ему подыскал, и молодую, и красивую. Батька ее, правда, подлец, какого свет не видывал, но она не в него, она в мать пошла. (*Фима улыбается.*) Ну, вот видишь, я был прав. И теперь твоей доброй душе не о чем беспокоиться.

Аграфена бежит через двор, на ходу срывая платок и полубубок.

В горнице.
Вбегает Аграфена.

Аграфена. Дуня, Фимушка! Хорошие новости! Царь не будет девиц смотреть.

Все смеются, говорят почти хором.

Все (*хором*). Как, совсем не будет?

Афанасий. Так я же вам про это и говорил. Незачем ему их смотреть. У него есть дела поважнее.

Аграфена. Князь Троекуров только что из Кремля воротился. Говорит, назначил государь шестерых бояр судьями, чтобы завтра отобрали шестерых девиц. А сам он то ли послезавтра, то ли еще через день будет из них выбирать.

Всеволожский. А кого он судьями назначил?

Аграфена. Не знаю.

Афанасий. Зато я знаю. Я вам скажу, кто эти бояре: первый — Борис Морозов, второй — Глеб Морозов, его брат, третий — Иван Морозов, их покойный отец, а остальные трое — морозовские дворовые мужики.

Всеволожский (*смеется*). Ох, Афанасий, с тобой померешь.

Афанасий. А я вовсе не шучу. Кто у нас больше значит в делах государственных — бояре Стрешневы — царю кровная родня, или морозовские холопы? Один Кузьма чего стоит.

Фима. И правда, как-то легче стало.

Евдокия. Нам с Порфирьевной легче не стало. — Еще хуже — царя не будет, все друг на дружку станут глазеть. Вставай, Фимка, одевайся. Пусть тетя Груша свое слово скажет. Мы-то деревенские, а она у нас московская барыня.

12. Утро. Поликarp подходит к дому Корионовых. Переминается у ворот, нерешительно входит во двор. Навстречу ему дворовый человек.

Поликarp. Послушай, мил человек! Тут у вас приезжий один стоит... (*Мнется.*)

Мужик. У нас их тут столько понаехало. Ты, часом, не касимовский будешь?

Поликarp. Я? — Нет. Я здешний, московский. (*Мнется.*) Его Василием зовут... белый весь такой.

Мужик. А, так это наш старец богомольный. Что ж ты сразу не говоришь! Сейчас спрошу у Маланьи. — А сам-то кто будешь?

Поликarp. Меня Поликарпом Самсоновым звать. Я у князей Прозоровских служу.

Мужик (*почтительно*). Да ты проходи-ста! Он, кажись, никуда еще с утра не уходил.

У Василия.
Василий и Поликarp.

Василий. Тебя Трофим Игнатьич прислал?

Поликarp. Нет, батюшка, мне самому с тобой поговорить надо.

Василий. А как меня нашел?

Поликarp. Я в первый же день, как ты пришел, разговор твой с Игнатьичем из-за двери подслушал. Меня еще пять лет назад всем известный Кузьма Кузьмич определил к Прозоровским, чтоб я за всеми подслушивал и ему докладывал.

Становится на колени перед Василием.

Василий (*строго*). Встань, Поликarp, ты не в церкви. — Вон сядь на лавку. Отдышись, и говори себе все, что хотел сказать.

Поликарп (*тяжело дыша*). Ну вот я, значит, и стал. — За нашими князьями, понятное дело, никакой измены сам черт не отыщет, и Кузьме это лучше всех известно. А все ему знать надо — кто в гости приходил, да какие подарки дарились, да чем отдавались. А князь Симеон Васильич и так все самое лучшее непременно царю отдаст, либо Морозову. Он не жадный совсем, благо, и так богат сверх меры. — А Кузьме до этого богатства больше всего дела, я ему про каждую копейку докладываю. Все ведь расчеты-пересчеты через меня идут. Да, повезло ему со мной. — Батюшка Василий Матвейч, тебе не тошно все это слушать?

Василий. Все, что хотел сказать, — говори.

Поликарп. Вот что еще скажу, чтоб не забыть. — У него ведь, у Кузьмы-то, во всех боярских домах люди есть, а к Прозоровским подобраться никак не получалось. Трофим Игнатьич каждого человека насквозь видит и вообще-то чужих со стороны брать не любит. А в тот год много народу холерой померло, остался он без помощника. А я и грамотен, и считать горазд, вот Кузьма и придумал, чтоб управляющий князей Одоевских меня к Трофиму послал. Он меня и взял с дорогой душой. (*Свешивает голову и умолкает.*)

Василий. Ну ты отдышался, Поликарп? Говори дальше, не бойся.

Поликарп. Я, батюшка, ни князьям, ни Трофиму Игнатьичу никакого урона не причинил. А Кузьма этот, хоть у него сердце злое, он ведь, выходит, великое благо мне соделал. Я и мечтать не мог... Я же отца в младенчестве лишился. Ты меня прости, батюшка, я сейчас все скажу.

Батюшка, я когда увидел тебя и братьев твоих, я понял, что Господь Бог — Он не где-нибудь там (*показывает вверх*), а совсем близко, и уж лучше

мне перед Кузьмой провиниться, чем Его (*указывает вверх*) прогневить. — А что ему за дело, Кузьме-то? Богомольцами и юродивыми вся Москва полна. А вы и так все с большим бережением ходите. Почему я должен знать, что вы не такие, как все прочие?

Василий. Все разумно. — И как же он об этом прознал?

Поликарп. Мне бы это узнать, как выходит, что кто-то у нас ему доносит, но чудно доносит. — Я у него с начала осени не был, да когда мне? Я же князьки имения объезжаю. А не так давно сходил для порядка, а он меня как обухом по голове.

И чудное дело — про то, что сейчас, ни слова не говорит, а все напирает на тот раз, когда Михайло Иванович с князем нашим беседовал. А тому уже два года, я точно помню. Я на другой день в Нижний отправлялся, у нас там падеж скота случился, порчу кто-то наслал.

А я с того дня, как у него побывал, сам как порченый сделался. Не сплю, не ем, на всех кидаюсь, — а что мне делать? Народу полно, а мне в каждом предатель видится. — А найду его — и дальше что? Убить его, а самому сбежать? Я ж тогда и на Трофима, и на князя такую беду наведу! — Хоть ложись — и помирай. Но ты уж своих, батюшка, извести, что такое дело. Пусть они к нам не показываются.

Василий. А почему ты Трофиму открыться не захотел? Ты перед ним чист.

Поликарп. Не могу, батюшка, я думал об этом. — Нет, не могу. Он меня, конечно, не стонит, того же Кузьмы побойтся, но каково ему жить будет рядом со мной после этого? Это же ему в самое сердце. (*Плачет.*) Батюшка, он же меня как отец родной

принял. Женить собирается. Ему что я, что его Игнаша. *(Вытирает слезы.)* Мне еще лучше живется! Игнат там в Архангельске такую лямку тянет, надорвешься! А я тут барствую!.. *(Становится на колени.)* Василий Матвейч, я к тебе пришел, ты человек Божий. Ты помолись, тебе Господь непременно подскажет, как нам всем быть.

Василий *(кладет ему руку на голову)*. Сам Господь внушил тебе это, Поликүша. — Оставайся здесь. Я скоро ворочусь. *(Выходит.)*

Поликарп ждет Василия. Он понемногу успокаивается, лицо его разглаживается, принимает спокойное выражение.

Поликарп *(слыша шаги Василия из-за двери)*. Вот тебе и сказка про Иван-царевича!

Входит Василий.

Василий. Этого человека больше нет в князьей усадьбе. Он умер. Скорее всего, его убили.

Поликарп. Это Ерощка! Это вор-подлец Ерощка! Мы его в тот самый день согнали, когда ты приходил. Ночью его на воровстве поймали, а утром ты пришел. Потому он тебя и не видел.

Василий. А кто-нибудь знает, что с ним случилось?

Поликарп. Через сколько-то дней пришла его жена с воплем, что он как в воду канул, а ей детей кормить нечем, а их у нее шестеро душ. Вот мы их теперь и кормим. — А он на нас донес. — А мы его сирот кормим. *(Василий кивает на эти слова.)*

Василий. У ваших ворот и вокруг усадьбы теперь все время какие-то рыщут. Нас выглядывают.

Поликарп. Значит, внутри у Кузьмы никого нет.
А с наружными как быть?

Василий (*грустно усмехаясь*). Мы же их видим. —
Ступай, Поликарп, ничего не бойся. Держись
правды, это самая крепкая опора. За то, что ты на
Господа понадеялся, из любой беды выйдешь, детей
своих большими людьми увидишь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. По белым заснеженным улицам Москвы в направлении Кремля тянутся черные кибитки. В каждой — красавица и ее родня.

Благовещенский собор Кремля.

Стефан Вонифатьев выходит из ризницы.

Старая женщина в богатой накидке с жаром прикладывается ко всем иконам храма, целует изображения на стенах.

Стефан видит человека, который ставит перед образом толстую свечу, рука его вздрагивает.

Стефан узнает в нем Кузьму Кузьмича, подходит к нему. Кузьма целует Стефану руку.

Стефан (*крестит его*). Мир тебе, Кузьма Кузьмич!

Кузьма (*хватая его за руку*). Отче Стефан, пойдём ко мне. Ты давно обещался.

Стефан. Я помню, Кузьма Кузьмич. Но ты же все занят, столько дел у тебя.

Кузьма (*смотрит в сторону*). Сегодня дел не будет. И завтра не будет, а, может, и послезавтра.

Стефан (*тихо*). Кузьма Кузьмич, что вы с Морозовым себя мучаете? Ну женится царь на ком-нибудь там! Что он после этого — головы станет рубить своим верным слугам?

Женщина в накидке совершает земной поклон перед образом, ударяет лбом об пол, тяжело поднимается. Стефан узнает царскую няньку Федору, быстро подходит к ней.

Стефан. Матушка Феодора Ивановна, да на тебе лица нет, случилось что?

Федора. А как ты думаешь, отче Стефан? Болит у меня душа за государя нашего, Алешеньку моего?

Стефан (*ничего не понимает*). Государя ждет великая радость. — В конце концов, все же люди женятся. И он женился (*указывает на Кузьму*), и я женился.

Федора. Молод ты очень, Стефан Вонифатьевич. — Тебе сколько лет?

Стефан. Тридцать ровно.

Федора вздрагивает. Они с Кузьмой переглядываются.

Кузьма (*тянет Стефана за собой*). Пойдем ко мне, отче Стефан. Я тебя угошу, сам чего-нибудь съем.

Кузьма и Стефан выходят на крыльцо Благовещенского собора.

Через площадь тянется вереница красавиц, предводительствуемых «повзводно» боярами.

Боярин Пушкин и князь Михаил ведут касимовских красавиц. Первой идет Маша Барашова.

Стефан весело разглядывает девиц. Кузьма тянет его прочь.

2. У Кузьмы.

Стефан чинно закусывает за богато накрытым столом.

Кузьма выпивает подряд несколько чарок, хмелеет, с лица его сходит напряженное выражение.

Стефан. Дался тебе этот Трофим, Кузьма Кузьмич. Он ведь простой мирянин, премудрости богословской не научен. Он мог вовсе и не разобрать, что перед ним еретики. Тем паче, этот Михайло кого угодно обморочит.

Кузьма (*кивает, ухмыляясь*). Это так!

Стефан. Трофим Игнатъич праведной жизнью своей известен. Бедным помогает, как никто другой.

Кузьма (*оживляясь*). Еще бы ему не помогать! При его-то богатстве! Ему Прозоровский столько платит, что на царской службе не приснится. А подарки дарит — на Рождество, да на Пасху, да на день Ангела, да на день черта. Бедным он помогает! Да если бы таких богатых не было, бедные и не знали бы, что они бедные.

Стефан (*пропускает все это мимо ушей*). Я как бы между прочим и с его отцом духовным побеседовал. И получается, что упрекнуть его просто не в чем.

Кузьма (*развеселившись*). Вот кого тебе надо было хватать сходу, отче Стефан. Первые еретики — всегда попы. — Уж он-то премудрости научен! И хитрости ему не занимать стать. Так он тебе, царскому духовнику, и сознается, что исповедует еретиков.

Стефан (*смеется*). Ну ты хорош, Кузьма Кузьмич! Священство обличаешь, а собственную прямую службу не желаешь исполнять. — Вся Москва знает, что от тебя ничего скрыть нельзя, что у тебя повсюду глаза и уши. А Михайлу этого не ловишь. Может, у нас не только попы — еретики? Может, и ты не без греха?

Кузьма (*лениво*). Я же тебе в тот самый день сказал. Про Михайлу Ива́нова еще в царствование Иоанна Грозного было известно.

Стефан. Так что о нем было известно?

Кузьма. Все то же, что и теперь. Что лет ему незнамо сколько, что ходит по воде, и все в таком же роде. Неужели ты думаешь, отче Стефан, что за все эти

годы его так-таки изловить не пытались? А может быть, все же пытались? — А что с ним делать прикажешь, если его изловить? — Убить? Сжечь? — Чтобы он опять где-нибудь объявился? — Или ты думаешь, что такого никогда не бывало? — Думаешь, такого не бывало, потому что не слышал никогда. — И про Михайлу ты бы не услышал, а я бы никогда не вспомнил, если бы Ерофей Петров не проворовался и не пошел бы доносить на свою голову.

Стефан (*покачивая головой*). Ты запомнил, как его звали.

Кузьма. И как звали запомнил, и день и час, когда приходил. И в какой день светлый князь Симеон Васильевич с Михайлой беседу имел, тоже знаю и помню. Такая моя служба. Все знать и все помнить. — А всем другим лучше ничего такого не знать. О чем никто не знает, того будто бы и нет вовсе. — Или ты этому Михайле славы желаешь? Так кто же из нас еретик?

Стефан доволен шуткой Кузьмы. За окном слышится стук копыт и колес. Стефан подходит к окну, видит вереницу кибиток.

Стефан. Разъезжаются наши красавицы.

Кузьма (*совсем тихо*). Счастливые.

Стефан. Пойду-ка я узнаю, кого выбрали.

Кузьма (*тоскливо*). Да не все ли равно. — Если бы ты мог узнать, кого царь выберет. (*Осушает еще одну чарку, потом еще одну.*) Скажи, протопоп, как быть, когда человек зло творит, а сам его вовсе не желает? Он добра желает. А зло — оно ему дорогу перешло, оно само напросилось. Как тут быть?

Стефан (*сухо*). На то заповеди даны, чтобы различать между добром и злом. (*Подходит к нему близко,*

говорит тихо) Ну что ты себя мучаешь, Кузьма Кузьмич? Разве много таких умных, как ты, таких даровитых? Неужели твоей службой пренебречь можно?

Кузьма. Молодой ты еще, Стефан! — Иди, узнавай, что там делается. *(Вслед ему)* Счастливей.

3. Андрей медленно идет к дому, где остановились Барашовы.

Едет кибитка Барашовых. В ней мать, Маша, Захар и Софья.

Маша, закусив губу, еле сдерживает слезы. Софья и Захар подчеркнута безразличны.

Барашова. А эти две княжны ничуть не лучше всех остальных. И младшая Милославская — тоже ничего особенного.

Барашовы выходят из кибитки, входят в дом. Следом подходит Андрей, поднимается на крыльцо.

В доме.

Маша раздражается рыданиями.

Софья. Маша, тебе не совестно?

Маша. Да я не потому! — Но ведь стыд какой!

Выставили за дверь как последнюю уродину. —

А Пушкин этот, подлец, даже не оглянулся! Чтоб ему подохнуть!

В комнату входит служанка, что-то тихо говорит Захару, тот выходит и возвращается с Андреем. Маша продолжает рыдать.

Андрей, поклонившись Софье и Барашовой, растерянно смотрит на рыдающую Машу.

Захар (*жалостливо*). Ну причем тут красота? Ясное дело, что бояре сродственников своих выбирали.

Андрей (*подхватывает*). Ну конечно, разве же дело в красоте?

Маша (*взрываясь*). Фимку-то вашу выбрали! (*Уходит быстро в другую комнату.*)

Мать бежит следом за Машей, грозит ей кулаком, показывает пальцем на лоб. Затем Барашова возвращается обратно.

Барашова (*нараспев*). Андрей Иванович!

В комнате пусто.

Андрей темными улицами бредет домой.

4. Дом Корионовых.

Всеволожский, Евдокия и Аграфена в молчании подъезжают к дому. Так же молча и понуро входят в дом. Им навстречу Афанасий.

Афанасий (*вскрикивает*). А Фима где?

Аграфена. Там осталась. Мы за нею поедем попозже. — Выбрали ее вместе с другими.

А сейчас их старые боярыни в баню повели, осматривать будут.

Афанасий (*хватаясь за голову*). Господи! Господи!

Аграфена (*резко*). Петрович! Пройди-ка сюда, будь так добр.

Афанасий и Аграфена выходят за дверь.

Аграфена (*шепотом*). Перестань ты причитать, прошу тебя! Они и так ни живы ни мертвы. — А потом еще, родня родней, а что подумать могут? Что ты наговариваешь, что позавидовал. У тебя вон у самого трое дочерей.

Афанасий. Мне плевать, кто что подумает. Я за девоньку боюсь!..

Аграфена, не слушая его, резко возвращается обратно.

Аграфена. Дунюшка, Иван! Нам надо непременно выпить по капельке. Мы так намерзлись. А уж потом перехватим что-нибудь.

Всеволожский (*неживым голосом*). Да уж, намерзлись.

Аграфена. Чего ждешь, Малаша? Что на стол не собираешь?

Входит Андрей.

Евдокия (*так же, как Всеволожский*). Андрей, Фиму выбрали царю показывать.

Андрей (*холодно*). Я знаю. (*Уходит к себе.*)

Евдокия. Совсем ему нас не жалко.

Андрей один у себя.

Аграфена, Иван и Евдокия сидят молча, убивают время. Афанасий нервно прохаживается по горнице.

Афанасий. Ну что, пора вам ехать! Чего вы ждете?

Аграфена. Так мы же знаем, когда нам выезжать. Опять там, что ли, мерзнуть?

Всеволожский. Я, как смотрины завершатся, в тот же день к себе уеду. И ни про какое сватовство даже слушать не буду. Хочет Фимка в девках сидеть, пускай сидит.

Евдокия. Уедем, уедем, Иван Родионыч! Устали мы здесь, и все от нас устали.

5. Андрей выходит из своей горницы, поднимается по лестнице, открывает дверь в светелку Василия.

Василий. Ну что, надоело горевать?

Андрей. Я не горюю, мне просто непривычно, пусто как-то. Я ведь столько времени этим жил...

Василий. Лет тебе мало, у тебя каждый месяц длиннее года тянется. (—) Так с каждым бывает, пока он во времени обживается. А когда обживется, привыкнет к нему, и помчится оно, как стремнина, — глядишь, весь срок его жизни уже вышел. А чему за этот срок научился?..

Андрей. Я порой думаю: если понять, как время устроено, очень многое тогда можно понять. — Ты погляди, Василий Матвеич, приди я туда часом позже, ничего бы этого не застал. — Вся наша жизнь, наверное, по часам расписана, хорошо бы научиться правильно читать.

Василий. Вот и начинай учиться!

Андрей. Мне так видится, что в Касимове мне больше не жить. Что мне там делать? (—) И к Захару теперь путь заказан. Вот это обидней всего.

Василий. Не горюй о нем. Когда-нибудь да повстречаетесь. Ты только не торопись.

Андрей (*улыбаясь*). Для этого надо стать таким, как ты. Я уже заметил, что ты никогда не торопишься.

Василий (*хитро улыбаясь*). Я старый, для меня время вскачь несется. — А знаешь, что должен делать путник, когда завидит, что по дороге кони мчатся? Он должен посторониться и переждать, пока они пронесутся.

Андрей (*прислушивается*). Кажется, наши за Фимкой поехали.

Василий. Пойдем-ка мы с тобой к Афанасию Петровичу. Он себе места не находит.

Андрей. Пойдем, расскажу ему, как я у Барашовых побывал. Какое ни есть, а развлечение.

6. Царь и царевны.

Алексей. Ну что, государыни-царевны, наш уговор помните?

Царевны (*наперебой*). Помним, помним!

Алексей. Исполните царскую службу?

Царевны (*дружно кланяясь в пояс*). Все исполним, царь-батюшка.

Алексей. Значит, сделаем так. Я поначалу за занавесью стану, и оттуда постараюсь их и рассмотреть, и подслушать, если удастся. Ну понятно, когда кто говорит, его виднее. — А уже потом выйду с музыкантами и посмотрю поближе. Но ты смотри, Ирина Михайловна, если тебе какая из них уж очень глупой покажется, ты не умолчи ради брата своего.

Ирина. Алешенька, годубчик мой, мы же всех этих девиц, кроме приезжей касимовской, хорошо знаем. Все собой хороши, все скромны и вполне разумны, насколько девица таких лет может быть разумной. Царя Соломона среди них искать не следует.

Татьяна (*внезапно*). По правде сказать, из всех самая умная — это Катя Алферьева.

Анна. Да она и самая красивая.

Ирина (*резко*). Замолчите сейчас же! Это царю решать, кто самая красивая. — Ну потерпи, мой ангел, мало осталось. Завтра посмотришь, а потом еще день будет, чтобы обдумать и посоветоваться, если что. Иди-ка примерять музыкантское платье, а то еще выдашь себя и сам же огорчишься.

Царевны без Алексея.

Ирина (*набрасывается на сестер*). Ну что вы вылезли с вашей Катькой?

Анна. Не выдержали.

Ирина. Я тоже еле держусь. Внутри все клокочет. — Что нас ждет?

Татьяна. Морозов нас ждет. Со своими Милославскими. Обеими сразу.

Ирина. Нет, на Милославской Алешка жениться не захочет. Это как Божий день. — Может, она у Морозова вообще для отвода глаз? Может, он совсем другую подсунуть нам хочет?

Татьяна (*смеется*). Ох нет, он не такой умный! До этого только ты додуматься могла.

Ирина. Да, видать, не такой умный, если царь сумел его перехитрить. (*Тяжело вздыхает.*) Для подлости и злодейства большого ума не требуется. О Господи, помилуй нас грешных. — Аннушка, немедля иди спать. Ты Бог знает на кого похожа стала.

Ирина и Татьяна вдвоем.

Ирина. Ну, ежели пресветлая боярыня Годунова захочет кого отравить на нашем пиру, то нам с тобой, Михайловна, будет большой срам.

Татьяна. Нет, не будет. Уж если она захочет кого отравить, так это нас с тобой.

Обе хохочут.

Татьяна. Да, весело нам живется.

Ирина. На то мы и царские дочери, чтоб нам весело жилось.

7. Покои царя.

Федора за рукодельем. Быстрым шагом входит Алексей.

Алексей. Нянька, а ну поди-ка сюда. Ты ведь всех знаешь. Говори, кто такая Алферьева? Чья она?

Федора (*неуверенно*). Боярыня Алферьева дочь.

Алексей (*насмешливо*). Да ну? Про это я и сам догадался. Давай, говори, чья она?

Федора (*так же*). Мать ее рожденная княжна Вяземская.

Алексей. Ага. А старая княгиня Вяземская у нас кто? Чья крестная?

Федора. Царевны Анны. — Она старуха мудрая, ее Ирина Михайловна больше всех почитает.

Алексей. Я уже это понял. Ай да мои сестрички. Знать, не скучают они в своем тереме. И от других не отстают.

Федора (*падая на колени*). Алешенька, ты на них дурно не думай! Катя Алферьева на Москве первая красавица. Но Милославская ничуть ее не хуже. Ты

Милославскую бери. И тебе будет хорошо, и во всем будет мир и покой.

Алексей. Хватит про Милославскую, слышишь?!

Я больше не могу! Ей-богу, я не удивляюсь, если Парфентий станет ее расхваливать! (*Берет кота на руки.*) Нет, ты не станешь, Парфентий, у тебя совесть есть, не то что у этих.

Федора. Алешенька, ты меня послушай...

Алексей. Я сказал — хватит. Вы добьетесь, что я ее просто возненавижу. Вы просто спятили. И ты — первая. Я не пойму, Федора, тебе-то что? Ты что, тоже собираешься должности раздавать?

Федора. Алешенька, родной, мне кроме твоего счастья ничего не надо...

Алексей. Я тоже так думал, а выходит, что тебе дороже эта грызня.

Федора (*терпеливо*). Алешенька, грызня — это то, что в простой избе бывает. Там двери закроешь — и никому дела нет. Свои собаки грызутся — чужая не приставай. А когда в царском тереме раздоры идут, то вокруг вся земля загореться может. Кто Смутное время помнит... (*Прижимает руку к щеке.*) Это же ад кромешный, что мы пережили... Ох, что было! Люди человечье мясо ели. У меня вся семья от голода погибла. И я бы померла, кабы бабка твоя, Царствие ей небесное, не взяла меня в услужение. А потом в Костроме как мы натерпелись! День и ночь за жизнь отца твоего дрожали. Мне и по сей день в каждом углу убийцы видятся.

Алексей. Хватит меня стращать Смутным временем! Тогда царя законного не было, оттого и смута пошла. А я тут зачем, хотел бы я знать? Я царь — или кто?

Федора, опустив голову, кусает губы.

Алексей (*продолжает*). Да будь на свете один еще православный государь, настоящий, понимаешь, у которого сила есть, войско есть, разве стал бы я раздумывать? Да я бы на любой его сродственнице женился, хоть на уродине. Соединили бы войска и пошли бы Царьград освобождать. Ради славы Божьей можно своим счастьем поступиться.

Но Бог по-другому судил.

Федора (*тихо*). На Него вся надежда, только на Него! Кто еще нам поможет?

Алексей. Я ведь не дитя малое, Федора! Я уже давно не дитя. Мало, что ли, тут девок толпится? У тебя одной сколько прислужниц! — И все красавицы, в терема некрасивых не берут. И кто из них не желал бы царской полюбовницей стать? — А я хоть раз к кому прикоснулся? Они мне не нужны, «юницы, имже несть числа». Я царь! Моя душа принадлежит мне! Я туда абы кого не впушу.

Федора. Алешенька, да что же ты, с одного поглядения душу увидеть сможешь?

Алексей. Это мое дело! Я знаю, что и как! Этот выбор я затеял. И я сам его сделаю.

8. Царь и Прозоровский играют в шахматы.

Прозоровский (*забирая фигуру*). Ты, государь, сегодня еще хуже моего играешь.

Алексей. Мне простительно. — А вот своего старого дядьку я все-таки обыграл. — Он ведь на что рассчитывал? Что я в этой толпе девиц обалдею и, в конце концов, только ту разгляжу, какую он мне подсунет. А я свою затею до последнего часа втайне держал. И очень она Борису Ивановичу не

понравилась. — Кстати, отец твой ничего не говорил? Кто там, на его взгляд, лучше всех?

Прозоровский. Нет, он ничего не говорил.

Алексей. Врешь небось. Так-таки ничего не говорил?

Прозоровский. Ну хорошо, говорил.

Алексей. Кто?

Прозоровский. Милославская Мария Ильинишна.

Алексей. Убью-у-у! (*Прозоровский хохочет.*) —
Послушай, Сергей, давай-ка ты тоже оденешься
музыкантом и пойдешь сегодня со мной
к царевнам...

Прозоровский (*резко перебивает*). Нет, я туда
не пойду!..

Алексей (*по-царски поднимая брови*). То есть как
это так?

Прозоровский. Ну я там.. я тебе там все напорчу.
Княжна Пронская мне сестра двоюродная, она
меня признает сразу и хохотать начнет. Она
смешливая. Тогда и все остальные догадаются.

Раздается звон часов. Прозоровский подходит к окну,
смотрит во двор, двор пуст. Затем во дворе появляются
Ванятка и Федор Ртищев. Идут в обнимку, оба хохочут.

Прозоровский. Вон Ванятка Федю Ртищева сюда
ведет. С ним и иди.

Алексей. Да уж, Федя Ртищев совсем на музыканта не
похож.

Входят Ртищев и Ванятка.

Ванятка. А Фебина матушка вчера красавиц наших
избранных в баню водила. До сих пор от
восхищения в себя прийти не может. Святую
водицу глоточками пьет.

Алексей. А что рассказывает?

Ртищев (*почтительно-наставительно*). Ты прости меня, государь, но как же ты себе это представляешь? Что матушка моя Антонида Федоровна станет своему взрослому сыну рассказывать, как наша будущая государыня в бане выглядит?

Алексей (*смущенно*). Но они же потом оделись. Они же лица свои в бане не оставили.

Ванятка. Лица смылись вместе с краской.

Прозоровский. Там никому краситься не разрешалось.

Ртищев. На лица сам будешь смотреть. — Какую выберешь, та и будет самая красивая. — А потом мне придется жениться, и уже по матушкиному выбору. — (*Прозоровскому*) А твои, князь, тебя женить не собираются?

Прозоровский. Мне не к спеху. — Я тебя на три года моложе.

Ртищев. Не на три, а на два.

Алексей. Два года восемь месяцев — это все равно что три.

Ванятка. Зря ты отказываешься, Сергеюшка! Ведь целых пять красавиц зазря пропадают. Не за окошко же их побросать.

Алексей. Уже не пять, а четыре.

Ванятка (*тыча пальцем в Ртищева*). А, так значит одну он берет; вторую — я, третью (*вращает глазами и мьчит*) м-м-м, а еще двоих в бочку засолим, впрок, на всякий случай.

Алексей. Что-то я не понял, куда ты третью подевал?

Ванятка (*отползая подальше от царя*). Борис
Иванычу. Он ведь у нас вдовый.

Алексей (*грозя рукой*). И загода сбежал, скотина!

Ртищев (*меняя тему*). А что это князь Прозоровский
сегодня не такой, как всегда? Ты, часом,
не заболел?

Прозоровский. Зуб ноет.

Алексей (*деловито*). Зуб или десна? Если десна,
то дубовой корой полоскать надо. А зуб хорошо
чесноком, или аиром болотным на водке.

Прозоровский. Да мне уже легче. Приду домой,
возьму что-нибудь у Трофима. Он по этой части
знаток.

Ванятка подползает обратно, обнимает ногу Алексея.

Ванятка. А у нас царь-батюшка сам все знает и все
умеет. (*Прижимается щекой к царскому сапогу.*)
Он мне однажды ухо порвал, а после сам
примочками вылечил.

Терем царевен.

Анна, печальная, стоит у своего окошка. Уже темнеет,
она уходит, опустив голову.

Прозоровский во дворе.

Смотрит вверх на окошко.

Слуга суетится вокруг его коня, заново прилаживает
сбрую, проверяет, всё ли в порядке.

В окне никого нет. Прозоровский садится на коня и
уезжает.

9. Кабинет Морозова.

Морозов за столом правой рукой машинально перекла-

дывает бумаги, левой рукой барабанит по столу. Входит Назар Чистой.

Чистой. Ты все скучаешь, Борис Иванович? Вот, развеселись немного. Богдан Хмельницкий опять пишет к нам с просьбой.

Морозов. Денег хочет?

Чистой. Нет, нашего с тобой благословения.

Морозов. Хотел бы я знать, куда он деньги деваает. Золотом, что ли, коней своих кормит?

Чистой. Золотом — не золотом, но чем-то кормить их надо.

Морозов. Ладно, лишних два дня потерпит. Сейчас не до того. Пускай выбор царский состоится, тогда разберемся со всем остальным. Будем хотя бы знать, на чем сидим, куда едем.

Чистой. Если государь наш столько раз выбирать будет, сколько его отец выбирал, то в казне не то что на Малороссию, а на Москву денег не останется.

Морозов (*кричит*). Замолчи ты, не каркай! Не приведи Господь такому случиться! (*Берет себя в руки.*)

Но я молюсь денно и ночью, чтобы государь сделал правильный выбор. Ему ведь не девка в постели нужна, а царица.

Чистой. Я за него решать не могу. Мне бы любая из них стоилась. — Эх, нашлось бы там за кем-нибудь приданое, тысяч так в пятьсот!

Морозов. Ну что ты заладил с этими деньгами. — Вот, налог на соль давно не повышали. Это сразу большие деньги.

Чистой (*истуганно*). Борис Иваныч! Налог на соль — это налог на все. Народ нас в клочья разорвет.

Морозов (*с отчаянием*). А я, Назар, народа не боюсь.
Мне уже поздно его бояться.

10. Перед домом Корионовых.

Боярин Пушкин и князь Тенишев усаживают Фиму в роскошный возок. Евдокия, Всеволожский и Аграфена ее провожают.

Евдокия (*как во сне*). Впервые в жизни Фимушку от себя отпускаю. И куда? К царевнам!

Пушкин. Евдокия Никитишна, матушка моя! Мы ее как драгоценность величайшую будем охранять и возвратим вам целую и невредимую.

Фима ласково улыбается Пушкину и князю как старым друзьям.

Тенишев. Государь пусть кого хочет выбирает, но наша красавица самая несравненная.

Возок отъезжает.

Аграфена. Завтра мы там все должны быть. Мало ли что случится. Пойдем, Родионыч, будем тебя наряжать, чтобы в грязь лицом не ударить.

Терем царевен.

Бояре передают красавиц Верховым боярыням. Годунова при виде Фимы меняется в лице. Девушек ведут дворцовыми переходами, вводят в приемную царевен. Поклоны, представление и прочее.

Ирина (*усаживая рядом с собой Милославских*).

Голубушки мои, вот мы и снова свиделись. Я и не сомневалась, что вскорости увидимся. Машенька еще краше стала, но и Аннушка от нее не отстает.

Алексей, стоя за занавесом, в прорезь рассматривает девицу. Он видит Фиму. Закрывает глаза, словно запоминая ее. Опять открывает глаза.

Царевна Анна подходит к Фиме, зовет ее с собой, усаживает в стороне от остальных.

Анна. Дай-ка я тебя заслону, а то все на тебя glareют. Устала, небось, касимовская красавица?

Фима (*смущенно*). Благодарю тебя, государыня Анна Михайловна.

Анна. Расскажи-ка о себе. Кто еще есть у твоих отца-матери?

Фима. Есть у меня брат. Андреем зовут.

Анна. Старший, младший?

Фима. На два года меня старше.

Анна. Любит тебя?

Фима. Да, он доброты необыкновенной.

Анна. И родители живы. Счастливая. А мы вот круглые сироты.

Фима. Вам теперь государь вместо отца.

Анна (*нахмурясь*). Государь из нас самый младший. Как он может быть нам отцом?

Фима. Прости меня, царевна, я глупость сказала.

Появляются музыканты, один из них Алексей. Он усаживается так, чтобы быть поближе к Фиме. Смотрит на нее, не отрываясь, еле прикасаясь к струнам гуслей.

Фима замечает его и вскрикивает. Она хочет встать, Анна усаживает ее обратно и с улыбкой кивает. Фима и Алексей безмолвно разговаривают друг с другом.

Анна Милославская замечает что-то неладное и вперяет взгляд в музыканта и Фиму.

Царевна Татьяна, сладко улыбаясь, становится так, чтобы заслонить их от Милославской.

Фима и Алексей продолжают свой безмолвный разговор.

Фима закрывает глаза, по щекам ее текут слезы. Алексей счастлив.

11. Пушкин и князь Михаил усаживают Фиму в возок и везут обратно.

Лицо Фимы. Она то закрывает, то открывает глаза.

Перед ней все время возникает лицо царя.

Пушкин и князь передают Фиму родным. Она совершенно спокойна, но погружена в себя.

Фима смотрит на Андрея «говорящим» взглядом.

Он следует за ней в ее горницу.

Фима. Андрей! Я видела его.

Андрей (*как бы не понимая*). Кого?

Фима. Царя. Я его узнала, и он меня узнал. Это он.

Андрей (*нехотя*). Кто?

Фима. Я тебе говорила. Я тебе про него говорила.

Андрей. Он что же, так открыто невест высматривал?

Фима (*с досадой*). Он музыкантом переоделся, но я его узнала. (*Тяжело дыша*) Он меня тоже узнал.

Ты его завтра увидишь. Ты же поедешь с нами?

Андрей. Я хотел дома остаться...

Фима. Андрей!

Андрей. Ну конечно, поеду. — Ты ложись спать, Фимушка, ты так замучилась.

Фима. Я не буду ложиться. — Позови ко мне Настасью. Мне нужны новые ленты, мне много чего нужно.

Андрей (*с большой охотой*). Сейчас я ее позову.

Фима. Ты его полюбишь, Андрей. И он тебя будет любить. (*Андрей выскальзывает.*) Он же наш брат.

Настасья Порфирьевна спешит к Фиме. Андрей поднимается по лестнице.

Афанасий и Аграфена у себя.

Аграфена. Петрович, ты свой кафтан с шитьем давно не надевал. Может, примеришь? Вдруг чего переставить надо.

Афанасий. Не надо.

Аграфена (*испуганно*). Ты что, не поедешь с нами?

Афанасий. Нет, я в царские палаты не ходок. Я такой хороший, меня там сглазить могут.

Аграфена. Молчу. Я молчу. — Но ты тогда хоть больным прикинься.

Афанасий. С превеликим удовольствием.

12. Андрей вбегает к Василию.

Андрей. Василий Матвееч! Там Фимка то ли рехнулась, то ли что! По-моему, ей снится, что царь ее завтра выберет. (*Василий молчит.*) Ты ничего не говоришь! Так что же мне думать?

Василий. Тебе известно, в чьих руках твоя жизнь? (*Андрей опускает голову.*) Божии невольники не печалются.

Андрей. Боярина Морозова весь народ проклиняет.
Он царю дядька, ближний человек. Неужели царь совсем не такой? Фимка там невесть что говорит.
Да ей все это снится.

Василий. Я тебе говорил, и опять скажу — увидишь много чудесного.

Андрей (*вконец расстроенный*). Я-то думал, ты про своих друзей говоришь, про людей Божьих. Мне Афанасий потихоньку такого порассказал!
А можно мне их увидеть?

Василий (*чуть улыбаясь*). Увидишь, если зрения хватит.

Андрей (*сразу меняя тон*). А это как?

Василий. А кто обещал, что будет учиться терпению?

Андрей. Но Фима сестра мне родная... Не могу же я ей пожелать... (*Он осекается.*) И к Морозову в кумовья не хочу.

Василий. Положись на Того, для Кого невозможного нет.

Андрей. Полагаюсь.

13. У царя.

Алексей сидит на возвышении. Перед ним стоят шестеро бояр.

Алексей. Всех благодарю за службу. Девицы, вами избранные, все как одна красавицы. Рад был услышать, что родители их благочестивы и верные слуги государю своему. (*Встает.*) Все свободны до завтрашнего утра.

Морозов провожает царя до его опочивальни.

Морозов (*не выдерживая*). Так ты решил или нет еще, Алешенька, соколик мой ненаглядный?

Алексей. Я думаю, Иваныч, думаю. С одного взгляда не решишь. Я и завтра на них погляжу хорошенько. А сейчас спать хочу смертельно. Утром встану, еще подумаю.

Морозов помогает царю раздеться. Тот ложится, накрывается одеялом с головой. Морозову ничего не остается, как уйти.

В спальню чуть слышно входит Федора. Алексей сдергивает с лица одеяло, садится.

Федора (*шепотом*). Ну что, голубчик мой, высмотрел свою суженую?

Алексей (*также шепотом*). Да! Я ее сразу узнал, и она меня узнала. Тебе этого не понять. Но ты завтра ее увидишь. Ее зовут Евфимия. По-гречески Евфимия значит «прекрасная», или что-то в этом роде, надо будет у Стефана спросить. Ты представляешь, она только родилась, а уже словно знали, что будет несравненная красавица. — Федорушка, ты за меня молись, молись! Я даже поверить не могу своему счастью.

Федора (*крестит его*). Ты спи, мое дитяtko. Спи, засыпай. Не тревожься ни о чем.

14. В доме Корионовых.

Фима сидит, поджав ноги, на постели, прислонившись к стене. Входит Алексей в обыкновенной белой рубахе, берет ее за руку и уводит с собой.

Фима и Алексей идут огромным садом цветущих яблонь по дорожке, в конце которой видна церковь.

Фима и Алексей подходят к церкви, начинают подниматься по ступеням.

Лестница все удлиняется, церковь уходит все выше
и выше.

Наконец, они достигают верхней ступеньки, смотрят
вниз.

Далеко внизу расстилается огромный город.

В дверях храма появляется священник.

Фима поднимает на него глаза и узнает отца Николу.

Алексей целует Фиму и просыпается. Через окно доно-
сится звон колоколов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Грановитая палата Кремля заполняется боярами, боярынями, дьяками, представителями духовенства и прочими.

Все очень взволнованы. Поодаль стоят родственники невест.

Боярин Пушкин и еще двое бояр вводят красавицу, выстраивают их.

Боярин Морозов с отрешенным лицом стоит среди бояр.

Кузьма стоит в заднем ряду ближе к выходу. Он вперяет взгляд в Фиму.

Кузьма (*сдавленным шепотом*). О-ох, Кориониха!
(*Прикрывает глаза рукой.*)

Всеволожские и Аграфена стоят рядом с Тенишевым и Артемием.

Аграфена (*шепотом, Андрею*). С нашей Фимкой никто не сравнится!

Андрей (*улыбаясь, разглядывает девицу*). Ну, не знаю!
На месте государя я бы выбрал вон ту, в зеленом платье.

Аграфена (*всматривается*). Я даже не знаю, чья она.
А хороша! Надо будет княгиню спросить.

Глашатай трижды ударяет посохом об пол.

Глашатай. Государь всея Руси царь и великий князь
Алексей Михайлович!

Входит Алексей в парадном царском платье, с непокрытой головой. За ним трое служителей, у каждого в руках золотое блюдо. На одном блюде — шапка Мо-

номаха, на втором — держава и скипетр, на третьем — кольцо и платок.

Алексей выжидает положенное время, но смотрит только на Фиму. Она вскидывает на него взгляд, потом опускает глаза.

Алексей медленно подходит к Фиме. Третий служитель следует за ним. Все замирают.

Алексей. Тебя я выбираю, Евфимия. Будь моей женой, будь царицей.

Царь берет кольцо с блюда, надевает ей на палец. Затем вручает платок. Фима невольно прижимает платок к губам. Один из бояр бежит к глашатаю.

Глашатай. Царской невестой избрана Евфимия Ивановна Всеволожская, дочь Ивана Родионовича Всеволожского, града Касимова столбового дворянина.

Пушкин спешит к царю и Фиме.

Пушкин (*вытирая слезы*). Ну скажи ему хоть слово. Пусть он голос твой услышит.

Фима (*прерывисто*). Обещаю тебе, государь, буду любить тебя вечно.

Кузьма выбегает наружу, подходит к Успенскому собору, сжав кулаки, смотрит на собор, на его купол и выше, затем бежит в свой приказ.

Служебные апартаменты Кузьмы. Кузьма и его подчиненный.

Кузьма. Немедля отправляйся в град Касимов. Тамошнему воеводе Обручеву скажешь так: нужен верный человек для свидетельства.

Подчиненный. А грамоты никакой не дашь, Кузьма Кузьмич?

Кузьма (*орет*). Какая грамота? Ты что, четыре слова подряд запомнить не можешь? Чего ради я тебя держу? Иди лучше милостыню просить!

Подчиненный. Да я не себе, батюшка Кузьма Кузьмич! Я для воеводы.

Кузьма. Скажешь, что послан от Кузьмы Кузьмича. Али забудешь в дороге, как меня зовут? (*Берет себя в руки, говорит медленно и отчетливо.*) Он тебя станет расспрашивать, что тут и как в Москве. Скажешь, что царский выбор состоялся. Что выбрана касимовская их красавица несравненная. Но боярин Морозов прочил царю другую. — Отправляйся!

Кузьма тем же путем бежит обратно, становится у входа в Грановитую палату.

2. В Грановитой палате.

Фима и царь стоят на возвышении.

Все в палате гудит и движется. Бояре выстраиваются для представления царской невесте. Пушкин выступает распорядителем.

Семья Всеволожских. Аграфена и Андрей держат под руки Евдокию Никитишну, готовую упасть в обморок. Князь Михаил и Артемий Лукич подбодряют Ивана Родионовича.

Начинается представление бояр.

Пушкин (*громко*). Боярин Никита Иванович Романов! (*Несколько тише, Фиме*) Покойного государя двоюродный брат.

Боярин Романов отвешивает глубокий поклон. Фима кланяется ему в ответ.

Пушкин (*громко*). Боярин Алексей Лукианович

Стрешнев! (Так же, Фиме) Покойной государыни старший брат.

Стрешнев и Фима обмениваются поклонами.

Пушкин. Боярин Иван Лукианович Стрешнев! (Фиме)
Покойной государыни младший брат.

Поклоны с обеих сторон.

Пушкин. Боярин Борис Иванович Морозов! (Фиме)
Воспитатель и наставник государя Алексея Михайловича.

Морозов кланяется и уходит прочь из палаты. За спиной его слышен голос Пушкина — «Князь Симеон Васильевич Прозоровский».

Морозов выходит на крыльцо. К нему присоединяется Кузьма, они уходят вместе.

В Грановитой палате продолжается представление бояр. Царь прикасается к руке Фимы. Ее рука крепко сжимает платок — царский подарок.

Андрей стоит отдельно от своих. Он с изумлением рассматривает царя и Фиму. Андрею кажется, что он видит над ними обоими единый светящийся ореол.

Морозов и Кузьма в помещении, из окна которого хорошо видна площадь. Кузьма выглядывает в окно. Морозов сидит на лавке, прислонившись к стене, и тяжело дышит.

В Грановитой палате.
Алексей подводит Фиму к царевнам. Они поочередно обнимают ее и целуют.

Пушкин подходит к Всеволожским.

Пушкин. Иван Родионович, Евдокия Никитишна!
Наша драгоценная красавица теперь до обряда венчания будет величаться государыней царевной Евфимией Ивановной и жить в тереме вместе с царскими сестрами. Так что беспокоиться о ней вам не придется.

Теперь пройдемте со мной, государь познакомится с вами, поблагодарит вас, и самое лучшее — это отвезти вас домой, чтоб вы в себя пришли. А уж завтра к назначенному времени я вас привезу, чтоб государь с вами обстоятельно побеседовал. Увидите, кого вам Господь послал — это не царь, это ангел во плоти.

Евдокия (*всхлипывая*). Спаси Господи, Григорий Гаврильч! У меня в глазах круги и сердце сейчас выскочит. Ты сам для нас как ангел Божий.

Тенишев. Ты смотри, Родионыч, нам касимовский поп все про тебя рассказал. Ты мужик прижимистый, но деньжата у тебя водятся. Так что на приданое не скупись, зятя не обижай.

Все хохочут с облегчением.

Пушкин. Это тебе князь Тенишев намекает, чтоб ты ему на водку не пожалел.

Новый взрыв веселья.

Тенишев (*Пушкину*). Знаю-знаю, тебе больше моего причитается.

Всеволожских ведут представляться царю.

Морозов и Кузьма.

Морозов делает отчаянные жесты, сжимает кулаки.

Кузьма смотрит в окно.

На площадь из дворца выходят Всеволожские. Царь и бояре их провожают.

Царь прощается со Всеволожскими.

Последним подходит Андрей. Царь кладет руки ему на плечи, всматривается в его лицо, потом целует в обе щеки.

Кузьма (*глядя в окно*). А вот и царский шурин. Уже снаряжаются Царьград воевать.

Морозов стонет.

Кузьма (*подходит к Морозову*). Сидеть сложа руки — все равно что себя убивать. Сегодня же с боярыней Годуновой надо будет все сосчитать-пересчитать. На расходы скупиться нельзя, деньги на ветер тоже бросать незачем.

3. На площади.

Все суетятся возле возков.

Пушкин. Иван Родионович! Ты с боярами поезжай вперед, а я Евдокию Никитишну с сестрицей ее следом привезу.

Все рассаживаются, как во сне.

Артемий (*Андрею*). Андрей Иванович, садись ко мне в сани!

Андрей. Давай-ка пойдем пешком. Тут через Спасские ворота недалеко. А сани пускай следом едут.

Артемий и Андрей идут по улицам. Андрей держит шапку в руке.

Артемий. Что, голова горит? Это ведь не просто — в одночасье оказаться царским шурином.

Андрей. Да. Одно утешенье — у государя и без моего родни хватает.

Артемий. А дядя твой, Корионов, он все еще хворает или надоело уже? Он ведь человек ученый, столько всего знает, государю нужны такие слуги.

Андрей (*несколько испуганно*). Да что ты, Артемий Лукич! Ты не подумай, что он служить не хочет. Он очень страдает, что хворый, что от него должной пользы нету.

Они идут дальше. Андрей несколько успокаивается и вновь обретает свой обычный тон.

Андрей. Артемий Лукич! А сколько у тебя мужиков?

Артемий. Триста душ.

Андрей. Да, у моего отца поменьше будет. — Я вот думаю, те мужики, что Фимке, то бишь Евфимии Ивановне, в приданое назначались, они теперь кем станут — государственными крестьянами?

Артемий (*смеется*). Ох, насмешил! Я думаю, государь тебе сверх этих еще многих подарит.

Андрей (*холодно усмехаясь*). Да стоит ли? (*Идут дальше.*) Знаешь, Артемий Лукич, я ведь двенадцати лет от роду твердо решил, что в монахи постригусь. Понятное дело, никому об этом говорить не стал, но целых два года мечтал, как я святым стану.

Артемий (*улыбаясь*). Ровно два года? А почему же перестал?

Андрей. А через два года я одну сродственницу Афанасий Петровича увидал и влюбился в нее. И после целых два года мечтал, как я на ней женюсь.

Артемий. А что же случилось еще через два года?

Андрей. Замуж ее выдали. Я же опять-таки никому ничего не говорил, никто не знал, о чем я мечтаю.

Артемий (*весело*). Ну если ты снова задумаешь
постричься, то государь тебя до патриарха доведет.

Андрей. Не знаю, Артемий Лукич, а вдруг я опять
жениться захочу?

Оба смеются.

4. К дому Корионовых подъезжает первый возок.
Всеволожский в сопровождении князя Михаила и дру-
гих бояр быстро идет в дом.

В доме.

Афанасий и Настасья Порфирьевна смотрят в окно.
Афанасий встречает гостей.

Всеволожский (*бросается к нему*). Афанасьюшка,
родной, как ты? Давай, выздоравливай скорее.
Государь твою племянницу выбрал.

Афанасий обнимается со Всеволожским.

Всеволожский. Вот такое с нами случилось!
(*К Настасье*) Ты слышишь ли, царицына нянька?

Настасья (*всхлиывая*). Слышу! Как не слышать,
государев тесть!

Всеволожский и Настасья обнимаются.

Входит Пушкин с Евдокией и Аграфеной.
Евдокия с плачем обнимается с Афанасием, потом
с Настасьей.

Пушкин и Афанасий приветствуют друг друга.
Появляются Андрей с Артемием.

Пушкин. Афанасий Петрович, я, сюда едучи, убеждал
Евдокию Никитишну и супругу твою, что гостям
твоим до государевой свадьбы лучше всего
расположиться у меня. — Я тут неподалеку, зато

у нас куда просторней! А тут еще народ повалит с поздравлениями.

Всеволожский растерян.

Евдокия. Иван Родионыч, на твой суд! — Я думаю, брат с сестрой на нас не обидятся? (*Замечает вытянувшееся лицо Андрея.*) Мы им тут, чтоб скучно не было, Андрея Ивановича оставим.

Андрей (*подпрыгивает*). Да, так и надо сделать.

Всеобщая суматоха. Всеволожские отправляются к Пушкину. Андрей, Афанасий и бояре едут их провожать.

Аграфена сидит одна. Входит Василий.

Аграфена. Это ты, Васенька? Ты уже все знаешь, конечно? (*Василий кивает.*) Посиди со мной, так хорошо стало, тихо. — Афанасий Петрович куда как прав, что с нами не поехал. Тяжело там, на Верху. Казалось бы, кому до меня дело? А сколько злых взглядов на себе поймала, Господи помилуй! — Но ведь не всюду так? Мало я, что ли, на свете прожила? Ты скажи, Васенька, почему так получается, что вся злоба людская наверх идет? Чем выше, тем ее больше скапливается.

Василий. Живем кверху ногами. И так давно живем, что привыкли и сами не замечаем.

Аграфена. Ума не приложу, как Дунюшка моя там жить станет. Эти боярыни елей будут лить, а про себя ее ненавидеть, царскую-то тещу. — А ведь она такая кроткая, такая смиренная! — Когда ее за Ивана просватали, я всю ночь проплакала. Он мне показался таким старым, и скучным, и увозил ее в касимовскую деревню, в такую глушь! — А она к нему всей душой прилепилась. И так его

почитает, и так Богу благодарна, словно ни о чем лучшем и помыслить не могла.

Василий. А почему ее так далеко выдали?

Аграфена (*смущенно*). Родители наши в Смутное время обеднели очень. В Москве с таким приданым жениха было не найти. А в Касимове по сей день — совсем другие мерки.

Василий. Да, Афанасий Петрович, небось, приданого не искал.

Аграфена (*опуская глаза*). Он меня еще совсем маленькую на саночках катал.

5. Терем царевен.

В роскошном покое стелят постель, раскладывают всякие безделушки.

Фиму, чуть живую, под руки ведут в опочивальню.

Царевны и прочая свита идут следом.

Голоса. Ей надо отдохнуть! — Измучилась, голубушка, испереживалась! — Пускай хоть часок поспит! — Уж так устала, бедняжка, куска проглотить не может.

Фиму освобождают от головного убора и украшений, разувают, раздевают.

Фима сидит на постели в одной сорочке, сжимая в руке царский платок. Она смотрит на платок, на кольцо на своей руке, прячет лицо в платок и раздражается рыданиями.

Фима рыдает, сидя на постели. Все присутствующие смущенно становятся поодаль. Царевна Ирина садится рядом с ней, обнимает ее, гладит по голове.

Взгляд Ирины падает на кольцо на ее собственной руке.

Ирина беззвучно плачет.

Людская женского терема.
Анфиса, прислужницы, карлицы, карлица Лизавета.
Анфиса ставит на поднос графин, кубки, укладывает
всякие яства и пр.

Первая прислужница. Ну какая же красота! Кто бы
рассказал — не поверила бы.

Вторая прислужница (*шепотом*). И подумать
только — ни в чем никакого изъяна нет.

Анфиса. Да, старухи-боярыни говорят, когда они их
всех в баню водили, так от этой никто глаз
оторвать не мог.

Первая прислужница. Ох, баня такое место — там
легко сглазить могут!

Анфиса. Типун тебе на язык, ты что такое несешь?

Первая прислужница. Ох, матушка Анфиса
Герминовна, прости меня, Христа ради,
я и в мыслях такого не имела! — Тьфу, тьфу, тьфу!
(*Плюет налево.*)

Вторая прислужница. Я тоже, когда ее разувала, так
прямо ахнула. Такие ножки, ну прямо глядела бы
и глядела.

Анфиса. Вот так и бывает на свете! Одним — всё,
другим — ничего! (*К карлице*) Скажи, Лизавета?

Лизавета. Что тебе от меня надобно? Что привязалась?
Ты мне мешаешь службу нести!

Анфиса. Какая такая твоя служба?

Лизавета. Я царской карлицей служу. Вот моя служба,
понятно тебе? — Мое дело весь день карлицей
быть и всю ночь карлицей быть. А на твои
дурацкие вопросы отвечать у меня времени нет.

Анфиса с подносом выплывает из людской.
У дверей Фиминой спальни она сталкивается с царев-
ной Ириной.

Ирина. Она спит. Зачем это сейчас?

Анфиса. Может, государыня царевна проснется
и захочет ответить!..

Ирина пристально смотрит на Анфису, та несколько
смущена ее взглядом.

Анфиса. Матушка Ирина Михайловна, мне боярыня
Годунова приказала у государыни Евфимии
Ивановны постельницей быть.

Ирина. Почему меня не спросили? Я пока еще здесь
старшая.

Анфиса. Ежели ты меня не отпускаешь, то я доложу
Дарье Кирилловне.

Ирина. Я тебя отпускаю. Ты мне не нужна.

6. В кабинете Морозова.
Морозов, Кузьма и боярыня Годунова.

Морозов. Прости меня, Дарья Кирилловна, что
тебя потревожил, самому бы надо было к тебе
прийти, но...

Годунова (*перебивает его*). Бог с тобою, Борис
Иванович, да разве же я не знаю, сколько у тебя
забот. На тебе, поди, все государство держится,
а на мне (*кокетливо усмехается*) разве что один
женский терем.

Морозов. Ну, теперь у тебя забот прибавилось,
и очень прибавилось. Так что я тебя не задержу.
Краток буду.

Морозов делает глазами знак Кузьме. Кузьма выгляды-
вает в соседнюю комнату, она пуста.

Кузьма кивает Морозову и выходит, занимая оборонительную позицию у противоположных дверей.

Морозов открывает небольшую дверцу, и они с Годуновой оказываются в потайном помещении.

Морозов. Эта вышивальщица, где она?

Годунова. На месте. Могу хоть сейчас за ней послать.

Морозов. Сейчас не надо. Завтра пошлешь, когда стемнеет. Чтобы здесь уже никаких разговоров не вести. Живет она?..

Годунова. На Кисловке, где жила. Манка, то бишь Марья Харитоновна.

Морозов. Я сейчас выйду, а ты Кузьме расскажешь, как ее найти. Она все это время в деньгах не нуждалась?

Годунова. Борис Иванович, ну ты такое спросишь, я даже не знаю, что на это отвечать. Ну что я на это должна отвечать?

Морозов выходит и занимает место Кузьмы. Кузьма спешит к Годуновой.

7. Женский терем.

Алексей перед царевнами.

Алексей. Ну, что скажете, государыни царевны?

Ирина. Голубчик мой, что тут говорить? На нее посмотришь — никаких слов не надо. Сохрани Господь вас обоих! Дай я тебя еще раз поцелую.
(*Целует его.*)

Алексей. Конечно, Бориса Ивановича я огорчил. Но придется ему меня простить.

Ирина. Мы знаем, он хотел Машу Милославскую.

Татьяна. Нам о ней все уши прожужжали. Мы ее уже бояться начали.

Ирина. Но она тоже красавица. Борис Иванович тебе добра желал.

Алексей. Надо будет мне его тоже задобрить. — Но, вообще-то, Милославская ему не дочь и не племянница...

Анна. Вот сам пускай на ней и женится. Он же у нас вдовый.

Ирина (*строго*). Анна!

Алексей (*резко*). Он сам разберется. И вообще, кому на ком жениться — разберутся сами.

Алексей величественно отступает к дверям и взглядом подзывает к себе Ирину.

Алексей (*негромко, Ирине*). Ирина Михайловна, мне бы хотелось, чтобы про Бориса Ивановича здесь всегда говорили с уважением.

Ирина (*униженно, со слезами в голосе*). Прости ее, мой родной. Она же дитя малое. Она же так, по глупости. Прости ее, ради всего святого.

8. У Милославских. Спальня девиц.

Мария, сидя на кровати, рыдает, уткнувшись в подушку.

В другом углу Анна, уронив голову на стол, стонет, скрежеща зубами.

Мария. Срамота! Срамота какая! И надо же вам было! Всем, всем напели — «царица, царица». Да я теперь в церковь даже появиться не смогу. (*Рыдает.*) Я даже за порог за этот выйти не смогу. Меня прислуга засмеет.

Анна (*глухо воет*). Будь ты проклят! Будь ты проклят! Кошкино отродье.

Мария. Царь называется! Невесту себе нашел! Никому неведому, незнаемую, из татарской глуши.

Анна. По себе и нашел! Отродье кошкино. Сам безродный, и жену ему такую же. Тоже мне, цари! Самозванцы! Кошкины-Романовы! (*Орет*) Его деда Тушинский вор Патриархом поставил!

Мария вскакивает, хватает Анну, начинает ее трясти.

Мария. Ты что делаешь, дура! Сейчас прислуга услышит и доносить побежит! Крикнут «слово и дело государево» — и нам конец!

Мария швыряет Анну на постель и колотит ее. Анна в страхе замолкает.

С улицы доносится шум подъезжающих саней и стук отворяемых ворот.

Анна вскакивает, подбегает к окну.

Анна (*почти беззвучно*). Морозов приехал. Значит, еще не конец. (*К Марии*) Ты слышишь, Морозов приехал!

Мария (*презрительно*). Твой жених!

Анна (*подбоченясь*). Да, мой! Он мимо меня не прошел и другой кольца не отдал.

А ты, Машка, запомни, что ежели ты и станешь царицей, то благодарить за это будешь Бориса Морозова, а не Алешку Романова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Афанасий Корионов у себя дома.

Он смотрит на образа. Вглядывается в лики святых, словно ждет от них какого-то знака. Лики святых печальны.

Афанасий выходит в другую комнату. Афанасий и Аграфена.

Афанасий. Знаешь, Груша, меня, наверное, Бог наказывает за то, что я столько лет больным прикидывался. У меня голова сейчас разорвется.

Аграфена. Не надо все время о плохом думать. — Думай, что все хорошо. Что все будет хорошо. И не сиди тут сиднем. (*Смотрит в окно.*) Вот Андрей идет. Возьми его и поезжай кататься. Хотя б на Воробьевы горы.

Аграфена выходит навстречу Андрею.

Афанасий и Андрей.

Афанасий. Ну как там Дуня с Иваном?

Андрей (*улыбаясь*). Ой, а я другого ждал. Я ждал, ты скажешь — «как батюшка свет-Иван Родионович и матушка свет-Евдокия Никитишна».

Афанасий. А мне не до смеха. (*Извиняющимся тоном*) Голова болит.

Андрей. Мне тоже не до смеха. Но посмеяться хочется. — Зато Иван Родионович слезами умиления исходит. — Все у него царь-батюшка выпросил: и что́ сеет, и как сеет, и сколько снимает, и как хранит. И каков пчельник, и есть

ли медоварня, и во всем он сведущ, и во всем разбирается.

Афанасий. Так он и вправду очень много знает.
И учиться любит.

Андрей. А я вот что подумал — может, он, женившись, в деревню нашу поедет, хозяйством займется? А я уступаю ему свою долю и пойду с Василием странствовать. А бояре как правила государством, так и дальше будут.

Андрей ждет, что его шутка возымеет действие, но Афанасий по-прежнему печален.

Афанасий. Государь очень молод, в его годы, небось, и царь Соломон без бояр не управился бы.

Андрей. Но он же когда-то повзрослеет?

Афанасий. Как знать! Отец его покойный так до самой своей смерти взрослым не стал.

Андрей. Да, на хорошую должность я попал, ничего не скажешь — царский шурин. Из всех царских шурьев знаменитейший — Борис Годунов. Более всего прославлен тем, что младенца зарезал. Бориса Годунова из меня не выйдет, это как Божий день. А вот зарезанным младенцем вполне могу стать.

Афанасий. Андрей, тут тетка твоя меня из дому гонит...

Андрей. Нас обоих!

Афанасий. Поехали на Воробьевы горы!

Андрей. О, это чудо какое место! — И там такая церковь деревянная! А какие там пироги, до сих пор забыть не могу!

2. Афанасий и Андрей едут в санях по заснеженной дороге. Афанасий сам правит.

Афанасий. Ты завтра опять туда не пойдешь?

Андрей. Нет, не пойду. Мне Василий наказал, чтобы я туда до свадьбы носа не совал, вот я и слушаюсь.

Афанасий. Да, это счастье, когда есть, кого слушаться. А что там (*указывает вверх*) подумают?

Андрей. Да не заметят. Сегодня не заметили, и завтра не заметят. — Я деревенщина, годами молод, робею!

А я не то что робею, у меня мороз по коже! Как представляю себя за одним столом с Борисом Ивановичем, которого весь народ проклинает!.. «Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую». (*Оживляясь, весело*) Послушай, Афанасий Петрович! Сколько лет прошло, как христиане православные светопреставления ждали?

Афанасий. Лет полтора. Точно не помню. Сосчитать надо.

Андрей. А вдруг — тогда не состоялось, а теперь состоится? Вот будет счастье! Морозов со своими присными в преисподнюю провалится!

Афанасий. А ты в рай вознесешься.

Андрей. А я и так в раю!

Афанасий. Что ты сказал?

Андрей (*спохватившись*). Ничего не сказал. Тебе посыщалось. (*Берет его ласково за руку.*) Голова больше не болит?

Афанасий. Нет, прошла как-то.

Сани мчатся на Воробьевы горы.

3. Харчевня на Воробьевых горах.
Множество народу за столами.

Андрей и Афанасий входят и усаживаются за свободный стол. Хозяин поспешно бросается к ним, признав в них «господ».

За соседним столом сидят трое: один старик и двое парней. Стараются говорить негромко. Андрей и Афанасий прислушиваются к их разговору.

Старик. Речка там есть такая, зовется Тура. Вот по этой речке они и селятся. — А люди там нужны, и потому власти не слишком допытываются, кто, да почему. А уж если кто с семьей приедет, то сразу видно, что не лихой человек, а добрый хозяин.

Первый парень. С малыми детьми в такую даль пускаться — страшно.

Старик. А он вот не побоялся. Решил, что новых законов дожидаться — еще страшнее.

Стол в дальнем углу.

За ним сидят трое мужиков и одна женщина в некотором подпитии.

Женщина. Бояре-то дочек своих в парчу обрядили, жемчугами увешали! А она-то, голубушка, в простом сарафане вышла. А он-то, как увидал красоту ее несравненную, так только ей кольцо и отдал.

Мужики. Ай да царь! Ай да наш Алексей Михайлович!

Сидящие за ближайшим столом слышат этот разговор. Один из них, мужик средних лет, покачивает головой.

Мужик. Да, невесту себе государь выбрал. Хорошо сделал. Дай ему Бог! А то отец его сначала одну выбрал, потом другую пришлось, а потом и третью. — А в народе про это говорили: в Смутное время каждое утро с новым царем просыпались, теперь же — с новой царицей.

Стол в другом углу.

За ним сидит один мужик. К нему подсаживается второй с озорным выражением лица. Второй смотрит первому прямо в глаза.

Второй (*тихо*). Послушай, я тебе щас такое скажу, что ты на месте подпрыгнешь. Только смотри, никому про это ни слова. (*Понижает еще больше голос.*) Аглицкие мужики короля своего изловили, судят его всенародно и хотят голову рубить.

Первый посетитель застывает с непередаваемым выражением лица и сидит так с полминуты.

Первый (*придя в себя*). Эй, Тишка, подай-ка еще полный штоф! Хочу угостить дорогого друга. Распотешил он мою душу! (*Продолжает сидеть с блаженной физиономией. Затем хлопает по столу.*) Эх, люблю я аглицкое сукно. Даром что весь век в сермяге хожу.

Тот же стол рядом с Андреем и Афанасием. Мужики, презрительно покосившись в сторону господ, продолжают свой разговор.

Второй парень. В казаки всегда можно податься.

Первый парень. А семья?

Старик. У кого к чему душа лежит. Главное — время не упустить. А упустишь время — и получишь: семь дней на барина работай, семь ночей на себя.

Второй парень. Все к этому идет.

Старик. Вот я и говорю про эту речку. Зовется Тура. Там уже многие осели. Как туда попадают, как добираются — все известно.

Андрей и Афанасий доели все пироги, допили содержимое кружек. Афанасий вручает подбежавшему хозяину деньги. Они выходят к своим саням, дают монетки мальчишке, сторожившему сани, едут обратно.

В саях.

Афанасий. Слышал, о чем речь вели за соседним столом?

Андрей. Про какую-то речку говорили, на которую они бежать собираются от нашей господской милости.

Афанасий. Всё знают, ко всему готовы и всё сполна получают.

Андрей. Но ведь законы эти только еще готовятся...

Афанасий (*погоняя лошадей*). Андрей, заруби себе на носу. Когда у нас на Руси о чем-то плохом начинают поговаривать, оно непременно сбывается. Думаешь, Юрьев день в одночасье отменили? Мой дед хорошо помнил, как это было. И твой дед, мой тесть, много про это рассказывал. — Всё слухи ходили, и всё верить не хотели — да может ли такое быть, да это же попрание всех Божеских законов! — А теперь и вовсе хотят из мужиков рабочий скот сделать.

Андрей (*тихо*). Только чуда ждать остается. Господу все возможно.

Афанасий. Андрюшенька, я человек слабый и грешный. И не так верой крепок, как Василий (*кладет руку на руку Андрея*) и как другие. Но когда я каждый день повторяю «да придет Царствие Твое», поверь мне, это для меня не пустые слова. — Царствия Христова давно ждут, ты сам знаешь, сколько. И скоро не дождутся. А вот законы эти антихристовы будут приняты, и очень скоро. И вот тогда нашего брата, русского дворянина, будут судить тем же судом, что и Каина.

Андрей. Ну, каждый будет осужден за свой грех, добрые за злых не ответчики. А вот кто за всех должен ответ держать — так это царь, Богом

поставленный. А когда этот царь по Божьей воле становится твоим братом — тут уже хочешь не хочешь, а призадуматься.

Афанасий (*раздраженно*). Какой он тебе брат!

Андрей. Он мне брат, Афанасий Петрович. Я знаю, что говорю. Фима сестра моя родная, а он мой брат. (*Покачивает головой*.) Если бы ты их видел вместе в тот день!.. Я смотрел — и глазам своим не верил. Воистину — уже не двое, а одна плоть. И теперь за все, что он сотворит, ей придется сполна отвечать. А стало быть, и мне тоже.

Сани несутся в направлении Яузских ворот.

4. Ремесленная слобода Кисловка.

Высокий молодой священник (отец Филипп) быстрым шагом идет по улице. За ним семенит мальчик-служка. Священник замечает идущего навстречу человека, который явно не хочет быть замеченным.

Филипп (*к служке*). А может быть, так пойдём?
(*Кивает на узкий проулок*.)

Служка. Что ты, отче Филипп! Так в два раза дальше, если не в три. Помрет человек без причастия.

Священник, замедлив шаг, продолжает свой путь.

Филипп (*поравнявшись со встречным*). Мир тебе, Кузьма Кузьмич!

Кузьма (*без особого удовольствия*). А, это ты, Филиппушка! Ты все тут служишь? Не очень-то подходящее для тебя местечко.

Филипп. Все по милости Божьей, Кузьма Кузьмич. Конечно, народ здесь темный, пьющий. Нередко драки случаются, вплоть до смертоубийства. Зато большую нужду имеют в пастырском попечении.

Кузьма вынимает из-за пазухи мешочек, в котором перекатывается жемчуг, и подбрасывает его на ладони.

Кузьма (*поигрывая мешочком*). Мастера-то здесь неплохие. И берут недорого. — И все же с твоими познаниями — и в таком месте! Отец твой покойный всю жизнь в Кремле прослужил, в Успенском соборе.

Филипп. За все надо Бога благодарить, Кузьма Кузьмич. Есть места куда как хуже.

Кузьма. Ох, верно говоришь, Филиппушка. — Ну иди с Богом, тебя ведь страждущий дожидает.

Филипп и служка продолжают свое движение. Кузьма уходит, оглядываясь, и только убедившись, что за ним не следят, ускоряет шаг.

Служка. Надо было ему еще пожаловаться, отче Филипп, что здешние бабы сплошь ворожкой занимаются.

Филипп (*усмехаясь*). Следующий раз непременно пожалуюсь.

5. В избе Манки Харитоновой.
Кузьма и Харитонова.

Кузьма (*поигрывая все тем же мешочком*). Так что готовься. Сегодня же за тобой пришлют, позовут тебя на Верх. — Новой царице послужишь. — Ты ведь старой царице исправно служила, а? Хорошо послужила, ничего не скажешь. Послужила как никто другой.

Харитонова (*испуганно*). Царица Евдокия Лукьяновна по Божьей воле померла. Я тут ни при чем.

Кузьма. Да разве ж такое бывает, чтобы кто-нибудь помер без Божьей на то воли? И я так думаю, и

ты так думаешь, и вместе мы так думаем,
и никто нас в этом поколебать не может.

В дверь просовывается голова хозяина, мужа Харитоновой.

Муж. Марьюшка, не прикажешь ли попотчевать
дорогого гостя?

Харитоновна. Дверь закрой! Если каждого, кто
с заказом придет, потчевать, сколько же тогда моя
работа будет стоить?

Кузьма (*внимает другой мешочек*). Вот здесь треть
твоей награды. Еще две трети получишь, когда
работу сделаешь.

Харитоновна. Больно уж времени мало. Почему
свадьба так скоро? Что спешат?

Кузьма. Жениху не терпится. Он у нас очень
молод. — А если к назначенному сроку не успеть,
то еще через две недели пост начнется — и тогда
свадьбу играть только после Рождества.

Харитоновна. Вот так бы оно лучше всего. А то очень
уж времени мало.

Кузьма. Тут своя выгода есть. Поскольку времени для
всех приготовлений мало, то швеям и
вышивальщицам не придется взад-вперед
расхаживать, они и ночевать в теремах будут.
А ночью — сама знаешь...

Харитоновна. А кто у нее постельницей?

Кузьма. Анфиса Герминовна. (*Харитоновна слегка
кивает.*) Ты ее знаешь.

Харитоновна. Ну видела разок. — Я там ни с кем
особо не знаюсь. Мое дело жемчугом вышивать,
когда позовут.

Кузьма. А мне, значит, вышивать не станешь?

(Подбрасывает на ладони первый мешочек
и прячет его.)

Харитонова. Сам погляди — времени уж очень мало. — Так где, говоришь, девицу эту испортили? Еще там, в Касимове? Али по дороге, как в Москву везли?

Кузьма. Там еще, там. И многие знали об этом. И родные прежде всех знали, но сокрыть понадеялись. Тому свидетели есть. — Будут. — Надежные свидетели.

Харитонова (*мрачно*). Все говорят — девица красоты несказанной. — Род людской очень завистлив. Таковую красоту — и чтоб никто не испортил! Даже удивительно было бы.

6. Царь Алексей Михайлович занимается государственными делами.

Он сидит в кресле на возвышении. Вокруг — бояре, дьяки, подьячие. Столы завалены бумагами. Бояре и дьяки перешептываются, тихонько спорят. В палате стоит гул, чувствуется, что все утомлены. Морозов делает знак Назару Чистому.

Чистой (*разворачивая челобитную*). Вот, града Коломны купеческие старшины...

Морозов (*перебивая его*). Повремени, Назар Петрович! Дело не спешное, а времени уже сколько! Государю давно пора трапезу принимать! Уж он так сегодня потрудился, я аж глазам своим не верю.

Алексей. Ну уж нет, коли он начал, то эту челобитную непременно до конца дослушаю.

Морозов кивает. Чистой продолжает читать.

Чистой. Града Коломны купеческие старшины челом бьют на воеводу коломенского Тимофея Макарова Носова, понеже дочиста их обобрал, торговлю их разорил, самовольные оброки назначает, бесчинства творит, ничем не гнушаясь, жен и детей малых в залог берет...

Алексей. Мерзавец! Немедея призвать его для царского разбирательства! Распустились сверх всякой меры!

Морозов (*на ухо царю, ласково*). Голубчик-государь! Повремени. Это дело не такое простое, как на первый взгляд кажется. — Отпусти бояр, им тоже отдых нужен.

Морозов и Алексей в личных покоях царя.

Морозов (*негромко*). Ну так вот, Алешенька, голубчик мой. Тимофей Носов полтора года назад на коломенское воеводство назначен при поручительстве родичей твоих бояр Романовых. Допрежь того в государеву казну из Коломны из этой вообще ничего не поступало. Теперь же поступает все сполна. Где же оно раньше оставалось? Ясное дело, что в руках у наших челобитчиков. И ясное дело, что так им куда больше нравилось.

Алексей. Иваныч, родной, что бы я без тебя делал? Я такого мог натворить!..

Морозов. И верного слугу от себя бы оттолкнул, и родичам прямое оскорбление нанес бы..

Алексей. Но туда, в Коломну, все же придется кого-то нарядить.

Морозов. Ну, за этим дело не станет.

Алексей. Иваныч! Ты мне скажи от чистого сердца — ты не сердишься на меня?

Морозов. Родной мой, ты же прекрасно знаешь, я на тебя сержусь только тогда, когда ты здоровьем своим пренебрегаешь. А что до всего прочего, ну разве могу я на тебя (*делает кокетливую паузу*) долго сердиться?

Алексей. Так ты меня уже прости?

Морозов (*прижимает царя к себе*). Обхитрил своего старого Иваныча, а теперь прощения просит. — Я ведь только о твоём счастье радею, что мне ещё надо? — Я, может, и сам рад, что ты у меня таким хитрым оказался.

Царская трапеза. Вид сверху.

Трапеза завершается. Царские сотрапезники начинают расходиться.

Алексей. Князь Прозоровский! — Погоди уходить, ты мне нужен.

Все прочие ушли. Прозоровский подходит к царю.

Алексей. Послушай, Сергей! Ты же видел вчера красавиц наших? А ведь разберут. Потом жалеть будем. — Давай-ка я тебя по-царски посватаю. Из них самая лучшая Алферьева, внучка Вяземских. Царевны ее очень любят, говорят, и умная, и ученая. Что время терять? Я завтра же могу с Симеон Васильичем поговорить.

Прозоровский. Государь, ты ведь по своей воле женишься, никто тебя не принуждает... (*Перебивает сам себя*) Я знаю, ты из любви ко мне говоришь, я все понимаю и я твоей доброты не забуду. Разве такое забудешь? И я тебе слово

даю, что ежели я надумаю жениться, то прежде всего спрошу у тебя, а как же иначе?..

Алексей (*обиженно*). Да поступай как знаешь! Я же не стану тебя неволить! Силой тебя только отец может женить, но князь Симеон слишком добрый.

Князь Прозоровский едет верхом по вечеряющим улицам. Перед ним встает воспоминание.

Летний день в загородной царской усадьбе.

Анна, маленькая девочка лет десяти-одиннадцати, нежится, убегая от своих мамок и нянек. Те пытаются ее догнать.

Прозоровский, подросток, верхом на лошади подъезжает к бегущим женщинам.

Женщины. Князь! Князь! Догони ее!

Прозоровский. Сейчас попробую.

Прозоровский иноходью пускается следом за Анной.

Анна резко поворачивает и бежит в обратную сторону.

Прозоровскому тоже приходится возвращаться.

Анна бежит, оглядываясь на него, и хохочет.

Прозоровский продолжает свой путь по темным улицам. Перед его глазами — лицо взрослой печальной Анны.

Прозоровский. Царевнушка моя, горькая моя! Если бы не ты, если бы не твоя доля злосчастная, я бы с чем угодно свыкся бы, смирился бы. — Ну женился бы, как все, растил бы детей потихонечку, и как все бы смерти ждал, освободительницы. — А как подумаю про тебя, каково тебе там, в твоём заточении, сердце на куски разрывается. — Легче любую обиду снести, чем эту жалость вытерпеть.

Совсем темнеет.

7. Темные улицы превращаются в неоглядное темное поле, едва освещенное светом луны.

Царь идет совершенно один по узкой тропинке посреди поля. Ему и страшно, и любопытно. Он понимает, что это — сон.

Царь идет довольно долго и внезапно оказывается перед высоким каменным крыльцом. Он поднимается по ступеням, оборачивается — и видит, что оказался на Соборной площади в Кремле. Она также совершенно пуста и не освещена. Царь стоит на ступенях храма Успения.

Рядом с царем возникает Федор Ртищев. Он толкает дверь храма, и они с Алексеем входят внутрь.

В храме полумрак, и можно разглядеть, что он весь заставлен какими-то досками, бочками и неведь чем. Алексей безмолвно спрашивает Ртищева, что все это означает. Ртищев отвечает голосом, идущим откуда-то сверху.

Ртищев. Венчание должно быть тайным.

Ртищев с царем проходят вглубь храма, затем открывают дверь, за которой полная темнота.

Ощупью в темноте они находят еще одну дверь, входят в нее и оказываются внутри маленькой деревенской церковки, освещенной несколькими лампадками.

Царь видит Фиму, одетую в темное необычное платье, рядом с ней — старик-священник в бедной рясе (отец Никола).

Священник. Венчание должно быть тайным, государь.

Алексей смотрит на свою одежду, на разбитые сапоги на своих ногах.

Фима подходит к нему, обнимает его. Он прижимает ее голову к своей груди.

Алексей просыпается в царской опочивальне. Он звонит в колокольчик, входит слуга.

Алексей. Налей мне простой воды. И окно открой.

Слуга дает ему напиться, открывает окно.

Алексей. Ступай спать.

Слуга. А окно закрыть, батюшка?

Алексей. Позови Федору, она закроет.

Слуга выходит, появляется Федора.

Алексей. Посиди со мной, Федора, пока проветрится.

Федора (*усаживаясь в кресло*). Да, голубчик мой.

Алексей (*помолчав*). Федора, а ты помнишь моего брата младшего?

Федора. Как же не помнить, ангела чистого. Слишком он был хорош, чтоб с нами, грешными, жить. Забрал его Господь, чтобы он со всеми святыми молился бы о здравии твоём, о счастье твоём.

Алексей. А я вот думаю, если бы он вырос, если бы не умер тогда, стал бы он меня любить?

Федора. Что ты, Алешенька, как ты сомневаться можешь? Чтобы брата родного — и не любить!

Алексей. В царских семьях братья очень друг друга любят. Каждый младший думает — вот помрет старший, и я поближе к престолу окажусь.

Федора. Алешенька, да что ты такое говоришь! Да еще посреди ночи.

Алексей. Конечно, думает. Запретить себе думать — труднее всего. Разве кто-нибудь волен над своими мыслями?

Федора. О Господи!

Алексей. А я вот тоже лежу себе и думаю. — Вот если бы я не был царем, или перестал бы им быть, как аглицкий Карла, — любил бы меня кто-нибудь из тех, кто сейчас любит?

Федора (*задумчиво*). Может, по-другому как-то, но любили бы. Люди же друг без друга не живут, все друг за дружку цепляются. Значит, какая-то любовь промеж ними есть.

Алексей (*закрыв глаза, шепотом*). Вот я знаю точно — она бы меня всегда одинаково любила, и царем, и не царем, и что бы ни случилось.

Федора (*поджимая губы*). Дай тебе Бог! Два раза увидал — и такая вера.

Алексей (*сонно*). Думаешь, я с ума спятил? Ну и думай, мне все равно, кто что думает. Мне главное — самому знать. — Закрывай окно, я уже сплю.

Алексей спит. Входит Фима, становится на колени рядом с его кроватью, кладет голову на подушку рядом с ним.

Алексей и Фима вместе идут через неоглядное темное поле. Небо над их головой затягивается тяжелыми тучами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Андрей спит в своей комнатке в доме Корионовых. Входит Василий.

Василий. Андрей, поднимайся! (*Андрей садится на кровати.*) Сходи поклонись родителям. Скажи, что отправляешься на богомолье в Симонов монастырь. Скажи, что вернешься очень поздно. — Давай, поторапливайся.

Андрей. Я мигом. Я коня возьму.

Василий спускается вниз к Аграфене. Она сидит за пяльцами.

Василий. Аграфена Никитишна, матушка, прикажи Маланье, чтобы поесть нам в дорогу собрала. Нам идти далеко, на весь день уходим.

Аграфена (*вставая*). Петровича с собой не берете?

Василий. Нет, мы же пешком пойдем.

Аграфена. А куда?

Василий. Дойдем до Симонова монастыря, а там еще дальше пойдем.

Василий подходит к окну и смотрит, как Андрей на коне галопом выезжает из ворот.

2. Женский терем. Опочивальня Фимы.

Фиму наряжают в роскошное платье, коса ее перевита жемчугом. В сопровождении прислуги она отправляется к царевнам.

Анфиса одна в опочивальне.

Она перестилает Фимину постель, затем достает из-за пазухи маленький сверток, вынимает из него и раскладывает между перинами пять каких-то комочков. Подойдя к туалетному столу, она заменяет один из флаконов другим, точно таким же по виду.

Фима и царевны, окончив трапезу, переходят в другую комнату и усаживаются за вышивание.

Татьяна (к Фиме). Сестрица, ты ведь совсем не любишь вышивать.

Фима смущенно улыбается.

Ирина. Что значит — не любишь? Она еще не научилась, как надо.

Татьяна. Если бы любила, то давно бы научилась. Она вон какая грамотная и ученая.

Ирина (Фиме). Ты, поди, Святое Евангелье наизусть знаешь?

Анна. Я тоже когда-то хотела Евангелье наизусть выучить. «Авраам роди Исаака; Исаак же роди Иосифа; Иосиф же роди братию его».

Все хохочут.

Ирина. Ну вот, осрамила нас перед сестрицей.

Фима. Нет-нет, я тоже не помню, кто кого родил.

Татьяна. Скромничаешь!

Ирина. А кто тебя всему этому научил, Фимушка? Ты ведь говорила, что вы почти все время в деревне жили, что даже в Касимов редко выезжали.

Фима. Это все Андрей, мой брат. А он всему научился от дяди нашего, Афанасия Петровича Корионова. Андрей почти каждую зиму у него в Москве

проводил, а когда приезжал летом в деревню, то все, что от него узнал, мне пересказывал. (Усмехается.) Больше никто его слушать не хотел.

Ирина. А что же, у него поблизости друзей-сверстников не было?

Фима. Были, конечно. Но они больше любили на охоту ездить.

Ирина. Теперь государь твоего отца и брата боярами делает. Таков обычай.

Фима (*слегка кланяясь*). Как ему будет угодно. — Всеволожские были прежде боярами, а потом наш предок прогневил государя Василия Темного, и тот лишил его боярства. (*Немного помолчав*) А потом и глаза ему выколол.

Анна (*резко*). Вот Бог и наказал Василия Темного, и ему самому глаза выкололи.

Ирина и Татьяна испуганно смотрят друг на друга.

Татьяна (*спешно меняя тему*). Да, летом очень хорошо в деревне. Вот у нас в Покровском, в Коломенском все равно как в деревне.

Ирина. У меня в детстве даже лапти были. Из такой тонкой-тонкой соломки, как золотые.

Фима. А я, маленькая, даже босиком бегала.

Ирина. Нет, босиком нам никогда не разрешали.

Татьяна. Не разрешали, но кое-кто все равно бегал. (*Выразительно смотрит на Анну.*)

Анна отворачивается. Она вспоминает:

Летний день в загородной царской усадьбе. Девочка лет десяти-одиннадцати (Анна) бежит к берегу речушки. Мальчик-подросток (Прозоровский) бежит следом за ней.

Девочка вступает на развалившийся мостик.

Прозоровский. Ты что это задумала, госпожа
царевна?

Анна. На ту сторону хочу.

Прозоровский. Давай-ка возвращайся! Перейдешь
через новый мост.

Анна. А я здесь хочу!

Прозоровский. Ну, воля твоя. Хочешь тонуть —
тони. Только я тебя непременно вытащу.

Анна, едва не падая в воду, выбирается на другой берег.

Анна (*прыгая на одной ножке*). А вот и не потонула!
А вот и не потонула!

Прозоровский. А вот и потонула! А я тебя все равно
вытащил.

Анну настигают мамки и няньки.

Анна встает и выходит из комнаты.

Анна бредет к своему окошку. Выглядывает в него.
По двору снуют люди, занятые своими делами. Внезапно
во дворе появляется нелепая фигура — словно бы
старуха, закутанная в огромное покрывало, согнутая
в три погибели и с клюкой.

Старуха направляется к крыльцу женской половины
и невозмутимо прошмыгивает мимо опешившей
стражи.

Стражник (*спохватившись*). Ты куда?

Старуха (*тискляво*). Милостыни просить. (*Бросается
бегом вверх по лестнице.*)

Анна отходит от окна и бежит к сестрам.

Анна. К нам посольство!

Старуха, бросив клюку, бежит по коридору. Карлица Лизавета гонится за ней.

Лизавета. Отдай, отдай! Это мой платочек!

Лизавета настигает старуху, вцепляется в край покрывала и дальше «едет» на нем.

Старуха, везя за собой Лизавету, врывается в горницу царевен. Покрывало падает под тяжестью Лизаветы.

Перед царевнами стоит Ванятка. Лизавета убегает, унося с собой свою добычу.

Царевны (*наперебой*). Это соглядатай! —

От польского короля! — От шведского!

Ванятка. От крымского хана — высмотреть, где государыня Ирина Михайловна немецкие сладости прячет.

Ирина (*Фиме*). Это Ванятка, любимый государев шут. — Сейчас мы тебя угостим, Ванятушка. Ничего от тебя не скроем.

Ванятка, рассмотрев Фиму, опускается перед ней на колени.

Ванятка. Ничего мне не надо, одной только милости прошу — дозвоьте лицезреть государыню Евфимию Ивановну.

Ванятка, стоя на коленях перед Фимой, смотрит на нее с благоговейным обожанием. Она в ответ смотрит на него с бесконечной нежностью.

Фима. Расскажи о себе, Ванятушка. Кто твои родители? Как ты на службу к государю попал?

Ванятка. Матушка моя померла, когда мне еще и семи лет не было. Отец через год другую жену взял, стало быть, мачеху мою. Она была очень добрая. Добрая-предобрая. Так она сама говорила. И при этом приговаривала, что в таком-то селе, да в такой-то веси такие злые мачехи водились, что

бедным сироткам ничего не оставалось, как пойти в лес да на суку повеситься.

Все девушки вздрагивают.

Татьяна. Матерь Божия!

Ванятка. А Назар Петрович Чистой смолоду был с отцом моим в дружбе. — Вот приехал он нас навестить, а дворовые наши не утерпели, похвалили ему мачехину доброту. И очень он удивился, что я с этакой доброты не бегу в лес вешаться, а хожу веселый, да еще всех вокруг веселю. И решил он меня забрать с собой, чтоб я государя-наследника веселил, а не свою добрую мачеху.

Анна с коробочкой в руке подходит к Ванятке и засовывает ему в рот сладость. Ванятка по-собачьи трется о ее ноги.

Фима. Ванятушка, голубчик, как же тебя Господь наградил за твою доброту. Все тебя так любят!..

Анна. Любят, любят! (*Снова сует ему в рот сладость.*)

Фима. Такое счастье тебе даровано... государя всякий день видишь...

Ванятка (*обрадованно*). Да-да, такое счастье, такое большое счастье, что даже могу с другими поделиться. — Вот ежели здесь кто-нибудь... ну вот, к примеру, государыня Татьяна Михайловна! Ежели она захочет на царя-батюшку полюбоваться, то это можно прямо сейчас. — Где тут у вас часы голландские? Они не врут?

Татьяна. Да как ты подумать такое мог, Иван Прокопьевич! В нашем терему никто никогда не врет.

Ванятка (*подходя к часам*). Вот когда большая

стрелка будет вот тут, а маленькая вот тут, царь-батюшка выйдет стены своих палат осматривать, не хочет ли какая отвалиться. А я могу указать, из какого окошка его видно будет.

Ирина. Ну что же, стрелки уже где надо. Пойдем посмотрим, не врешь ли ты.

Часы отбивают четверть. Все, кроме Анны, отправляются вместе с Ваняткой.

Анна сидит одна. Она играет с жемчужной нитью, вращает ее вокруг пальца, наматывает на руку. Внезапно нить рвется, жемчужины рассыпаются по полу.

Алексей в окружении нескольких бояр и дьяков расхаживает по двору, рассеянно оглядывая постройки. В окне появляется Фима. Алексей и Фима зачарованно смотрят друг на друга.

3. Андрей и Василий идут по улице.
Андрей идет впереди, Василий почтительно следует за ним.

Андрей (*оборачиваясь*). Василий Матвеич, я так больше не могу. Ну чем я провинился, что ты меня наказываешь? — Не могу больше молча идти!

Василий (*сердито*). Иди, как идешь. Выйдем за город — пойдем вместе.

Андрей. Да нас же здесь никто не знает!

Василий. Пока идем, как положено, никто не знает. А пойдем, как не надо, — сразу узнают. — (*Лукаво*) Может, проголодался, барин? У меня в котомке для тебя еда.

Андрей. Лучше с голоду помереть, чем идти и молчать.

Василий. Иди, как тебе сказано. Ну?

Андрей (*подчиняясь*). Ну вот, понукают, как лошадь какою-то. Куда это годится! Разве же я — лошадь? Я царский деверь, я самому боярину Морозову троюродный свояк!

Андрей и Василий идут вместе; делают привал на поваленном дереве; идут дальше.

Симоновский монастырь.
Андрей и Василий входят в монастырские ворота.

Андрей и Василий выходят из ворот Симоновского монастыря и продолжают свой путь.

Маленькая сельская церковь.
Андрей и Василий огибают ее и выходят на дорогу, ведущую в сторону сада.
Андрей и Василий становятся за деревьями.
На дороге появляется пожилой священник.

Василий (*Андрею*). Подожди меня здесь. (*Выходит на дорогу.*)

Священник подходит ближе.

Василий (*возникая перед ним*). Иван, это я!

Священник (*дрожащим голосом*). Вася, живой!

Василий (*весело и с вызовом*). Умирать — это не по моей части. Я Бога живого исповедую.

Священник (*как во сне*). Да, да. Ты не говори, не надо. Посмотреть на тебя дай, Вася! — Чай, здоров?

Василий. Видишь, что здоров. — Сам-то как? Семья твоя?

Священник. Да все хорошо, Бог милует.

Василий. О племянничках новгородских слышать что-нибудь?

Священник (*суетливо*). Как не слышать! Оттуда всякий раз кто-то наведывается. Недавно совсем заезжал один. — Анастасия-то этим летом еще мальчонку родила.

Василий. Это уже пятого?

Священник. Как же пятого — шестого. Совсем ты, Вася!.. — А Гриша обеих дочек замуж выдал. — А ты повидать их не хочешь?

Василий. Нету мне туда дороги, Иван. Сейчас — нету. — Но ты при случае передай, что был, что здоров. И за них рад, что не бедствуют.

Священник. Нет-нет, совсем не бедствуют по Божьей милости. — А ты-то, ты-то что?

Василий. Мы теперь долго не свидимся, Иван, долго. Не тужи!

Священник бросается в объятия Василия и плачет, прижавшись к его плечу. Наконец, они расходятся, идут каждый в свою сторону.

Вдруг священник оборачивается и бежит за Василием.

Священник. Вася, а Михайло-то? Он что?..

Василий (*усмехаясь*). Видел его третьего дня.

Священник. Вася, ты помолись за меня Богу. Пусть Он простит мне, что не так.

Андрей и Василий продолжают свой путь. Андрей вопросительно смотрит на старца.

Василий. Это мой брат. — У нас еще двое было, те уже умерли. Этот самый младший.

Андрей. И ты побоялся пойти к нему домой? —
Господи Боже, как же люди злы! Убийцам и вора
прощают, а Божьему человеку не дают к родному
брату в дом войти. Где же мы живем, Василий
Матвееч? Может быть, это и есть ад?

Василий. Может быть, и так.

Дорога уходит вверх. Перед путниками высокая стена,
наподобие крепостной. В стене большие парадные во-
рота.

Андрей. Что это, Василий Матвееч?

Василий. Село Коломенское. Усадьба царская. Нам
туда. — Сейчас там никого нет, там летом живут.

Андрей. А стража?

Василий. Они нас не увидят. А если что — скажешь,
кто ты таков, и что хочешь оглядеть
прославленный храм. Но они нас не увидят.

Василий толкает дверцу, она не заперта. Андрей
и Василий входят в ворота.

По обеим сторонам, сидя, спят стражники.

Андрей и Василий идут мимо различных построек, про-
ходят через вторые ворота и оказываются перед хра-
мом Вознесения. Они поднимаются по лестнице, выхо-
дят на гульбище. Василий, чуть посторонившись, дает
Андрею время осмотреться.

Андрей любитесь открывающимся видом.

Василий (*подходя к нему*). Что ты видишь, Андрей?

Андрей (*удивленно*). Что вижу? — Реку замерзшую.
За рекой — лес.

Василий (*после паузы*). Смотри! Что видишь?

Андрей. Ничего не вижу. Лес и река.

Василий. Еще смотри. Смотри туда!

Андрей напряженно всматривается. Василий берет его за обе руки.

Василий (*настойчиво*). Смотри! Смотри!

На противоположном берегу реки начинают прорезаться очертания неведомого города. Город все разрастается. Андрею кажется, что он, как во сне, смотрит на город сверху.

Он видит множество огромных зданий. Некоторые из них поражают своими размерами.

Затем город принимает привычный для Андрея вид.

Они с Василием снова стоят возле балюстрады, но за нею — ров и зубчатая стена.

Андрей. Василий Матвееч, где мы? Мы же в Кремле!

Василий. В Кремле — так в Кремле. Отсюда Москву хорошо видеть.

Андрей опускается на колени и прижимается головой к земле.

4. Касимов.

Касимовский воевода трапезничает в кругу своих приближенных. В их числе Яков Осина.

Стол ломится от всяческой снеди и напитков. Сотрапезники обжираются так, что у них глаза вылезают из орбит. Слуги уносят миски с костями, меняют их на чистые.

Слуга подает воеводе полотенце, тот вытирает пот с головы и шеи.

Первый гость. Э-эх! У царя скоро свадьба. Поглядеть бы, что там есть будут.

Воевода (*горделиво*). А что такое может быть на царском столе, чего у нас нету?

Второй гость. У царя за столом патриарх сидит.

Осина. Ну что ж, можно пойти позвать отца Николу. Все, кроме воеводы, хохочут.

Воевода (*себе под нос*). Башку бы проломить этому отцу Николе.

Осина. Да будет тебе, Степан Васильич, он такой старый, он скоро сам помрет.

Первый гость. А он — что? Говорит что-то против нас?

Воевода. Еще бы говорил! Он молчком пакостит. — Да что вы про него вспомнили? Никого лучше не нашлось?

Улица перед домом воеводы. Двое совсем маленьких детей-оборвышей сидят в «засаде» в кустах.

Всадник мчится по улице во весь опор. Спешивается возле дома воеводы, привязывает коня. Дети выбегают из «засады».

Дети. Дяденька! Поддай хоть что-нибудь на хлебушек!

Приезжий, порывшись, вынимает мелкую монету и швыряет ее наземь, в грязный и мокрый снег. Детишки хватают монету и снова прячутся в «засаду». Приезжий вбегает в дом.

Трапезная воеводы.

Служитель Пахомыч входит в трапезную, подходит к воеводе с полупоклоном и говорит негромко, но значительно.

Пахомыч. Батюшка Степан Васильевич! К тебе гонец из Москвы от Кузьмы Кузьмича по важному делу.

Воевода (*отодвигая миску*). Все вон!

Гости смываются. Воевода надевает кафтан и переходит в другое помещение. Туда же проводят вновь прибывшего.

Воевода и порученец Кузьмы.

Порученец. Кузьма Кузьмич просит прислать верного человека. (*Подчеркнуто*) Для свидетельства.

Воевода (*кивая*). Пришлем. У нас есть верные люди. — А что там в Москве? Есть уже новости?

Порученец. Есть. Выбор царский состоялся. Выбрана ваша касимовская красавица Евфимия Ивановна Всеволожская.

Воевода оторопело открывает рот и начинает негромко выть. Видя его реакцию, порученец говорит смелее.

Порученец. А еще Кузьма Кузьмич велел сказать, что Борис Иванович этим выбором недоволен.

Воевода потихоньку приходит в себя, но выть перестает не сразу.

Воевода. Как, так прямо и сказал: «недоволен»?

Порученец. Нет, я это от себя добавил. Но он тебе велел передать, что Борис Иванович прочил царю другую невесту.

Воевода (*отдышавшись*). Милый ты мой, ведь я девицу эту в глаза не видел и знать про нее ничего не знаю.

Порученец. Как же так? А где же смотрины были?

Воевода. Здесь были. Здесь. — А ее тут не было. Все были, а ее не было.

Порученец. Как же так получилось?

Воевода (*уже с улыбкой*). А ее соборный протопоп отец Никола в обход других втихаря боярину

Пушкину всучил. — Отец красавицы Иван
Всеволожский с этим Николой первейшие друзья.
Он даже дом свой касимовский продал и когда
сюда наезжает, то живет у попа. И уж конечно
этот поп все про них знает, и про девицу эту,
(*ехидно*) не больна ли чем.

Порученец. Да это же прямой обман государя. Про
этого попа надо благочинному доложить. Такие не
должны служить в церкви.

Воевода. Да он совсем старик, из ума давно выжил.
Но коли дочка его друга в царицы выбрана!.. (*Весь
трясется. Орет*) Пахомыч! (*Вбегает Пахомыч.*)
Ты чего там ждешь, сукин ты сын! У нас такой
важный гость, а ты к столу не зовешь! Башку тебе
оторвать!

Порученец покидает Касимов. Рядом с ним едет второй
всадник, «верный свидетель».

5. Женский терем. Опочивальня Фимы.
Фиму раздевают и укладывают спать.

Сон Фимы.

Фима стоит посреди незнакомой комнаты, одетая в со-
вершенно белое платье (XIX век). Она берет со стола
головной убор (флер д'оранж с фатой) и идет к зеркалу.
Фима смотрит в зеркало и пугается своего декольте. Ря-
дом возникает ее мать, Евдокия Никитишна.

Фима. Матушка, ты посмотри, что же это такое? Как
же я к людям выйду?

Евдокия. Надо терпеть, доченька. Ты же в царском
дворце. Здесь свои порядки.

Дверь распахивается. Появляется отец Никола.

Отец Никола. Фимушка, крепись. Свадьбы не будет.

Фима бросается к окну.

Алексея, одетого в черное (XIX век) держат двое вооруженных людей (жандармы). Он оглядывается, пытаясь увидеть Фиму. Его затапливают в черный экипаж. Экипаж уезжает.

Фима в ужасе просыпается. Она пытается задержать внимание на окружающих предметах, чтобы убедиться в том, что она больше не спит.

Фима снова проваливается в сон.

Тот же сон продолжается.

Фима выбегает из дома и бежит вслед за увозящим Алексея экипажем.

Фима бежит и бежит, выбиваясь из сил. Наконец она падает наземь.

Фима (*рыдая на земле*). Алеша!

Фима просыпается и плачет, стараясь, чтобы никто не услышал.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Раннее утро. Еще темно. Андрей просыпается в своей комнате.

Андрей быстро встает, одевается и выбегает на улицу. Быстрыми шагами, едва касаясь земли, он идет по пустым улицам, зажмуривает глаза, вспоминая вчерашнее видение, открывает глаза, смотрит на небо.

Андрей выходит на берег Москва-реки.
На востоке поднимается зимнее солнце.

2. Пробуждение Фимы.

Служанки обряжают ее в роскошную одежду и отводят в трапезную.

Трапеза царевен с участием боярынь и боярышень.
По завершении трапезы все направляются в парадную горницу царевен, где уже собрались другие женщины.

Ирина (*беря Фиму под руку*). Погоди-ка, сестрица, ведь я обещалась показать тебе ларчик с потайным замком, я и забыла совсем.

Служительница (*подскакивает*). Прикажешь принести, государыня-царевна?

Ирина. Сами ходим. Незачем его туда-сюда носить.

Спальня Ирины.

Царевна захлопывает за собой и Фимой дверь, вынимает из шкафа ларчик, нажимает скрытую пружину, ларчик распахивается.

Ирина (*вполголоса*). Что с тобой, Евфимия Ивановна?
Не заболела ли ты?

Фима (*тоже тихо, опустив глаза*). Сон я видела
страшный. Хочу его забыть — и не могу.
Не отпускает он меня.

Ирина (*совсем тихо*). Плохо. (*Громче*) Сны —
глупость. Им верить нельзя. Я потом тебя научу,
как дурные сны водой смывают. — Пойдем
к боярышням, они тебя развеселят.

Ирина и Фима присоединяются к остальным.
Ирина подзывает свою служительницу.

Ирина (*негромко*). Пошли немедля за княгиней
Вяземской.

Служительница поспешно выходит.

Помещение, в котором работают швеи и вышивальщицы.

Одна из них — Манка Харитоновна.

Анфиса надзирает за работающими.

В дверь просовывается голова молоденькой служанки.

Служанка. Анфиса Герминовна!

Анфиса выходит.

За дверью.

Служанка (*шепотом*). Ирина Михайловна послала
за княгиней Вяземской.

Анфиса (*просияв*). А мне-то что за дело? Я у царевен
больше не служу. — Если хочешь, можешь
доложить боярыне Годуновой.

Служанка и Годунова.

Служанка (*несколько неуверенно*). Анфиса Гермионовна послала меня доложить, что царевна Ирина за княгиней Вяземской послала.

Годунова (*очень довольная*). Ничего не понимаю. Кто послал? Кого послал? Куда послал? И причем тут я? — У меня дел невпроворот, свадьба царская готовится, а тут какие-то глупости приходится выслушивать.

3. Андрей идет по заливной солнцем Москве. Он закидывает голову в бездонное чистое зимнее небо. Ему жарко. Он срывает рукавицы, засовывает их за пояс. Он поднимает к небу руки, словно творя безмолвный благодарственный гимн. Андрей ускоряет шаг, начинает двигаться большими прыжками, словно летя над землей. На его лице выражение изумления и восторга. Он снимает шапку, чтобы остудить голову, встряхивает волосами. Затем снова надевает шапку и продолжает свое движение.

4. Княгиня Вяземская в сопровождении двух прислужниц торопливо идет переходами теремного двorca.

У Ирины.
Княгиня Вяземская и Ирина.

Ирина. Красавица наша дурной сон видела. И не в нем дело, а в том, что она от него в себя прийти не может. — Первые дни она сияла от радости, а теперь ее как подменили.

Вяземская (*тяжело*). Значит, началось.

Ирина. Делать что?

Вяземская. А что ты сделать можешь?

Ирина. Ничего. Я знаю, что я ничего не могу. —
У меня жениха отняли. У меня на глазах родную
мать убили.

Вяземская (*со слезами*). Аринушка, не надо,
не держи такого на сердце. Твоя мать своей
смертью умерла.

Ирина. За всю жизнь ни разу не болела, а тут взяла —
да и умерла.

Вяземская. От горя умерла, от тоски по мужу, по
государю нашему.

Ирина. Так уж она его любила? И так уж он ее
любил? Здесь никогда ни у кого счастья не было,
Анна Васильевна, ни у кого никогда.

Вяземская (*махнув рукой*). А где оно есть? Вот Карла
аглицкий, небось, почитал себя счастливым, а что
с ним случилось? Жена его с детьми теперь по
чужим дворам подаяния просит. — Он ведь
твоему королевичу близкая родня.

Ирина (*мертвым голосом*). Знаю. Двоюродный брат.

Вяземская (*берет ее за плечо*). Ну вот что, Аринушка.
Там у этих Всеволожских наверняка есть с собой
нянька какая-нибудь или служанка верная.

Ирина. Есть какая-то старуха, кажется, нянька ее.

Вяземская. Ну вот, надо ее взять сюда. Пусть постель
перетряхнет, по углам поищет. Хорошо порог
покропить святой водой, и вообще, где только
можно. А главное, чтобы в спальне ее ночевала.
А насколько этого хватит — не знаю.

Ирина. Хорошо еще царь твою внучку не выбрал.

Вяземская. Бог миловал. — Сейчас ведь все бояре, что
супротив Морозова, как с цепи сорвались. Ни

о чем другом ни думать, ни говорить не могут — только о том, как они его хотя бы потеснят для начала, а потом и вовсе скинут. Неужели он так глуп, что сам об этом не догадывается?

Ирина. А девица эта такая кроткая, добрая, прямо блаженная. И брат у нее вроде бы такой же — тихий, богомольный.

Вяземская. Да, все такие поначалу. Твои дядья Стрешневы тоже были когда-то тихие и богомольные. А теперь от них такое можно слышать!

Ирина. И что же они говорят?

Вяземская. Да ничего, не надо об этом.

Ирина. Нет уж, говори, коли начала, не томи душу. Вяземская приближается к ней вплотную и говорит шепотом.

Вяземская. Ты ведь знаешь, Аринушка, что во всем крещеном мире законы прописаны: кому и как престол царский наследовать, аж до двадцатого колена. А у нас никаких на то законов нет, у нас царем может стать тот, кто раньше других проснется, да громче крикнет. — И вот говорит мне однажды дядя твой Алексей Лукьянович, что нигде ведь не сказано, что дочери не должны наследовать. А государь наш, хоть и молод и здоров, но, как и все, под Богом ходит, а братьев у него нет. — Зато племянница моя, говорит, Ирина Михайловна, до того мудрая, что ежели с государем что случится, то я, говорит, ничего не побоюсь — ничего не пожалею, чтобы ее воцарить ради блага земли русской.

Ирина (*испуганно*). Мне этого не надо! Я брату смерти не желаю. Я Бога боюсь.

Вяземская. Хорошо делаешь. Потому что, ежели такое случится, то Стрешневы захотят одного, другие — другого. А князя Голицыны, между прочим, еще не забыли, что из Рюриковичей они — старшие. И тогда такая смута начнется, такое море прольется русской крови, что поляки по нему не то что до Москвы, а до Нижнего доплывут.

5. Андрей идет людными улицами, заглядывает в лица прохожих. Одни оборачиваются с удивлением, другие вовсе не замечают его.

Андрей выходит в безлюдный переулок, подходит к старинному, вросшему в землю храму, крестится с поклоном, идет дальше и вдруг слышит слабый жалобный женский голос.

Женщина. Подайте, Христа ради!

Андрей озирается. Он видит женщину, сидящую на самой земле на тоненькой дощечке. На руках у нее спящий ребенок. Рядом копошится другой, лет двух. Андрей подходит к женщине, выворачивает все карманы, наклоняется к ней совсем близко.

Андрей. Ты что на земле сидишь? Так заболеть можно.

Женщина. Ноги не держат, барин. Всю ночь стирала. — Я на людей стираю, чтоб детей кормить как-то. У меня их девять. Десятого Господь прибрал, сжалился над ним.

Андрей. А муж где?

Женщина. Мужа полгода назад люди князя Оболенского затоптали. Он пожил еще два дня, а потом помер.

Андрей. И что же князь и его люди?

Женщина. Да что ты, барин? Разве им впервой?

Напился, говорят, пьяным, и под копыта бросился, вот и весь сказ! — Да он сроду ни капли...
(Женщина стискивает зубы, умолкает, но не плачет.)

Андрей (*выпрямляясь*). Ты скажи, где живешь!

Женщина. Ох барин, спаси тебя Господи! Там, где я живу, таких, как я, пруд пруди, тебе всех не прокормить.

Андрей. Я вообще-то... Ну ладно, там видно будет. — Ну скажи все же, как то место зовется?

Женщина (*неохотно*). Нижняя Сыромятная слобода.

Ребенок, во время их разговора неотрывно разглядывавший Андрея, подходит к нему и хватается за полы его шубы.

Ребенок (*улыбаясь во весь рот*). Тятя!

Женщина (*испуганно*). Ты что? Иди сюда!

Андрей в полном замешательстве. Затем он снимает с себя золотой крест на цепи, сует его в руки женщины и быстро идет прочь.

Женщина (*кричит ему вслед*). Не надо, барин! Куда я с ним? Ведь скажут — украла!

Андрей (*возвращаясь*). Не бойся, на меня сошлешься! Меня зовут Андрей Иванович. Живу я у Яузских ворот, дом Корионова. Запомнила?

Женщина (*покорно*). Запомнила.

Андрей отходит на десять шагов, потом возвращается, срывает с себя шапку, выхватывает из-за пояса рукавицы, бросает все это женщине и убегает.

6. У Яузских ворот.

Аграфена Никитишна в саниях въезжает в ворота своего

дома, высаживается, быстрым шагом идет в дом. Афанасий сидит за столом, рассеянно перелистывая книгу. К нему врывается Аграфена.

Аграфена. Афанасий Петрович! Куда Андрей подевался? Родители его второй день не видят. Вчера они с Васей на богомолье ходили, а сегодня он где?

Афанасий (*рассеянно*). Может, опять куда пошли. Но, кажется, Василий здесь. (*Кричит*) Малаша, сходи-ка к Василию Матвейчу, попроси его спуститься.

Афанасий продолжает перелистывать книгу, Аграфена даже не садится. Входит Василий.

Аграфена. Васенька, где Андрей?

Василий. Шапку ищет. Пошел погулять, да шапку потерял. — А теперь ищет. Ну ничего, скоро придет. — Пойду-ка я за ворота его встречать.

Аграфена, облегченно вздохнув, сбрасывает с себя верхний плат и шубу, отдает Маланье.

Аграфена. Придет — я ему всыплю! — Ему негоже так себя вести, должен же он понимать!

Афанасий (*не слушая ее*). А как там наши? Они что — каждый день к царскому столу званы?

Аграфена (*радостно*). Ну да! — Государь, он как дитя малое! Ему с Фимкой видеться нельзя, так он хочет, чтоб хоть кто-то от нее рядом с ним был. Дуня говорит, он их прямо глазами ест. И так их ласкает! Ну а что — царь царем, а ведь круглый сирота, ни отца, ни матери.

Афанасий. Да, это плохо.

Аграфена. А Фимушка, голубка, ведь тоже заскучала, за Порфирьевной прислала. Пушкин с Родионымчем сейчас ее в Кремль повезут. Дуня так обрадовалась!

Все-таки надо, чтобы рядом с девочкой родная душа была.

Афанасий все так же безучастен.

Аграфена (*продолжает*). Нет, ну ты подумай! Наша Настасья — в царском терему! Видели бы мои родители, видел бы покойный Антип!

Афанасий. Антип — это кто? Настасьин муж?

Аграфена. Петрович, да ты что — Антипа нашего забыл?

Афанасий. Прости меня, Грушенька, у меня с головой что-то не то. Давай о чем-нибудь другом.

Аграфена (*улыбаясь*). Петрович, миленький, о чем я еще могу говорить? — Моя единственная племянница выходит замуж. За царя. Да разве ты не видишь — я как пьяная хожу! — А государь-то, хоть годами молод, но одно слово — царь! Всем отец. — Он сказал, что после рождества Андрюшкой займется. Женить его хочет.

Афанасий. О Господи! На ком?

Аграфена (*деловито*). Боярыня Пушкина говорит, что во всей Москве нет лучше невесты, чем Катерина Алферьева, внучка Вяземских. Не только красавица, а еще ученая, суший грамотей.

Афанасий. Но он же ее в глаза не видел.

Аграфена. А вот и видел! — Ты вот с нами на смотрины не пошел, а она там была, среди тех шестерых. И Андрей сказал, что он на месте царя непременно бы выбрал ту, что в зеленом платье. — Я потом нарочно у Троекуровой справлялась, и она сказала, что это внучка Вяземских.

Афанасий (*раздраженно*). Вяземские нам не ровня.

Аграфена. Афанасьюшка! Иван Родионович теперь сам будет решать, кто ему ровня. И Евдокия Никитишна тоже.

Василий Матвеевич прохаживается за воротами Корионовского дома. Он видит почти бегущего Андрея, который, завидя его, замедляет шаг, и, запыхавшись, подходит к воротам.

Василий (*намешиливо*). А почему шубу не отдал?

Андрей (*опуская глаза*). Постыдился.

Василий. Тебе одному всех московских нищих не прокормить. — А вот там, откуда я пришел, нищих нет. Пока нет. Потому как там народу мало и всяк своим трудом богатеет. А вот когда народ умножится, и богатство умножится — ох, делается там, как всюду и всегда.

Андрей с Василием входят в дом. Василий поднимается в свою светелку.

Андрей входит в горницу, где его ждут Аграфена и Афанасий.

Аграфена. Явился, пропащая душа!

Афанасий. Ну не стыдно ли тебе, Андрей? Аграфена Никитишна тебя бить собралась — а тебя нигде нет.

Андрей подходит к Аграфене, склоняется перед ней, вытянув шею.

Андрей. Повинную голову меч не сечет.

Аграфена обнимает его и целует.

Аграфена. Ну погоди! Скоро твоим проказам конец. За тебя сам государь возьмется. Перво-наперво он хочет тебя женить.

Андрей хохочет, хватается за голову и валится на широкую лавку, покрытую ковром.

Андрей. Ох, бедная моя головушка! — Тетя Груша, мне нельзя жениться! Я постриг собираюсь принять. Меня тут патриархом обещали сделать.

Аграфена (*замахиваясь*). Нет, я тебе сейчас наподаю!

Андрей (*глядя на нее снизу*). Хорошо, женюсь! Но только на той, что на смотринах была в зеленом платье.

Аграфена (*просияв*). А вот на ней-то мы тебя и собираемся женить.

Андрей. На ней женюсь! Но при одном условии (*делает короткую паузу*). Чтобы мне непременно патриархом стать!

Аграфена. Нет, это уже чересчур! (*Бросается его колотить.*)

Афанасий. Никитишна, нас кормить сегодня будут?

Аграфена. Вас надо обоих на хлеб и воду. — Пойду я полежу. (*Выходит.*)

Из-за двери несется ее голос: «Семен, скажи, что Андрей Иванович скоро будет. — Марфа, Маланья, подавайте на стол!»

Андрей и Афанасий сидят друг против друга, безмолвно разговаривая.

Входят служанки со всяческой снедью.

Афанасий. Давай, Малаша, нам есть пора, мы ведь не твоя барыня.

Маланья. Что-то я не пойму, Афанасий Петрович, чем тебе моя барыня не угодила?

Афанасий. А барыня у нас теперь и вовсе не ест. Барыня у нас тем сыта, что ей сестрица рассказывает, как она за царским столом едала.

Андрей фыркает.

Стол накрыт, служанки удаляются.

Афанасий (*Андрею*). Сходи-ка за Василием.

7. Василий, Афанасий и Андрей за едой.

Афанасий. Вот вы меня вчера тут бросили одного, чтоб я с тоски помер, а нашелся добрый человек, который не дал этому злодейству совершиться.

Андрей. Это кто ж такой?

Афанасий. Боярина Пушкина сотоварищ, что с ним в Касимов ездил, а потом с вами в Москву возвращался.

Андрей. А, Артемий Лукич.

Афанасий. Он самый. — Воистину добрый человек. Доброта его меня до глубины сердца тронула. Слезы исторгла.

И не потому, что он меня, старого и хворого, пожалел, а потому, что он русского человека целиком жалеет, душа у него за русского человека болит. (*Делает многозначительную паузу.*)

Андрей. Ну давай, не томи, что он там тебе наговорил?

Афанасий. Одним словом, страдает русский человек безмерно. Платье у него — сам видишь какое, ни один немец такого не носит. Дом у него — тоже никуда, и тесный, и неказистый. А уж то, что в доме (*обводит рукой свое имущество*) — это же суший срам. Эти лавки, эти горшки! — И книг он, оказывается, не читает. А забавы у него только две — или в церковь ходить, или зверей травить. Одним словом, живет русский человек хуже последней свиньи. Ненамного лучше собственных мужиков.

Андрей хохочет, падает головой на стол. Афанасий страшно доволен.

Василий (*усмехаясь*). Погоди, Андрей, у него там еще что-то припасено. Выкладывай, Петрович.

Афанасий. Что выкладывать? Нет у меня ничего, я русский человек. Все есть там, у немцев. А пуще всего у голландцев. — Как он Голландию расхваливал! — Ну я, конечно, заслушался, и тут он мне и поведал, что есть у нас такие светлые головы, которые мечтают завести на Руси новые обычаи и порядки, чтоб жили мы не как свиньи, а как люди живут, особливо в Голландии. А из этих светлых голов самая светлая — не кто иной, как Артамон Матвеев, близкий друг царя и мой, между прочим, сродственник.

В общем, растрогал он меня до слез. И говорю я ему со слезой в голосе — так ведь там, в Голландии, рабства нету, никто ни на кого задаром не работает и перед законом все равны.

Афанасий делает паузу. Василий и Андрей смотрят на него выжидательно.

Афанасий. А он мне и ответил: мы всё хорошее сохраним, мы только от плохого откажемся.

Василий и Андрей смеются, но невесело. Трапеза окончена.

Василий (*поднимаясь*). Ну давай, Андрей Иванович, беги к родителям. А я пойду принаряжусь. — Значит, завтра вечером Трофим Игнатьевич будет вас обоих в гости ждать, у себя в Прозоровской усадьбе. Особо не торопитесь, он человек занятой, ему сначала все дела переделать надо.

Василий поднимается к себе; затем выходит в новом добротном кафтане и новой шапке. Василий спускается вниз, сталкивается с Аграфеной.

Василий (*горделиво*). Ну как я тебе, Аграфена Никитишна?

Аграфена. Васенька! Ни дать ни взять — богатый купец.

Василий (*поднимая палец*). Не богатый, а достаточный.

8. Аграфена входит к Афанасию. Он, как и давеча, перелистывает книгу (Псалтирь).

Аграфена. Петрович, мы с ума спятили! Мы про наших забыли. Сидим тут, и ни в Углич, ни в Ярославль никого не посылаем.

Афанасий (*спокойно*). Я с ума не спятил. И ничего не забыл. — Я в своем доме хозяин. Дочери — мои, и зятя мои. Хочу — посылаю за ними, а раз не посылаю — значит, не хочу.

Аграфена (*дрожащим голосом*). Но ведь это же сестры Фимины! Что же, из ее родни никого на свадьбе быть не должно?

Афанасий. Здесь в Москве Всеволожских предостаточно. Раньше они Ивана знать не знали, а теперь, небось, целоваться бегают. Ведь бегают, а?

Аграфена. Да.

Афанасий. Спасибо Пушкину, избавил нас от этих гостей. — И ежели ты помнишь, когда наша меньшая замуж выходила, из Касимова здесь был один Андрей.

Аграфена. Антонида не за царя выходила.

Афанасий. Да, слава Богу, не за царя.

Аграфена. Афанасий, заклинаю тебя, не поминай мне ни Хлопову, ни Долгорукову. Мне Фимка как дочь, у меня сердце разорвется!

Афанасий. Я ничего такого не говорю. Бог даст, она там приживется. А наши приедут на Святки, как собирались, и поздравят ее.

Аграфена (*испуганно*). А сам-то ты будешь на свадьбе?

Афанасий. Да буду, буду, куда ж я денусь? — Ты знаешь прекрасно, как я твоих люблю. И Фимушке я желаю всяческого счастья в ее замужней жизни. (*Взглядывает на дверь и говорит свистящим шепотом*) Но перед царем-батюшкой из семьи Романовых-Кошкиных я пол лизать не намерен. Я в деревню жить уеду. А ты — как хочешь. Можешь здесь оставаться, можешь — к Дашке в Ярославль.

Аграфена. Ты что... Ты что, хочешь меня от себя прогнать?

Афанасий. Нет, Грушенька, не хочу. Но я твердо решил, что уеду в деревню. А ты там заскучаешь без своих княгинь и боярынь. А что я про Дашу сказал, про Ярославль, так все равно тебе у ней жить придется, она ведь старшая. Все равно ты однажды овдовеешь...

Аграфена опускается рядом с ним на колени и обнимает его.

Аграфена. Афанасьюшка, родной, не гони меня. Брани, как хочешь, только не гони. Куда ты — туда и я. (*Плачет.*) Помирать вздумает — тоже с собой возьми.

9. К воротам усадьбы Прозоровских подходит Василий. Усмехаясь, одергивает свою обновку и решительно входит в ворота.

Поликарп над книгами в своей конторе.
Рядом с ним стоят огромные счета. Он время от времени щелкает на них. В дверь заглядывает слуга.

Слуга. Поликарп Самсоныч, там человек прибыл из
Архангельска, от Игнатия Трофимыча.

Поликарп (*вскакивая*). Да ты что! Скорее веди сюда!
Входит Василий.

Поликарп (*узнавая его*). Какая радость! Ох какая
радость!

Василий (*подмигивая*). Вот так-то! — А из
Архангельска в Москву большой обоз идет,
и с ним Игнатий Трофимыч всем вам гостинцев
шлет. К послезавтрему ждите. — Я вот решил
заранее вас известить. Уж не обессудь —
с пустыми руками, да с доброй вестью.

Поликарп. Хорошая весть дороже любого подарка.
Идем скорей к Трофиму Игнатьичу.

Они выходят, направляясь к Трофиму. Поликарп, убе-
дившись, что никто на них не смотрит, целует Василия
в плечо.

У Трофима.

Трофим (*разглядывая Василия*). Ну каков купчина!
(*Тихо*) А про обоз — правда, али шутишь?

Василий. Это когда же я тебя обманывал?
Послезавтра будет обоз. Игнаша жив-здоров, шлет
тебе письмо и гостинцы.

Трофим осеняет себя широким крестом.

Василий (*к Поликарпу*). А ты что скажешь? Нашел
тебе Трофим Игнатьич невесту?

Поликарп испуганно пятится.

Трофим. Да что ты, дурачок, испугался, что ли? Ты разве не видишь — Василий Матвеич все про нас знает лучше, чем мы сами про себя. — Я ему, Вася, не одну невесту нашел, а сразу двух. Вот теперь гадаем, какую брать.

Василий (*глядя в глаза Поликарпу*). Бери ту, у которой отец кожевным делом занят.

Трофим слегка разочарован.

Василий. Всякое богатство непрочно, а красота недолговечна.

Поликарп. А что всего прочнее, батюшка?

Василий. Душа человеческая, Поликлуша, она ведь и по смерти живет. — Так что непременно бери ту, на которую я указал.

Поликарп. Да что ты, батюшка, как ты сказал, так и будет. Разве я... разве мы с Трофим Игнатьичем тебя слушаемся?

Василий. Теперь слушай меня, Трофим Игнатьич! Завтра вечером к тебе гости пожалуют. Старый твой друг Афанасий Петрович и с ним племянник его, Андрей из Касимова. Ты, поди, его маленьким помнишь, а вот теперь он большой.

Трофим (*слегка оторопев*). А теперь он — царский шурин.

Василий (*невозмутимо*). Афанасий Петрович тут с тобой побеседует, а Андрей Иванович сначала с тобой, а потом еще кое с кем.

Трофим. Господи! Неужто Михайло пожалует? Это что же за чудеса творятся — Михайло Иванович царского шурина к себе призывает!

Поликарп в изумлении. Он покачивает головой.

Василий (*дурачась*). Хозяин, кормить меня не надо. А вот переночевать не пустишь ли?

Трофим (*ему в тон*). Много вас тут ходит, всяких.
У меня и так уже сегодня двое странничков
ночуют.

Василий. Это кто же?

Трофим. Илья и Данило.

Василий. Ишь ты какие! Развалились тут! Я их сейчас
потесню.

Василий выходит. Трофим и Поликарп остаются
вдвоем.

Трофим. Ты слышал, Поликарп?

Поликарп. Ох, бабушка, слышал.

Трофим. Смотри, не вздумай болтать на радостях.

Поликарп. Я? А я этого не умею — болтать.

Трофим (*себе под нос*). Еще неизвестно, есть ли чему
радоваться. Один Господь ведает, что нам
готовится.

10. Женский терем. Опочивальня Фимы.

Стайка служанок выпархивает из комнаты, оставляя
там Настасью Порфирьевну. Она несколько секунд си-
дит в оцепенении, потом падает на колени перед ико-
нами и молится с земными поклонами.

Наконец Настасья поднимается с колен и начинает
озираться. Тотчас же в комнату врывается Анфиса.

Анфиса. А вот и я, матушка Настасья Порфирьевна!

Настасья. Ох, прости, голубушка, не запомнила еще,
как тебя величать.

Анфиса. Да зови меня просто Анфисой, ты ведь мне
в матери годишься. А я теперь у тебя первая
помощница. (*Начинает тараторить как
заведенная*) Я теперь у государыни-царицы

постельницей, а прежде у царевен служила, а еще допрежь того у покойной царицы Евдокии Лукьяновны.

Анфиса кидается к постели, начинает все ворошить, перетряхивать, ловко убирает «вещественные доказательства», ни на секунду не закрывает рта.

Анфиса. Ты ведь здесь еще не обвыклась, тебе всё внове, чудно всё тут. Ты без нас без всех не обойдешься. У тебя, небось, от этого блеска в глазах рябит.

Настасья. Ох, верно, милая, в глазах рябит.

Анфиса. Я вот, почитай, всю жизнь в царских палатах, а и то привыкнуть не могу. Иной раз взгляну на все на это, так прямо оторопь берет. А еще запомнить надо, как что зовется и для какой оно надобности. А ты вчера из деревни, легко ли тебе? Ты, чай, и в Москве-то отродясь не была?

Настасья (*грустно*). Я тут смолоду жила, бабушке Фиминой служила. А когда нашу младшую барышню в Касимов выдали, то меня с мужем ей отдали. Мы там хорошо жили, в Касимове.

Анфиса. Ну, ничего, в Москве все равно лучше. И к чудесам этим всем привыкнешь. — Ты только подумай, здесь же все заморское. Здесь русского — только мы с тобой.

Подходит к туалетному столу, окидывает его взглядом, хватает подмененный флакон, потом ставит его на место, хватает другой, открывает.

Анфиса. Ты только понюхай, как пахнет!

Сует под нос Настасье хрустальный флакон.

Настасья. Ох, святые угодники, аж дыханье захватило! — (*Дрожащим голосом*) А там, а там не может быть отравы какой?

Анфиса. Христос с тобой, Настасья Порфирьевна, что ты за страсти говоришь? (*Выливает из флакона себе на ладонь и слизывает языком.*) Вот тебе и отравы! Это ж царские палаты! Тут в любом месте должно пахнуть, как в райском саду. — Ну ничего, привыкнешь! Это хорошо матушка-царица сделала, что тебя призвала. Мы хоть день и ночь из кожи лезем, чтобы ей угодить, а родного человека никто не заменит.

Настасья (*нерешительно*). Голубушка, ты не зови ее так. Она ведь еще не царица — взглянуть можно.

Анфиса. Прости, прости меня, дуру, Настасья Порфирьевна. Потому оговорилась, что в этих самых покоях царице Евдокии Лукьяновне, Царствие ей небесное, много лет прислуживала. — А насчет глазу — чего же меня бояться? Я такая же раба, как и ты. На моей дочке, чай, государь не женится. (*Понижая голос*) А вот кто и вправду мог зlobу затаить, так это боярыни наши Верховые. На смотрины-то, кроме государыни Евфимии Ивановны, еще пять красавиц отобраны были, и за каждую родня старалась, царевнам нашим аж все уши прожужжали. Княгиня Вяземская царевне Анне крестная, она свою внучку хотела. Княгиня Хованская — мамка Ирины Михайловны, ее внучка тоже там была. Княгиня Троекурова — царевны Татьяны мамка...

Настасья (*с трудом прорываясь сквозь натиск Анфисы*). Троекурова нашей старшей барышне кума. У них в родне ни одной девицы на выданье нет.

Анфиса. Все одно они бояре. Сегодня не родня, а завтра породнились. Я своими ушами слышала, как княгиня Троекурова девицу Милославскую нахваливала. А государь вот взял, да и решил по-своему, им всем назло. — Нет, хорошо государыня

сделала, что тебя сюда взяла. Ты уж береги ее, береги. Лучше тебя никто не убережет.

Настасья сидит, сжавшись в комочек, и вся дрожит.

Анфиса (*еще больше понижая голос*). А вот кого ей пуще всех остерегаться надо, так это золовущек своих, царских сестер.

Настасья (*чуть жива*). А им-то что? На них-то царь уж никак не женится!

Анфиса. На них ни царь не женится, ни псарь не женится. Девками родились и в девках помрут. Оттого-то злые и чужому счастью завидуют.

Настасья. Да может ли такое быть? Я, может, не понимаю ничего!..

Анфиса. Может быть, и не может, а есть. Тебе здесь про это любой расскажет. — Мало того, лет пять назад приезжал сюда из заморских краев королевич, царевну Ирину сватать. Красавец из себя, подарков навез — видимо-невидимо. А ему все равно царевну не отдали, да еще самого в темницу заключили. Так бы и сидел там до смерти, кабы государь наш покойный не преставился. А нынешний царь, он куда как добрый. Он повелел его отпустить и со всеми людьми его обратно отправить. А подарки так в казне и остались.

Настасья (*зажмурившись*). Пресвятая Богородица-матушка, святые угодники, что же на свете делается!

Анфиса (*довольная произведенным эффектом*). Понятно теперь, с чего царевна Ирина такая злая? Да и другие не лучше. Всякой ведь девке замуж хочется. — Я вот второй раз замужем. А помри, не дай Бог, мой хозяин! Несладко мне тогда придется. Сейчас попы такие зловредные стали,

ни за что в третий раз венчать не хотят. Чтобы в третий раз повенчали, надо знаешь сколько отсыпать!..

За дверью слышен голос: «Меня государыня Татьяна Михайловна послала гостинец Настасье Порфирьевне передать».

Анфиса. Ну, я тебя притомила. Ты отдыхай, я пойду, у меня еще столько дел.

Анфиса выходит и сталкивается в передней с нянькой младших царевен.

Нянька (*смущенно*). Вот, Татьяна Михайловна гостинчик послала!

Анфиса. Да ты заходи, Акимовна, чего боишься? (*К остальным служанкам*) Все хотят Настасье Порфирьевне угодить.

Вбегает девушка.

Девушка. Матушка Анфиса Герминовна! Тебя золотых дел мастер ищет! И скорняк тебя спрашивал. И швеи тоже тебя хотят.

Анфиса уходит в большой досаде. Нянька Акимовна входит к Настасье.

В опочивальне.

Нянька (*громко*). Вот, Порфирьевна, царевна Татьяна тебе сласти немецкие посылает.

Нянька протягивает Настасье нарядную коробочку. Настасья боязливо принимает ее.

Нянька вынимает из рукава бутылочку.

Нянька (*шепотом*). Это святая вода. Покропишь порог и где только можно. Мы сами толком не знаем, что делать надо.

Настасья (*печально*). Я по ночам буду молитвы читать. Нечистая сила пуше всего ночами лютует. Я спать не буду, буду всю ночь читать. У Фимушки тут молитвослов есть.

Нянька (*недоверчиво*). Ты что, грамоту знаешь? (*Настасья кивает.*) Кто же тебя научил?

Настасья. Муж. А его барин выучил — Фимушкин дед. У него в доме все люди были грамотные. — А Афанасий Петрович, нашей старшей барышни муж, он и в деревне всем велит грамоте учиться, и детей учить. Он говорит, что грамоту людям Господь Бог даровал, и от нее уклоняться — это грех.

Нянька (*недовольно*). Ишь ты! Мы всю жизнь в царских палатах... (*Спохватываясь*) А царевны мои государыню хвалят — не нахвалятся. Такая, говорят, ученая, прямо не девица, а архиерей. Уж так они ее хвалят.

Настасья. Дай им Бог всяческого счастья за их доброту. А уж какие они раскрасавицы. — (*Нерешительно*) А почему, Акимовна, царевны твои не замужем?

Нянька. А ты уже все знаешь? Ну, сознайся — тебе уже нашептали?

Настасья (*испуганно*). Я ничего не знаю. Просто я увидела, что девицы уже в возрасте, вот и спросила. У нас Фиму с пятнадцати лет высватывали.

Нянька (*яростно*). Не замужем и никогда замужем не будут. И не наше это рабье дело рассуждать, что да почему. И ты, Порфирьевна, запомни — здесь, на женской половине, государевы решенья обсуждать не положено — ни нам, ни царевнам, ни самой царице. А что тебе сказали — то правда.

Настасья. И про королевича правда? (*Нянька утвердительно закрывает глаза.*) А за что же его в темницу посадили?

Нянька. За то, что веру свою басурманскую менять не захотел. Покойный государь ему сказал — прими веру православную и тогда женись на моей дочери. А он уперся как бык, ни за что, говорит, веру своей не изменю. (*Разводит руками.*) Ну и вот... Звали его королевич Вольдемар. Датского короля сын. (*Тяжело вздыхает, потом выпаливает*) Православных государей теперь во всем свете не осталось, все крутом басурмане. Так что не за кого нашим царевнам выходить.

Настасья (*шепотом*). А за русских князей им никак нельзя?

Нянька. Эти русские князья — хуже басурман. У них только одно на уме — смуты устраивать. Один такой князь так мою царевну приворожил, что она аж высохла вся. — Я ведь младшей царевны нянька, Анны Михайловны. Татьянина померла, вот я и стала на двоих.

Настасья. Бывает так, что девка сохнет, а парень про это и не знает.

Нянька. А почему тогда не женится? В его годы уже все женаты. Старший брат у него восемнадцати лет женился. А он-вот выжидает, а она, бедняжка, сохнет, а все надеется. Знаешь, как у меня за нее сердце болит.

Настасья (*покачивая головой*). Ох, Акимовна, нам только до крови язык прикусить — и молчать.

Нянька (*прислушиваясь*). Там государыню Евфимию Ивановну почивать ведут. Мне тут больше нельзя. (*Осторожно выскальзывает из Фиминых покоев.*)

Входит радостная Фима в сопровождении служанок.

Фиму освобождают от драгоценностей, раздевают, умывают и т.д.

Фима. Идите отдыхать, голубушки. Меня Настасья Порфирьевна причешет на ночь.

Фима и Настасья вдвоем.

Фима в одной рубашке сидит на постели. Настасья опускается рядом с ней на колени, плачет, целует ей руки.

Фима (*обнимая Настасью*). Настасьюшка!
Родименькая моя! Намалясь тут, моя бедная.
Небось, сидишь, нахохлившись, пошелохнуться боишься?

Настасья. Ох Фимушка, голубка моя, и вправду боюсь. Я ведь тут ничего не пойму. Тут ведь все заморское.

Фима (*смеясь*). Вот куда мы с тобой попали.
Я в первый день тоже старалась ни на что не смотреть. А привыкла — и совсем ничего этого не замечаю. — Ты не бойся, если что и разобьешь, все равно тебя никто бранить не посмеет. Здесь только я имею право тебя бранить. (*Прижимает к себе ее голову, целует.*)

Настасья расплетает Фимину косу. Берет с опаской гребень с туалетного стола и начинает расчесывать.

Настасья. Ты-то небось тоже за день устаешь?

Фима. Ох! Все эти боярыни, боярышни. Ведь запомнить надо, как кого зовут, и кто кому кем приходится. И чей брат и сват где и когда отличился. — Но сестрицы — прямо ангелы-хранители! И подскажут когда надо, и ответят за меня. Но мне-то все равно молчать нельзя, а то, не дай Бог, обидишь кого ненароком.

Настасья. Да, обижать их никак нельзя. А то еще злобу затаят. Промежду них, чай, злых немало.

Фима (*вздыхая*). Ну, конечно, есть злые, куда от них денешься. А ласку все любят, и добрые и злые. — Злым она даже больше нужна. Добрая душа всегда найдет, чем утешиться. А злая и без того сама себя мучает.

Но какие сестрицы добрые! Настасьюшка, ты представить не можешь. Ведь это они тебя вытребовали. — Я-то думала, что потом тебя возьму, ну после всего, понимаешь? А ночью мне сон привиделся дурной, так Ирина, голубушка, сразу заметила и так всполошилась! И наводят, и глазят, и колдуют — мне аж стыдно стало.

Настасья. А что снилось, Фимушка?

Фима. Да я уже не помню! С утра помнила, а к вечеру уже позабыла. Отец Никола всегда говорит, что всякому сну верить нельзя.

Настасья берет бутылочку со святой водой, целует ее и кропит Фиму.

Настасья. Что ни говори, святая водичка никогда не помешает. В деревне и то люди друг другу завидуют. А уж тут, на самом верху! А где зависть — там и слаз, и что похуже.

Фима (*хмурясь*). Ну и что? Почему я должна этого бояться? Разве я не по Божьей воле здесь очутилась? Разве может что-нибудь Божью волю осилить? Вот был бы здесь Андрей, он бы тебе так же сказал.

Настасья (*затянув Фимину косу шнурком*). Давай, Фимушка, под одеяло. И спи.

Фима (*укладываясь*). Да уж! Завтра такой день — завтра всенощная в Успенском храме, и мы с сестрицами тоже там будем.

Настасья. Царя-батюшку увидишь?

Фима накрывается с головой и ничего не отвечает.

Фима (*выглядывая из-под одеяла*). А знаешь, Настасья, сестрица Аннушка чем-то больна. Мне пока спрашивать неловко, но я вижу, что ее болезнь какая-то точит. Я о ней молюсь все время, и ты тоже помолись. (*Фима задремывает, потом спохватывается*) А еще ты должна будешь непременно сходить поклониться государевой няньке, Феодоре Ивановне. Только это не завтра. Мы тебя принарядим, подарки пошлем. Она такая важная, что твоя боярыня.

11. У Яузских ворот.

Афанасий и Андрей усаживаются в сани.

Афанасий. Ну, Господи благослови!

Сани трогаются. Некоторое время седоки едут в молчанье.

Афанасий. Из всех дней своей жизни я самым великим почитаю тот день, когда мне довелось с Михайлой беседовать.

Андрей (*он очень взволнован*). А ты мне никогда про это не говорил.

Афанасий. Тот, кто Михайлу видел, никому про это говорить не должен, иначе с человеком этим непременно беда случится. Но ежели он сам тебя призвал, то теперь уже можно. (—) А было это за год до твоего рождения. Служил я тогда в Посольском приказе. И тут пошел слух, что патриарх Филарет тяжко занемог и вот-вот преставится. Ну, что тут началось! Все понимали, что с его смертью власть переменится. А раз так — то почему бы ей не измениться к лучшему?

Прав этот Лукич, русский человек и впрямь хуже всех христиан живет, но надеждой он богат как никто на свете. И так эта надежда в нас разыграла, так мы размечтались о своем счастье! Как пьяные ходили, дураки несчастные.

Андрей. Но ты же сам говорил, что русская душа вся в будущем живет, а прошлое и настоящее ей скучно. Что же ты бранишься? В будущем — царствие Христа, вот она туда и стремится.

Афанасий. Ну вот, тысячелетнее царствие Христово в тот раз опять не наступило, а я, по милости Божьей, сподобился в него заглянуть. И это была встреча с Михайлой. (*Задумавшись, молчит.*) Не так уж долго он со мной проговорил, а так, что на всю оставшуюся жизнь хватило. Не знаю, может, и сегодня выпадет мне такое счастье.

Сани едут дальше. Оба седока молчат.

Афанасий. И сказал он мне, что все наши мечты и надежды не сбудутся, а служба моя, ежели я не найду, как ее оставить, добром для меня не кончится. Вот с этих-то пор я и стал потихоньку больным прикидываться. — А еще он мне сказал, что лучше человеку вырастить одно дерево, да такое, что ветвями в небо упрется, чем растить целый лес, чтобы его потом все равно сожгли. — Я тогда этих слов не понял и очень им подивился.

Андрей. А теперь?

Афанасий. А теперь догадываться начинаю. — А государь наш Филарет тогда не помер, выздоровел. Видно, черти в аду для себя отсрочку испросили. И мы еще целых семь лет на него любовались. А когда его наконец не стало, и царь Михаил соделался круглым сиротой, то стали бояре перед ним состязаться, кто из них народу злейший

враг, кто больше вреда наделать может. Победа досталась Борису Морозову.

Андрей. Сейчас, небось, тоже многие чего-то ждут, на что-то надеются.

Афанасий. Андрей, не говори мне про это. Если еще раз заикнешься, я тебя кнутом огрею, даром что к Михайле везу.

12. Усадьба Прозоровских.

Князь Сергей Прозоровский в своих покоях.

Он кормит птиц, сидящих в двух больших клетках.

В одной — много маленьких птичек, в другой — два больших попугая, голубой и красный. Кормление птиц окончено. Прозоровский выходит из горницы и отправляется на другую половину дома.

Передняя покоев князя Симеона.

Старик слуга полирует рукоятку какого-то кинжала.

Входит Прозоровский.

Прозоровский. Скажи Симеон Васильевичу, что я прошу дозволения с ним поговорить.

Слуга скрывается за дверью. — Прозоровский один. — Слуга возвращается.

Слуга. Входи, князь-батюшка.

Прозоровский входит к отцу, слуга возвращается на прежнее место и погружается в дремоту.

Князь Сергей и его отец, старый князь Симеон.

Прозоровский. Батюшка, я все тебя спросить хотел...

Говорят, указ готовится о введении египетского рабства?..

Князь Симеон. Красиво говорить научился. Ты там (*указывает наверх*) тоже так говоришь?

Прозоровский (*скороговоркой*). Я не дурак.

Князь Симеон. Хорошо. Ежели ты не дурак, то я тебе скажу. — Да, готовится. И это пожелание всего русского дворянства. — Ну, сам понимаешь, почти всего. — А вот, чтобы господским крестьянам запретить любую торговлю держать — это пожелание всего нашего купечества. — А еще такие находятся, что государю челом бьют, чтобы под страхом смерти запретил крестьянам детей своих грамоте учить. Царь как услышал, аж завопил. — Да, я эту челобитную сам читал. Держал в руках и глазам своим не верил.

Вот такое время настает. — Конечно, я против, и князь Ва... (*осекается.*) Ну, в общем, есть такие, что против...

Подходит к двери, выглядывает, не подслушивает ли кто. Старик слуга мирно дремлет. Князь закрывает дверь.

Князь Симеон (*продолжает*). Мы ничего не можем. Стоит кому рот открыть, его сразу уничтожат. Обвинят, и верных свидетелей найдут, что не только с поляками в сношениях состоит, а еще с аглицкими бунтовщиками. (*Совсем тихо*) И царь против них бессилен. — С каждым по отдельности он что угодно может сделать. Но ежели они все против него соберутся, ему на царстве не бывать. — Мы тут всякое повидали, не приведи Господь еще раз увидеть. Тебе с малых лет рассказывали, что с нами было в великую Смуту.

Прозоровский. Благодарю тебя, князь-батюшка, за то что ты мне все это сказал, не стал свои мысли утаивать.

Князь Симеон. Ты меня спросил — я тебе отвечал

правду. Ты уже взрослый, давно уже взрослый. — Сейчас каждый, кто чем-то недоволен, винит во всем Бориса Ивановича. Но только глупец полагать может, что Морозов всю эту огромную страну держит в своих двух руках. Подлинная власть у тех, кто владеет землей и мужиками. Князей-бояр кучка малая. А дворян тысячи и тысячи. Кто бы ни оказался на Борисовом месте, ему придется всегда им угождать.

Прозоровский. Я это понимаю, батюшка. Все понимаю. *(Делает паузу.)* Хочу тебя еще об одном спросить. *(Замолкает в нерешительности, ходит по комнате.)* Государь наш... ведь у него никого нет... Дети когда еще появятся... Братьев нет... У отца его тоже братьев не осталось. Если вдруг... Ведь все под Богом ходим... Кто тогда царствовать будет?

Князь Симеон. Мы все, конечно, на Божью милость уповаем, но такой вопрос не ты первый задаешь. Я считаю, чтоб не было ни смут, ни раздоров, кого царевна Ирина своим мужем назовет, тот и должен царствовать. И я знаю, что другие князья тоже так думают.

Прозоровский *(убитым голосом)*. Ну тогда всё!

Князь Симеон. Что всё?

Прозоровский *(беря себя в руки)*. Ты мне всё сказал, князь-батюшка. — Я пойду, с твоего дозволения, мне к царской свадьбе готовиться надо.

13. Усадьба Прозоровских. — У Трофима.
Трофим потчует Афанасия за небольшим столом.

Трофим. Ну, как тебе голландский ром, царский дядюшка?

Афанасий. Не смейся надо мной, Трофим.

Я царскому забору и двоюродным плетнем быть не хочу. Знал бы ты, как мне тошно, что у меня на сердце творится. — И ведь не я один в эту свадьбу не верю, есть и другие, я ведь не слепой.

Трофим. Бог с тобой, Петрович! Кто же осмелится открыто!..

Афанасий. Почти не скрываются! — Вот давеча моя старуха спохватилась и крик подняла — почему ты, Афанасий Петрович, дочерей своих и зятьев не зовешь на царскую свадьбу? Ну, я ее заткнул, как смог. А теперь смотри: царский свадебный чин до мелочей прописан. Всю невестину родню давным-давно должны были пересчитать, переписать. Где этот список? Я, что ли, должен его составлять? Сватью свою ярославскую туда вносить, бабушку из Углича?

Трофим. Да, ты в этих делах разбираешься. Мне бы и в голову не пришло.

Афанасий. Я даже удивляюсь Морозову. Выходит, он до того разъярился, что даже приличий соблажности не может. Ивана с Евдокией что ни день к царскому столу зовут, но он ведь с Иваном ни единым словом не перемолвился, ни разу. Зато Стрешневы, его кровные враги, уже пир закатывают в честь родителей будущей царицы, своей новой племянницы. И к Пушкину они приезжали, и другие ездят. И всё Морозовские супротивники. Ты понимаешь, что это значит?

Трофим. Петрович, успокойся. Ты себя уморишь. Положись на Божью волю, на Божью помощь. И думай о хорошем.

Афанасий. Я уже вижу Божью помощь. Когда Василий сказал, что Михайло Андрея призывает, я аж заплакал от благодарности. Я ведь за Андрея

больше всего боюсь. Он мне всех дороже. Если бы не Фимка, я бы просто счастлив был.

Трофим. Да, а ведь уже многие размечтались. Вот государь взрослеет, вот выйдет, наконец, из-под Морозовской опеки. — Но я вот что тебе скажу. Ежели бы какие добрые перемены намечались, друзья наши (*кивает в сторону маленькой дверцы*), которых нам Бог послал, знали бы наперед. И скрывать бы от нас не стали. — А я примечаю, они последнее время ходить стали еще с большим бережением, чем раньше. — Они ведь за себя не боятся. Они боятся за таких, как мы. А это значит, что ни правды, ни добра в государстве Московском не прибавится.

Афанасий. Я Васю просил, чтоб он поговорил обо мне с Михайлой. Очень мне надо. Может, будет мне такое счастье. — Но девонька бедная! Одна в этом логове. Чужую бы пожалел, а она на моих глазах, на моих руках росла.

Трофим наливает ему и себе. Афанасий выпивает свой стакан залпом. Трофим отхлебывает.

В доме Прозоровских.

Князь Сергей направляется к выходу, к нему подбегает молодой слуга.

Слуга. Князь Сергей Симеоныч, так приводить мне сапожника? Или сам к нему пойдешь?

Прозоровский. Не знаю, там посмотрим.

Слуга. Куда еще смотреть? Ведь времени в обрез. Свадьба царская уже назначена. Ну хочешь, старые сапоги подновим? Но ведь подсмотрит кто-нибудь и государю доложит: вот, мол, князь Прозоровский в старых сапогах на царскую свадьбу явился.

Прозоровский (*с невеселым смехом*). Это уж точно.

Неприменно кто-нибудь подсмолит и доложит.
Ладно, зайду к нему прямо сегодня.

У Трофима.

Афанасий и Трофим закусывают. Дверь отворяется,
входит Прозоровский.

Прозоровский. У тебя гости, Трофим Игнатьевич!
(*Взаимные приветствия.*) Поздравляю тебя,
Афанасий Петрович! Ты теперь царский родич.

Афанасий (*смущенно*). До сих пор опомниться
не можем.

Трофим. Да, уж такое счастье привалило.

Афанасий. Привалило, привалило. Как бы не
придавило.

Трофим. Садись с нами, Сергей Симеонович. У меня
тут рыбка знатная, наливка сливовая, какую ты так
любишь.

Прозоровский. Благодарю тебя, Трофим Игнатьич.
У меня ведь должность такая — есть и пить, когда
предложат. Дай хоть у тебя отдохну.

Трофим и Афанасий испуганно переглядываются. Про-
зоровский прохаживается по комнате.

Прозоровский. Афанасий Петрович! Ты ведь у нас
все знаешь. Правда ли, что был такой князь,
который добровольно в монахи постригся?

Афанасий (*с большим удовольствием*). Ты, наверное,
имеешь в виду Вассиана Патрикеева?
(*Прозоровский кивает.*) Про него многие думают,
что он по своей воле постригся. Это потому что он
был великой веры муж и великой праведности.
И премудрый Нил Сорский его своим
преемником соделал. Но все это случилось потом.
А постригли его все же насильно.

Прозоровский (*рассеянно*). За что?

Афанасий. Это было при Иоанне Третьем. В царской семье шла большая распря. А Вассиан, он в миру был Василий, он вместе с отцом своим не на той стороне оказался. То есть на той, что была права, но не на той, что победила. Сначала им обоим головы рубить хотели, но потом заменили монастырем.

Трофим и князь не слушают Афанасия. Князь рассеян, а Трофим в беспокойстве за ним наблюдает.

Афанасий. Ну, старший Патрикеев просто свое отсиживал, как в заключении. А Вассиан подвизался в делах веры и прославился. Но вообще, ежели кто к праведности стремится, вовсе не обязательно идти в монастырь. Апостол Петр, к примеру, монахом не был.

Прозоровский. А из-за чего распря вышла?

Афанасий. Из-за наследования, из-за чего другого? У нас так всегда — брат брата уничтожить готов, ежели...

Прозоровский (*перебивая*). Это не у нас, Афанасий Петрович. Это у них. Разве ты стал бы со своим братом враждовать? — Да я за своего брата жизнь отдам!..

Трофим (*желая прекратить этот разговор*). Погоди-погоди, князь. Ты мне про другое скажи. Что это ты речь про монастырь завел? Уж не думаешь ли ты сам постригаться?

Прозоровский. А если думаю?

Трофим. А если думаешь, то перестань думать. Выкинь из головы. Ты человек подневольный. Над тобой отец, над тобой государь. Отец тебе не позволит, царь на тебя разгневется. Ты ему

об этом даже заикаться не смей. Одним словечком можно себе всю жизнь испортить.

Прозоровский (*выталивает*). А что я буду делать, если отец меня захочет силой женить?

Трофим. Почему силой? Симеон Васильич не таков. Он так тебя любит! Да как тебе это в голову могло прийти?

В дверь просовывается голова слуги.

Слуга. Князь-батюшка, сапожник к нам сам заявился. Выйди к нему, будь милостив.

Князь уходит.

Трофим и Афанасий вдвоем.

Трофим. Что это с ним стряслось? Так женитьбы испугался, что в монастырь захотел? В его-то годы! Брат его старший восемнадцати лет женился.

Афанасий. Служба ему при царе опостылела. Что это за служба? Ешь-пей, рта открыть не смей.

Трофим (*насмешливо*). Иные больными прикидываются.

Афанасий. Иные — простые дворяне, а не царские друзья. Я как в царские родичи попал, мне уже и прикидываться не к чему. Все внутри изболелось.

14. Помещение в подвале Трофимова дома в усадьбе Прозоровских.

Под самым потолком — окошко. За окошком совершенно темно. В помещении светло как днем, хотя не горит ни один светильник.

На лавке сидит Михайло, величавый старец с огромной бородой. Перед ним на коленях стоит Андрей. Он прижимается лбом к колену Михайлы, тот поглаживает его по волосам.

Михайло. Хочешь что-то спросить, дитятко?

Андрей. Хочу, да не осмеливаюсь, батюшка. Ты ведь сам сказал, что Господь мне дал в наставники Василия Матвеевича, и я должен слушать его беспрекословно, пока в духовный возраст не войду.

Михайло. У тебя большая тревога на сердце, говори — не бойся.

Андрей. Ты ведь знаешь, батюшка, что моя сестра... невестой царской избрана. Все родные от радости с ума посходили, а Афанасий Петрович с того дня так затосковал, аж заболел. А он человек мудрый, он учитель мой самый первый. — Как же мне быть? Чего я должен желать, о чем молиться? Она моя сестра любимая. Сможем ли мы и дальше?.. Не случится ли так, что она меня однажды врагом посчитает?

Михайло. Скажи, дитяtko, кого ты любишь больше всего на свете?

Андрей. Господа.

Михайло (*утвердительно кивает*). Это и есть путь жизни, путь истины, которую сам Господь открывает и дарует. Люби Его всем сердцем твоим, всеми помыслами твоими, всею крепостию твоей. Только в любви двое становятся едины. Прилепись к Господу без остатка и увидишь — эта любовь всякую другую объемлет: и к братьям, и к сестрам, и ко всем ближним, и ко всем сирым и голодным, и ко всякой твари. И помни — как бы ты их ни любил, Господь их всегда сильнее твоего любит, но сейчас от них Его любовь сокрыта. А мы здесь для того, чтобы им эту любовь возвещать и открывать.

Михайло берет Андрея за локоть, и тот становится на ноги.

Михайло. Теперь пойдем к братьям, пусть они о тебе поражаются.

Другая часть подвала в Трофимовом доме. За окошками темно, в помещении светло как днем. Вокруг небольшого стола — шесть человек, все они в белых рубахах, их верхняя одежда свалена в углу. Михайло сидит напротив Андрея. По правую руку от Михайлы — Василий Матвеевич, рядом с Василием — моложавый на вид человек с темными волосами и бородой. Напротив них сидят двое странников, один седовласый, другой на вид помоложе.

Андрей. Как же вас много!

Михайло. Молодец, Андрей, правильно ты нас сосчитал. Нас много. А с тобою, когда подрастешь, нас еще больше станет.

Василий (*улыбаясь*). Уже стало. — Когда в большой семье младенец родится, все равно одним братом больше становится, даже если старшие уже с бородами.

Андрей (*к Михайле*). Ты мне позволишь, батюшка, братьев порасспросить? Хотелось бы мне узнать про их жизнь, про них самих. Мне Василий Матвеевич много о себе рассказывал, и о детях своих, и о родне, и обо всех, с кем судьба сводила.

Михайло (*глядя на темноволосого*). Ну тогда пускай Стефан первым начинает. Он ведь других постарше (*остальные смеются*), а сказ у него будет недолгим.

Стефан. Я, Андрюшенька, монахом был и потому ни о жене, ни о детях рассказать тебе не смогу. Родом я из ярославских каменщиков. Деды мои и прадеды с давних пор храмы Божьи возводили. И я с малых лет этому славному делу обучался. И хоть и старался я со всем усердием, да родители мои, люди мудрые, заметили, что стараться я стараюсь, а жить, как все, у меня не получается. И согласились они отдать меня в монастырь. Вот и

стал я там жить, и подвизался, как мне думалось, со всем усердием. Да только Отец мой Небесный заметил, что и там не выходит у меня — быть как все. И вывел Он меня из монастыря, и показал мне совсем иной путь. С тех пор я этим путем и иду. Вот сегодня довелось с тобой на пути повстречаться.

Все смеются.

Михайло. А вот кто тебе о жене и детях порассказать может, так это Илья (*кивает на седебородога*). Он тут младше других. Моложе него только вы с Василием. У него что жена, что дети, что внуки с правнуками — все ему под стать.

Илья. Это потому, Андрюшенька, что мы совсем простые мужики, черный люд. Таким легче других неприметными жить, и спрятаться, когда надо, и, не прячась, от чужих глаз укрываться.

Василий. Вот выйдут новые законы, придется вам перепрятываться.

Илья. Ничего, Господь не оставит. Сказано: Царствие Божие внутри вас есть. А когда Царствие Божие внутри, то хоть в землю закопайся, оно все равно с тобой пребудет. Никто его не отымет. Я не стану сейчас много о своих говорить, придет день — сам с ними увидишься, сами тебе всё расскажут.

Наступает небольшая пауза.

Андрей. А... брат Даниил?..

Даниил (*четвертый странник*). Брат Даниил, Андрюшенька, не так удачлив был в своей семье, как брат Илья. Я ведь дворянин... был... как и ты. Тебе же известно, кто разделение положил между дворянами и прочими людьми? (*Андрей кивает.*) А за этот грех платить приходится. — Кому больше, кому меньше, но все до копейки отдать

надо. И вот когда мои близкие еще живы были, стал я для них умершим.

У Господа все живы, да только не все про это знают. Он сказал: жизнь и смерть предлагаются тебе, избери жизнь. Вот, все, кого ты тут видишь, избрали жизнь. А другие, почему-то, всякий раз предпочитают смерть.

Трофим и Афанасий продолжают угощаться.

Трофим. Придется мне еще раз с князь-Сергием поговорить. Чтобы он к отцу своему не вздумал с этими мыслями заявиться. Симеон Васильич огорчится, разволнуется. — Ты правду сказал, уж очень они на виду. Ведь на Верху как? Убивай-притесняй кого хошь безнаказанно. Но ежели в твоей голове не те мысли подглядят-подслушают, то вместе с головой и оторвут.

Из маленькой дверцы выходит Илья.

Илья (*Трофиму*). Ну что, хозяин, пришла пора прощаться. Благодарю тебя за приют, за хлеб-соль, за ласку. (*Обнимается с Трофимом. К Афанасию*) А тебе, Афанасий Петрович, за питомца твоего благодарность.

Афанасий. Я сам за него Бога благодарю. Послал Он мне утешение в этой скорбной жизни.

Трофим. Ты, Илья, к родным своим направляешься?

Илья. Надобно мне, надобно. На них посмотреть, себя показать.

Трофим (*выходя вместе с ним*). У нас с Поликарпом все для тебя приготовлено.

Помещение в подвале.

Там остались только Михайло, Василий и Андрей.

Андрей стоит возле двери, Михайло и Василий у противоположной стены.

Михайло. Скажешь, как я тебе наказал. И Афанасию скажешь, и Трофиму.

Василий (*тяжело вздыхая*). Батюшка, почему ты сам Трофиму не скажешь?

Михайло. Потому что, ежели он ослушается, то лучше ему тебя послушаться, а не меня.

Горница Трофима.

Афанасий за столом, возвращается Трофим.

Входят Василий и Андрей.

Василий. Сегодня, Игнатъич, у тебя постояльцев не будет.

Трофим (*невольно вскрикивая*). Ах! Вот так и ушли?

Василий. Как пришли, так и ушли.

Афанасий (*горестно*). А я так надеялся, что Михайло Иванович что-нибудь мне скажет.

Василий. Михайло велел передать тебе, Афанасий Петрович, чтобы ты еще малое время потерпел, а потом он сам тебя посетит и обо всем с тобой побеседует.

Афанасий. Ой, Васенька, родной, как же ты меня порадовал!

Андрей сияет от радости.

Василий. А теперь забирай Андрюшу и езжайте домой.

Афанасий. А ты что?

Василий. Я вас догоню, догоню. Если не сегодня, так завтра.

Андрей и Афанасий садятся в сани. Сани трогаются. Оба седока едут в блаженной задумчивости.

Андрей (*прикасаясь к рукаву Афанасия*). Хочешь, я буду править?

Афанасий. Что ты, милый, мой Рыжик сам знает, куда ехать и как ехать. Я только для виду правлю.

Горница Трофима.

Трофим сидит за столом, удивленно поглядывая на Василия. Василий не сразу решается заговорить.

Василий. Трофим! Мне Михайло Иванович наказал поговорить с тобой. (*С ударением*) У меня к тебе слово, Трофим. (*Делает большую паузу.*) Скажи, Трофим, может ли человек оставаться равнодушен, когда его ближнему... когда его брату грозит беда?

Трофим. Никак не может, Васенька. Бросить человека в беде — это подлость величайшая, это страшный грех.

Василий. Трофимушка, тебе беда грозит. Михайло сказал, чтобы ты все бросил и немедленно из Москвы уходил. Денег у тебя предостаточно, отходные пути тебе известны. Игнату дадим знать. У тебя много где есть друзья. Ты не пропадешь.

Трофим. Подожди-подожди! А как я брошу все, что на мне? Что я князю своему скажу?

Василий. Князь твой знает, что через Михайлу сам Господь говорит. Так ему и скажешь — Михайло велел. А еще лучше — письмо ему оставишь. А об имениях княжеских — что тебе беспокоиться? Поликарп не хуже твоего все дела знает. Он и моложе, и сноровистей.

Трофим. Да подожди ты, Вася! Какая мне может грозить беда, откуда?

Василий (*повышая голос*). Михайле лучше знать! Раз он говорит — слушать надо!

Трофим. А почему он сам ничего мне не сказал?

Василий (*свистящим шепотом*). А тебе непременно надо, чтоб он сам тебе сказал? Когда он тебя много лет назад от верной гибели спас, он сам к тебе говорил или через меня? Забыл уже? Забыл, как твой старший брат звал тебя уходить от Прозоровских и на отцовское наследство торговлю заводить? Кто тебе настрого велел здесь оставаться? — Михайло. И ты остался, а брат твой ушел, и все потерял, и со всей семьей был в рабство продан. Уйди ты с ним, и тебя бы продали. Но ты остался, и большим человеком стал, и брата выкупить сумел.

Трофим. Васенька, как же мне этого не помнить? Что уж про Михайлу говорить, я тебя с тех пор как ангела Божьего почитаю. — Но уж раз о прошлом речь зашла, дай я буду честен с тобой до конца, скажу как на исповеди. — Брат мой из гордости решил от Прозоровских уходить. Он считал, что после смерти нашего отца он должен стать тут главным управляющим. А покойный князь Василий Иванович чужого человека ему предпочел. — А во мне гордости мало, наверное. И очень уж мне не хотелось расставаться с Симеон Васильичем. Я с ним вместе рос, мне было лучше кем угодно при нем оставаться, чем становиться самостоятельным купцом. Так что видишь, грешен я — не послушание во мне говорило тогда, а желание моего сердца. Но Господь меня поддержал, и я этого не забываю никогда.

Василий. Но теперь-то тебе велено уходить. Ты на краю страшной беды. На то мы и Божьи люди, чтобы наперед видеть.

Трофим. И что ты видишь, Вася?

Василий (*с отчаянием*). Я же сказал тебе, беда тебе грозит страшная.

Трофим. Да что со мной может случиться? Земля что ли подо мной развернется? (*Василий тяжело молчит.*) Ты пойми, Вася, я же не иголка в стог сена, я же не простой раб князя Прозоровского! Его каждый первый тогда спросит — куда твой управляющий подевался? Куда сбежал, почему сбежал? А князь Иван, сын его старший, под Смоленском над войсками начальствует. И на него тень ляжет. Начнут измену какую искать. (*Василий чуть не плачет.*) Ну дай мне сроку, дай мне подумать. Неделя хоть у меня есть?

Василий. А если нету?

Трофим. Ну, я буду думать, я придумаю что-нибудь. — Ты еще зайдешь ко мне?

Василий. Я у Корионова стою. Понадоблюсь — присылай за мной. Или сам туда приезжай.

Василий надевает свой верхний кафтан, берет Трофима за обе руки, крепко сжимает их, притягивает его к себе.

Василий. Проводи меня до ворот. Я богатый купец, меня проводить не стыдно.

Трофим и Василий выходят на крыльцо, к ним навстречу бежит Поликарп.

Поликарп. Трофим Игнатьевич, тебя князь-батюшка к себе требует.

Трофим обнимается с Василием и быстрыми шагами направляется в княжеский терем. Поликарп берет Василия пол локоток и бережно ведет его к воротам.

Василий. Послушай меня, Поликарп. Ежели кто

станет тебя расспрашивать про нас... ну, про меня и про братьев моих, то говори прямо — что тебя к Прозоровским Кузьма Кузьмич заслал и ты обо всем, что знал, ему докладывал, и не ты один. — Только помни — сверх того, о чем вы говорили в тот раз, ему ничего не известно. У него здесь кроме тебя никого больше нет. А ты делай вид, будто этого не знаешь.

Поликарп. Батюшка, а как же я после этого сюда ворчусь?

Василий. А так и воротишься. Кузьма ни тебя, ни себя обнаруживать не захочет.

Поликарп. Неужто гроза собирается, батюшка Василий Матвеевич?

Василий. Будет гроза, будет и ведро. (*Обнимает Поликарпа.*) Держись. Всегда и во всем уповай на Господа. Придет время, ты нам понадобишься.

15. Василий медленно идет по вечерним улицам, опираясь на дорогой посох с серебряным набалдашником. Повсюду звонят колокола. Народ спешит ко всенощной. Василий подходит к небольшой церковке, садится на приступку церковной ограды и долго сидит, свесив голову и подперев ее рукой.

Подходит благообразный юноша, оглядывает Василия, его добротную одежду, дорожную трость.

Юноша. Что с тобой, сударь? Тебе не дурно ли? Может, тебя домой проводить или сбегать за твоими? Ты где живешь?

Василий. Нет, сынок, благодарю тебя, я здоров. — Так просто, задумался. — Храм этот во имя апостола Филиппа, а у меня брат младший был, Филиппушка. Вот вспомнил я о нем и загрустил.

Юноша (*участливо*). А давно он помер?

Василий. Для тебя — так очень давно. А для меня — как вчера. А уж двадцать шесть годков миновало.

Юноша (*с облегчением*). Ну, что поделаешь. Все там будем. Сказано ведь: прах ты и в прах возвратишься.

Василий. Еще и многое другое сказано, сынок. (*В глазах Василия стоят слезы.*) А так больно с братьями расставаться, так больно младших братьев терять. (*Из храма доносится громкое пение. По щекам Василия текут слезы.*) Иди, сынок, дай тебе Бог здоровья.

Голос хора звучит все громче, перерастая в торжественную службу в Успенском соборе Кремля.

Всенощная в Успенском соборе.

Мужчины стоят справа, женщины слева.

Ирина, обнимая Фиму, тихонько меняется с нею местами, так что царь и Фима оказываются рядом друг с другом через проход.

Царь и Фима смотрят в сторону алтаря, затем медленно поворачивают головы и с тем же молитвенным обожанием смотрят друг на друга.

Царевна Анна стоит рядом с Татьяной в первом ряду.

Наконец она не выдерживает и оглядывается назад.

Прозоровский, стоящий далеко позади, ищет Анну глазами, прижав на цыпочки. Их взгляды встречаются.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Ночь. Женская половина царского терема. Спальня младших царевен.

Нянька спит, сидя в кресле, уронив голову на стол.

Татьяна спит в своей постели.

Анна лежит, притворяясь спящей. Убедившись, что другие спят, Анна выскальзывает из-под одеяла и выходит за дверь, прихватив с собой большой платок и обувь.

За дверью.

Анна обувается, заворачивается в платок и начинает свое хождение.

Анна (*про себя*). Я ведь все понимаю, но я ведь только так с тобой поговорить могу. Я только тогда с тобой побыть могу, когда я совсем одна. А днем они всё говорят, говорят, и слушать надо, и что-то отвечать. А спать — какой толк? Все, что угодно, приснится, кроме тебя. — Они говорят, кто совсем не спит, долго не проживет. Только это и утешение. (*Анна, сгорбившись, идет дальше.*) Неужто я отсюда в ад попаду? Неужто мне там будет больнее, чем здесь?

Женский терем. Коридор, в который выходят покои Фимы.

Манка Харитоновна, ползая на четвереньках, чертит на полу знаки чем-то похожим на кусок воска.

Спальня Фимы.

Фима спит. Настасья при свече бормочет молитвы.

За дверью.

Манка чертит на дверных косяках, на пороге.

Анна продолжает свое хождение.

Анна (*про себя*). Ты меня любишь, я знаю. Ты меня так же любишь, как я тебя люблю. Если бы не моя судьба злая, ты бы только на мне женился. (—) Только ты не женись на ком другом, ты подожди, пока я умру. Ведь я же все равно умру. (—) Хорошо, если там ничего нет. А если есть? Я ведь и там о тебе тосковать буду.

Манка шарит по полу перед покоем Фимы.

Анна, минуя спящих на сундуках служанок, приближается к Манке.

Анна (*шепотом*). Кто здесь? Что ты тут делаешь?

Манка. А! Матушка-царевна! Я застежечку, застежечку с себя обронила. Агатова застежечка, в золоте. Вечером наряды носили Евфимии Ивановне примерять, воротилась, а застежечки моей и нет. Всюду обшарила, сюда пришла поискать.

Говоря все это, Манка стоит перед Анной на коленях, прижимая к груди правую руку, а левой пытается оторвать застежку от своей одежды.

Анна. Врешь ты все. Ты тут ворожкой занималась. Ведь ты же Манка-вышивальщица? — Еще покойная царица говорила, что ты ведьма и надобно тебя прогнать.

Манка. Матушка-царевна! Не погуби! Какая же я ведьма? Я едва на кусок хлеба зарабатываю.

Пощади, матушка-царевна! У меня муж хворый совсем, дети малы! Я одна их кормлю! Погубишь меня — с голоду помрут.

Анна. А, у тебя муж, дети!

Манка (*оторвав, наконец, застежку*). Вот она, моя застежечка. Чуяла я, что здесь обронила.

В окно падает лунный свет. Застежка блестит на Манкиной ладони.

Анна (*злбно*). Нет мне дела до твоего мужа и твоих детей. И до кого другого мне тоже дела нет. Нашла свою застежку — убирайся отсюда.

2. Утро. Покои Фимы.

Фима сидит перед туалетным столом, Настасья расчесывает ей волосы. Вокруг — служанки, боярыни и прочие.

Анфиса. Ах, ну кто еще так причешет, как Настасья Порфирьевна! Я бы к такой красоте и прикоснуться побоялась.

Настасья кладет на туалетный стол гребень с маленьким облачком волос и начинает заплетать Фиме косу.

Анфиса вперяет в гребень хищный взор.

Одна из служанок, перехватив взгляд Анфисы, усмехается и отворачивается.

Настасья, словно почувствовав их взгляды, зажимает косу в кулак, а другой рукой снимает волосы с гребня и прячет за пазуху.

Анфиса замечает на ковре упавший длинный волос и не сводит с него глаз.

Анфиса. Ах, ну какая же коса, отродясь такой не видывала.

Фима (*раздраженно*). А я ничуть не хуже видывала. Сколько угодно.

Настасья (*вызывающе*). А я и лучше видывала. У моей Грушеньки смолоду еще лучше была.

Старая боярыня (*подобострастно*). Грушенька — это Аграфена Никитишна, тетушка государыни? (*Фима с Настасьей кивают.*) Ох, она и сейчас куда как хороша.

Настасья. А лучше всех была моя барыня покойная, Фиминая бабка.

Анфиса роняет ключи, наклоняется их поднять и, засловившись рукавом, завладевает упавшим волосом, намазывая его на ключ.

Женский терем.

Манка Харитонова за работой в отдельной комнатке. Входит Анфиса. Протягивает Манке скрученный волосок.

Анфиса. Вот, еще волос. С трудом добыла. (*Вынимает из-под полы сверток.*) А вот сорочка ее ночная.

Манка. А что стирать отдала?

Анфиса. Другую, из новых. Я в ней сама две ночи поспала.

Манка. Хорошо, стало быть, грязная сделалась.

Анфиса. Пойду, а то меня хватятся.

Манка. Иди.

Анфиса уходит. Манка смотрит на волос, на рубашку, потом комкает их и швыряет в угол. Манка сидит, тяжело задумавшись.

Женский терем.

Анфиса сидит в окружении портных и скорняков. Скорняк демонстрирует ей собольи шкурки. Он растя-

гивает каждую шкурку с хлопком и приговаривает: «А?»
Анфиса одобрительно кивает.

В дверь заглядывает Манка Харитонова.

Манка (*плачущим голосом*). Анфиса Герминовна!
У меня все иглы вышли. Которые обломались,
которые покривились. Ты бы поговорила боярыне
Годуновой, чтоб в город меня отпустила, новых
купить. Кому другому доверить не могу, тут свой
глаз нужен и к руке примерить надо.

Анфиса. Сходи к ней сама, Марьюшка, да объясни.
Я ведь ее пуще огня боюсь. В твоём ремесле я не
смыслю, еще что не так скажу. А ты сходи да
объясни.

Манка. Так ты мне позволяешь?

Анфиса утвердительно кивает, отмахивается от Манки
и начинает неистово тереть соболями шкурку.

Женский терем.

Годунова с прислужницей проверяет счета.

Служанка впускает Манку. Манка опускается
на колени.

Годунова смотрит на Манку исподлобья.

Годунова (*прислужнице*). Сходи к Борису Иванычу,
спроси, когда я могу ему счета показать.
(*Прислужница уходит. К Манке*) Что случилось?

Манка. Мне в город надо. Иглы новые купить.

Годунова (*наклоняясь к ней*). Что, ничего не выходит?

Манка. Это все пустое. Мне сходить надо. *Туда же.*

Годунова (*со вздохом*). Времени так мало. Успеешь ли?

Манка. Если туда схожу, то успею.

Годунова (*усмехаясь*). Неужто старая ведьма сильнее
тебя оказалась?

Манка. Она тут ни при чем. Девушка со всех сторон заперта. И щелчки малой нет, чтобы пролезть.

Годунова. Кто же ей такую охрану поставил?

Манка. Не мне искать. Отпусти меня, а то время уходит.

Годунова. Трудно тебе. Жаль мне тебя. Времени тебе совсем не дали, а работу требуют. — А ведь в этом деле и перестараться можно. (*Смотрит на Манку выразительно.*) Тогда виновных станут искать здесь. И ты первая будешь. А ежели они повенчаются, и она после того порченная окажется, то их уже не развенчать, а виновных все равно искать будут.

Манка. А ежели другое испробовать? (*Встает с колен и шепчет Годуновой на ухо.*)

Годунова (*отрицательно качая головой*). Об этом и думать нечего. Там Феодора Ивановна. Она все и всех в своих руках держит. Туда и муха не залетит. — Нет, годится только одно — чтобы она до свадьбы порченной оказалась. Тогда вся вина ложится на тех, кто знал, да утаил от государя своего. И тогда пускай казнят кого угодно. Хоть весь град Касимов. — Иди, куда шла, помогай тебе Бог.

Манка выбегает на Соборную площадь. Кланяется и крестится во все стороны. Смотрит злобно в сторону царского терема.

Манка (*шепотом*). Будьте вы прокляты!

Годунова сидит, тяжело задумавшись. Входит при-
служница.

Прислужница. Матушка Дарья Кирилловна, тебя Борис Иванович со счетами зовет.

Годунова медленно поднимается и понуро бредет к Морозову.

3. Кабинет Морозова.

Морозов и Назар Чистой проверяют счета. Входит служитель.

Служитель. Светлая боярыня Дарья Кирилловна пожаловала.

Входит мрачная Годунова, тяжело опускается на стул.

Чистой. Ну вот ты скажи, матушка Дарья Кирилловна, так ли уж нужно новые ложки заказывать? Неужто, ежели старые начистить, они хуже блестеть будут?

Годунова (*несколько оживляясь*). Нет, Назар Петрович, вот про это ты мне не говори. Государь у нас один, дитяtko наше родимое Алексей Михайлович. Женится он один раз, и на свадьбе его все должно быть новое. Коли в казне денег не хватает, мы с Борисом Ивановичем кровных своих не пожалеем.

Через Соборную площадь спешит Кузьма.

Кузьма, запыхавшись, входит к Морозову, слегка кланяется всем присутствующим и забивается в угол.

Морозов (*Чистому*). Иди, Назар, и проследи, чтобы все было сделано как надо.

Чистой уходит, окинув всю компанию ироническим взглядом.

Годунова (*тихо*). Она в город отпросилась. (*Мотнув головой*) Туда. Где Смоленское кладбище.

Кузьма (*одобрительно кивая*). Хорошо. Она верно рассудила. — Никто не мог за ней увязаться?

Годунова. Некому. Сам знаешь, что в теремах никого Стрешневских не осталось.

Морозов (*с невольным смешком*). Кроме родных племянниц.

Кузьма. Скоро новая появится. Они каждый день ее здоровье пьют.

Морозов (*совершенно убитый*). Пропало все. Прахом все идет.

Годунова. Ничего не пропало. Она головой ручается.

Морозов. И что же ты с ее головой делать станешь? — Вот мы с Кузьмой посмотрим.

Кузьма (*размышляя вслух*). Времени ей дали мало. (*Годунова согласно кивает.*) Можно сказать, совсем не дали. (*Морозов свешивает голову.*) Ну, значит, больше и не надо. Ведь колдовство не так просто устроено. Слишком умные совсем в него не верят, слишком глупые всецело на него полагаются. А оно — кого берет, а кого нет. Ведь попадают и такие, кого даже яд не берет. Редко такое бывает, но что хотя бы один раз случилось, того уже не обойдешь. — Нет, она как надо рассудила. Все верно.

Морозов. Как бы у нее не вышло того, что не надобно.

Кузьма. Борис Иванович, а ежели у нее ничего не выйдет, ты что, так на этом и согласишься?

Морозов вскакивает с места, прижимается лбом и кулаками к стене и глухо стонет.

Кузьма. Я больше не надобен, я пойду. — Ты,

матушка Дарья Кирилловна, помнишь, что награда ее у меня? (*Годунова кивает.*) Вот когда она все сделает, растолкуешь ей, как меня найти. И я с ней расплачусь.

Кузьма уходит, Морозов и Годунова остаются вдвоем.

Морозов. А она, часом, не хитрит?

Годунова. Это ты, Борис Иванович, сам себя перехитрил. Где это видано, чтобы свадьбу назначали так близко от смотрин? Кто как не ты Алешке потатчиком был? Распалил мальчишку, думал, он второпях, кроме твоей Милославской, никого не заметит.

Морозов. Ну бей меня, бей. — А тебе ведомо, что царевна Ирина до того красавицу касимовскую обворожила, что та уже на все из ее рта смотрит? А тебе ведомо, кого Ирина больше всех ненавидит?

Годунова. Тебя, Борис Иваныч, тебя. Она не зря у нас умнее умного. Она сумела дознаться, что когда ее королевича ехать в Москву зазывали, то ему было обещано, что не станут ему предлагать креститься заново. Хватит с него одного крещения. — А когда он приехал, кто здесь первым ревнителем веры соделался? Уж, наверное, не я! И патриарх тоже не мною поставлен.

4. Кузьма быстрым шагом направляется в свою контору. У входа сталкивается со своим служителем.

Служитель. Кузьма Кузьмич, там тебя гости ожидают.

Кузьма. Издалёка?

Служитель (*подчеркнуто равнодушно*). Не ахти как издалёка. Из града Касимова.

Кузьма. Ах вот оно что!

Кузьма входит внутрь. Взгляду Кузьмы предстают его порученец и приезжий «свидетель». Последний при виде Кузьмы вытягивается в струнку и даже поджимает уши.

Кузьма одобрительно оглядывает приезжего.

Кузьма. Так-так! Значит, ты из Касимова?

Приезжий (*кивает*). Из Касимова.

Кузьма. А по каким делам в Москву прибыл?

(*Приезжий таращит на него глаза.*) По торговым, конечно. — И чем же торгуешь? Небось, рыбой вяленой. И, небось, пошлину не заплатил. Ну ничего, Кузьма Кузьмич за тебя заплатит.

Приезжий криво улыбается.

Кузьма, немного подумав, продолжает.

Кузьма. Грамоту знаешь?

Приезжий. Знаю.

Кузьма. И писать умеешь?

Приезжий. Я больше читать.

Кузьма. Ну и хорошо. А запомнить сможешь, что за тебя напишут?

Приезжий (*кивая*). Я хорошо запоминаю.

Кузьма. Ну вот скоро и проверим, как ты запоминаешь. (*Указывает на порученца*) Ты у него постоишь несколько дней, и смотри, чтоб со двора — ни шагу. (*Внимает маленький мешочек с деньгами, отдает порученцу.*) Это тебе на прокорм гостя. (*К приезжему*) А ты потерпи. Как только службу исполнишь, я всю твою рыбу куплю вместе с возом.

Порученец посылает Кузьме выразительный взгляд.

Кузьма (*приезжему*). Ладно, ты больше не надобен, выйди в сени, остудись.

Приезжий выходит. Кузьма с порученцем остаются вдвоем.

Кузьма (*усмехаясь*). Ну давай, говори. Ужели в Касимове что новое сыскалось?

Порученец (*с жаром и подобострастно*). Сыскалось, Кузьма Кузьмич, да еще на ком! На таких людях!

Кузьма. Что же это за люди?

Порученец. Царский окольник боярин Пушкин и касимовский соборный протопоп.

5. Поздний вечер. Манка Харитоновна темными закоулками пробирается к Смоленскому кладбищу. Оглядевшись по сторонам, она втягивает голову в плечи и, плотнее закутавшись в верхний плат, пускается через кладбище.

Отыскав дыру в ограде, Манка пролезает в нее и почти бегом припускается в направлении невысокой избушки. Манка дважды стучит в дверь и, не дождавшись ответа, входит в темные сени. Затем она стучится в следующую дверь и сразу же открывает ее.

Манка оказывается в слабо освещенной небольшой горнице, уставленной и увешанной всеми атрибутами ремесла хозяина.

Хозяин (Федька Минкин) поднимает на нее тяжелый взгляд.

Федька. Пожаловала, наконец. Я уж думал, больше не придешь.

Манка. Жизнь заела, Феденька. Нелегкая жизнь.

Федька. Оно и видно. Не помолодела.

- Манка** (*обиженно*). Я, Феденька, уже столько ночей не сплю, другим бы так, посмотрела бы я на них.
- Федька**. Дело сделать не можешь, потому и к Федьке прибежала. Я уж думал, не придешь больше. А как понадобился Федька, так и прибежала.
- Манка** (*несколько развязней*). Да я же не от себя, Феденька. Меня ведь опять на Верх позвали. С тех самых пор не звали, а вот теперь нужда случилась.
- Федька** (*кивает*). Я как узнал про царский выбор, сразу подумалось, что кто-нибудь оттуда да пожалует. (*Усмехается.*) Может ли такое быть, чтобы одна девица всем и каждому угодила? А уж раз тебя прислали, значит, самому-самому не угодила.
- Манка**. А ежели бы не я пришла, Феденька, а кто другой? Что бы ты делать стал? Неужели пособил бы?
- Федька**. А почему же нет? (*Ухмыляется.*) Дал бы свиного сала с воском перетопленного — хошь других травы, хошь сам с хлебом ешь. (*Громко фыркает.*) Федьку Минкина никто к судье за обман не потащит. Коли ничего не вышло, стало быть, ангел-хранитель помешал. Вот пускай ангела-хранителя и тащат к судье. (*Довольно улыбается.*)
- Манка**. Феденька, с девицей этой трудно справиться. Заговорённая она. Сильно заговорённая. Никакие чары ее не берут.
- Федька**. Ишь какая нашлась, чародейка-чаровница. Ты мне еще про колдовство поговори. Колдовство — одно баловство. В него только дураки верят. (*Фыркает.*) Потому оно их и берет. — Ты давай говори, что с тебя требуют, чего им надо.
- Манка** (*мрачно*). Надо, чтобы девица до свадьбы оказалась порченной. А свадьба на носу.

Федька. Так чего ты ждала, чего сразу не пришла?
Загордилась больно, думала, без Федьки
обойдешься?

Манка. Я, Феденька, не первый день... *(делает паузу)*
работаю... Я знала, за что берусь. Говорю тебе,
девица эта непростая.

Федька. Вот выставил бы я тебя за дверь за твою
гордость, да только тогда Кузьма меня самого с
воском и салом перетопит. — Ладно, не сердись.
Это я так, для острстки.

Федька встает, подходит к одному из поставцов, вынимает маленький кувшинчик, переливает из него в крошечный глиняный сосудик, заклепывает воском и отдает Манке.

Федька. Вот. Серьги, гребни, любое, что к голове.
Много не мажь, едва-едва. Руки вымоешь, чтобы
за голову ненароком не схватиться, а без того —
не страшно.

А у тебя это затем, чтобы нитку медную
травить. Ты же у нас вышивальщица знатная.

Манка. Феденька, голубчик, ты меня спасаешь. Меня
этот Кузьма проклятый уже всем старым
припугнул. И Годунова, дьяволица, страшает.
Можно подумать, это все мне нужно, а не им.

Федька. Денег, небось, не принесла?

Манка. Какие деньги? Мне их кто дал?

Федька. Знаю, знаю, что не дали. Эти стервецы
кремлевские считают, что уже тем со мной
расплачиваются, что меня не трогают. Ну их
в болото. — А ты, Манка, как работу исполнишь,
заглядывай сюда. Авось, помолодеешь.

6. Кремль. Женская половина царского терема.
Настасья Порфирьевна, принаряженная, оглядывает

себя в зеркало, последний раз крестится на образа и отправляется на главную, царскую половину. Перед ней идет пожилая степенная женщина, замыкает шествие девушка-служанка, несущая в руках короб с подарками.

Горница в царских покоях.

Федора важно восседает в кресле.

Смущенная Настасья переминается перед Федорой с ноги на ногу.

Настасья. Вот, Федора Ивановна, пришла тебе поклониться, здоровья тебе пожелать. — Ты уж не взъщи с меня, с деревенской. Я ведь ни ступить, ни молвить не умею, а уж перед тобой и вовсе робею — ты же самого царя-батюшку нашего выпестовала.

Федора (*милостиво*). Да ты садись, Порфирьевна. Я тебе рада. — Нам с тобой сейчас пирожков подадут сладких и вина медового. Оно почти не хмельное, чуть крепче кваса.

Настасья (*спохватываясь*). А государыни-царевны и моя Евфимия Ивановна тоже поклон тебе шлют и подарки просят принять, в знак своей к тебе любви и уважения.

Произнеся заученный текст, Настасья переводит дух, затем берет из рук служанки короб, открывает его и с поклоном подносит Федоре.

Федора вежливо и равнодушно заглядывает в короб.

Федора. Передай царевнам мою благодарность. — Только зачем мне, старухе, все это нужно? Одна у меня драгоценность — государь мой ненаглядный Алексей Михайлович. И кроме его счастья мне и желать-то больше нечего. (*Пауза.*) Ты расскажи о себе, Порфирьевна. Кто у тебя там в деревне остался, есть ли дети свои?

Настасья. Детей у меня четверо. Уже и правнуки есть.

А муж мой, Царствие ему небесное, третий год как помер.

Федора. Я вот в Великую Смуту всю семью потеряла. Все голодной смертью померли — и братья с сестрами, и муж мой, и дите малое. И мне бы той же гибелью погибнуть, кабы не государыня Марфа, бабка царская, кабы не взяла она меня к себе в услужение. — Ты, чай, тоже те времена помнишь? Старики говорили, от сотворения мира страшнее не бывало.

Настасья. Как не помнить, матушка, как не помнить этой лютой беды! — Только у нас никто от голода не помер, ни одна душа. Барин мой покойный, Фимушкин дед, все что мог заложил да продал, сам вконец разорился, а людей своих накормил.

Федора (*глядя мимо Настасьи*). Значит, праведный был человек. Вот теперь по заслугам его внучка его... так высоко вознеслась. — А царские дед и бабка в ту пору сами великую нужду терпели и гонения всяческие, сначала от Годунова-супостата, потом от польского короля.

Настасья (*торопливо*). Мне сказывали, сказывали, Феодора Ивановна, что ты все беды с царской семьей разделяла, все силы государям нашим отдавала. И теперь тоже отдаешь.

Обе няньки выпивают по глотку вина, съедают по кусочку пирожка. — Аудиенция закончена.

Федора. Ну что ж, рада была тебя узнать, Порфирьевна. Бог даст, получше узнаю. — Ступай, береги свою питомицу. Дай Бог здоровья и тебе, и детям твоим, и внукам, и правнукам.

7. У Яузских ворот.

Во двор Корионовского дома въезжают богатые сани,

запряженные тройкой лошадей. В санях восседает Евдокия Никитишна. Немногочисленная челядь Корионовых при виде ее падает на колени.

Евдокии помогают выйти из саней, она устремляется в дом.

Маланья выходит ей навстречу и тоже опускается на колени.

Евдокия (*в сердцах*). Ты что, сдурела, Малашка? Ты меня впервые видишь? Мы с тобой вместе выросли.

Маланья (*вся сияет*). А мне в радость, Евдокия Никитишна. Наша барышня теперь царская теща. Кому такое присниться могло? (*Стоя на коленях, склоняется и целует пол.*)

Евдокия. Тьфу! (*Бросает ей верхнюю одежду, идет в горницу.*)

В горнице.

Евдокия, Аграфена, Афанасий.

Евдокия и Аграфена целуются.

Афанасий (*вставая*). Здравствуй, матушка Евдокия Никитишна.

Евдокия (*со слезами в голосе*). Петрович, ты теперь меня своей сестрой не признаёшь?

Афанасий (*смущенно*). Дуношка, ведь ты меня знаешь, меня же хлебом не корми, дай только пошутить.

Евдокия. Я, видно, шутить уже разучилась. Я теперь другому учусь.

Евдокия прижимается лбом к плечу Афанасия, затем делает несколько шагов по комнате.

Евдокия. Где мой сын?

Аграфена. Дома. Позвать?

Евдокия. Не надо.

Афанасий. А хозяин твой где?

Евдокия. Лег отдохнуть и заснул. А я сразу к вам.

За дверью, неплотно закрытой, появляется Андрей. Он не входит внутрь, но внимательно слушает.

Евдокия. Скажи, Петрович, это ты надоумил Андрея до свадьбы в Кремль не показываться?

Афанасий. Нет, это Василий Матвеевич.

Евдокия. Спаси его Господи. Вот уж поистине Божий человек. Ангел-хранитель. — А после свадьбы он нас не покинет?

Афанасий (*твердо*). Можешь быть спокойна, Дуня. Василия твоему сыну Бог послал, и он его ни за что своими наставлениями не оставит.

Аграфена. Да что случилось? Неужто вас там (*взглядом указывает наверх*) кто обидеть мог?

Евдокия. Да пусть меня хоть по сто раз на дню обижают, мне все Божия роса. — А что случилось, то уже случилось. В тот самый день случилось, когда Фимку (*тяжело переводит дух*) выбрали.

Аграфена усаживает ее, берет за руку.

Аграфена. Да ты не вопи, а расскажи спокойно, что тебя так из себя вывело. Глядишь, окажется, что все это пустяки.

Евдокия (*сжимая руку сестры*). Были мы сегодня опять за большой государевой трапезой. Сели, как водится, я с боярынями в левом ряду, Родионыч с боярами насупротив, в правом. О чем-то я задумалась, и тут слышу, как государь к моему Ивану обращается и спрашивает: на какого Андрея у твоего сына день ангела? Который, говорит, он у вас Андрей? Ну, я в их сторону оборачиваюсь —

меня ведь все же касается — и вижу Морозова. А он аж черный стал. И я смотрю, государь тоже это заметил, больше ни слова Ивану не сказал, совсем о другом с каким-то князем заговорил. (*Афанасий протяжно вздыхает.*) Что же выходит, до того Борис царя к новой родне ревнует, что тот сам это видит и смущается?

Афанасий (*печально*). Дунюшка, Борис Морозов нашего царя с пятилетнего возраста пестует. Он его и азбуке учил, и тому, как государством управлять. Этому ведь тоже учиться надо. И больше никого у царя нет, на кого бы он опереться мог. Почему так случилось, лучше сейчас не говорить. Но с Морозовым он должен считаться, он не может иначе.

Евдокия. Да он его боится, ты понимаешь ли? Боится он его! — А Борису, видать, мало этой боязни. Стало быть, вперед заглядывает, ждет, что рано или поздно все изменится.

Афанасий. Дуня, из тебя уже кардинала Мазариния можно делать.

Андрей за дверью зажимает себе рот, чтобы не расхотаться.

Евдокия. Я не знаю, про кого ты говоришь, Петрович. Я хочу знать, что с нами будет, с сыном моим что будет? Мы с Иваном уже не раз и не два боярам говорили, что он на Верх являться робеет, что он беспрестанно монастыри обходит. А уж я-то знаю, какой он робкий. Его туда пусти, он и царю, и Морозову станет правду-матку резать. Он никого и ничего не побоится.

Аграфена (*растерянно*). Может, кто-нибудь царю шепнет, чтобы его на воеводство куда отправили? Не очень далеко, к примеру, в Ярославль.

Андрей за дверью низко кланяется.

Аграфена. И мы бы с Петровичем туда перебрались.

Евдокия (*в сердцах*). Лучше прямо в Углич. Как царевича Димитрия. (*Спыхватившись, бьет себя по щеке, затем крестится, шепча покаянную молитву.*)

Афанасий. Я же говорю — кардинал Мазариний.

Евдокия. Родные вы мои, ведь я уже сама себя не узнаю. — Вот вернулись мы давеча (*почти шепотом, с отвлечением*) из этого Кремля. Приезжает к Пушкиной сродственница ее, боярыня Шеина. Ну о чем еще бабы говорят? Сперва о том-о сем, а потом, конечно же, о сватовстве. У нас сын, у нее там крестниц и племянниц пруд пруди. Так какая у меня была первая мысль?

Афанасий (*с грустной улыбкой*). Что ее Морозов подослал.

Евдокия. Да. Но этого мало. — Говорит она, говорит, и тут я слышу собственный свой голос, и будто бы не я это говорю, а кто за меня. А у Андрея, говорю, в Касимове невеста осталась, все у нас уже с ее родителями оговорено, и любит он ее очень.

Андрей за дверью разводит руками.

Аграфена. Да он же про нее больше слышать не хочет, про Барашову эту.

Евдокия. Уж наверное!

Аграфена. А что? Можно ведь найти в Касимове или еще где ничуть не хуже и сказать, что это и есть та самая.

Евдокия (*машет на нее рукой*). Ой, Грушенька!

Афанасий (*растерянно*). Ему ведь какое-то зеленое платье понравилось.

Евдокия. Про зеленое платье забудь! Пушкин сказывал, что у зеленого платья отец с боярами Стрешневыми дружен, а Стрешневы Морозову кровные враги.

Афанасий (*грустно усмехаясь*). А царю кровная родня.

Аграфена. А может, ему и вправду сан принять? Шутки шутками, а стал бы патриархом в один прекрасный день.

Евдокия. Да как я могу родному сыну такое предложить?!

Афанасий (*хватаясь за голову*). Девоньки, давайте лучше я в монахи уйду! Чтобы всего этого не слышать.

Андрей распахивает дверь.

Андрей (*подходя к Евдокии*). Здравствуй, матушка, мне Маланья сказала, что ты приехала.

Евдокия (*вскакивая*). Голубчик мой! А мне уже назад пора. Батюшка твой прилег отдохнуть, вот я и решила дядю Афанасия проведать. Надо мне ехать, а то Родионич меня хватится. (*Трогает Андрея за щеку.*) Вот, дома ничего не ест, а у тети Груши даже щеки какие-то нагулял.

Евдокия удаляется в сопровождении Аграфены.

Андрей. Чем дальше в лес, тем веселей живем. Родная мать уже в глаза не смотрит.

Афанасий. Так на Верху заведено. Там никто другу другу в глаза не смотрит. А ты, часом, не стоял ли за дверью, не подслушивал?

Андрей. Стоял и подслушивал.

Афанасий (*смущенно*). Ты на мать не обижайся, у нее за тебя душа болит.

Андрей (*хмурясь*). Нельзя же моей жизнью распорядиться в угоду Морозову. Я Господу Богу принадлежу. Я не морозовский крепостной.

Афанасий. Не знаю. Ведь мы же с тобой не в Голландии живем, как тот Лукич, да Артамон Матвеев. — У нас другая доля. У нас весь народ согласился, что кому-то должно быть крепостным. А это значит, что всем и каждому приговор вынесли. — Правда, среди крепостных порой случаются и беглые. Вот я, к примеру, беглый. Двадцать лет тут отсиживаюсь. Живу по милости твоей тетки. За ее сарафаном прячусь.

Андрей (*смущенно*). Что ты говоришь, Афанасий Петрович? Здесь все твое, здесь только ты хозяин. Ты же копейки за Аграфеной не взял, у нее приданого была одна Маланья. — Мне родители с детства говорили, что если бы ты от всего дедовского не отказался в пользу матушки моей, то ей бы и жениха никогда не нашлось.

Афанасий. Дитя ты, Андрей! Хотя и умный, а все еще дитя. — А разве не бывает подлых жен, неверных жен? От такого, как я, в один миг избавиться можно. Донести, что я по злему умыслу государеву службу оставил, — и нет меня. А уж то, что я себе за этой дверью говорить позволяю! Что ни скажу — «слово и дело государево».

Андрей (*сжимая кулаки*). Так вечно продолжаться не будет!

Афанасий. Вечно не будет, это несомненно. А вот что очень долго — тоже несомненно.

Андрей. Посмотрим.

Афанасий. Посмотрим на новые морозовские законы. На это его «Уложение». Его уже все египетским рабством окрестили. Может быть, ты решил

Моисеем новым стать? Потому что сестренка твоя бедная попалась как птичка в силки?

Афанасий отворачивается, чтобы скрыть от Андрея свое лицо.

Андрей (*смущенно*). Но я же не один. Меня Божьи люди своим братом признали.

Афанасий. И что наказали?

Андрей. Чтобы во всем слушался Василия Матвеевича. До поры.

Афанасий. И что же эта пора? На другой день наступила?

Андрей. Нет.

Афанасий. Вот и слушай Василия. Он теперь твой наставник. А я тебе сверх того, что сам знаю, ничего сказать не могу. Разве что могу повторить. Когда Михайло Иванович хочет кому-то себя открыть, он сам находит, как того оповестить. Ему ни твоя, ни моя помощь не нужна.

Входит Аграфена.

Аграфена. Афанасий Петрович! Приготовься мўку вытерпеть. Хочешь — не хочешь, а новый кафтан примерять придется.

8. У Корионовых.

Василий Матвеевич в своей светелке, вооруженный толстой иглой, чинит котомку.

Входит Андрей.

Андрей (*после некоторой паузы*). Ты свою котомку латаешь, Василий Матвеевич?

Василий. Вот видишь — разошлась по швам. (*Делает паузу.*) Страннику без котомки никак нельзя.

Андрей. Так ты все же решил в Сибирь отправляться?
А ведь тебе наказано меня наставлять...

Василий. А я очень быстро хожу. Сам увидишь, как я быстро хожу.

Андрей. А что, Михайло Иванович надолго Москву покинул?

Василий. Для кого надолго? — Для Михайлы али для Москвы?

Андрей (*удрученно*). Для меня.

Василий. Верно ответил. Для Михайлы нет ни долго, ни коротко. У него со временем совсем особый разговор. — А что до Москвы, то ее сам Господь никогда не покидает. Тем она жива. — Мы вот, Божии странники, по всей земле ходим, и всегда Господь с нами рядом, за руку ведет. А зайдешь в Москву — и видишь: Он еще ближе стал. Потому-то и тянет сюда, изо всех странствий непременно сюда возвращаемся.

Андрей. Как же так? Здесь спокон веку столько зла творилось. Говорят же: московские пляски — в кровавом колесе под звон топоров.

Василий. И творится зло, и долго твориться будет. А любовь не иссякает и вовек не иссякнет. Источник любви — это сам Господь. Он над Москвою незримый купол распростер. Растет Москва вширь, и купол этот вместе с нею растет. Как он прекрасен, этот купол! Жаль, что нечасто увидеть его удается. Но кто видел, тот никогда не забудет.

Андрей. И ты его видел, Василий Матвеевич?

Василий. Доводилось.

Андрей. Какой же он?

Василий (*мечтательно поднимая глаза*). Он прозрачно-зеленый и расцвечен красными яхонтами.

Андрей. Столько прекрасного я каждый день вижу и слышу, а в душе такая тревога, так душа смущена.

Василий. Надейся на Господа и будь тверд. Все, что с нами случается, научению нашему должно послужить. Господь сказал пророку — ежели научишься из всего злого извлекать доброе, то станешь, как мои уста. Нелегкое это дело. Куда легче выучиться читать по звездам.

А теперь ступай. У меня еще есть дела поважнее этой котомки.

9. Андрей уходит к себе.

Не раздеваясь, он ложится поверх одеяла, долго лежит, закинув руки за голову, наконец задремывает.

Андрея посещают сонные видения. Перед ним возникает лицо Фимы.

Фима. Я люблю его, Андрей. Я его люблю, как свою бессмертную душу. И ты его должен любить. Ты же мой брат. Как ты меня любишь, так и его должен любить.

Фима исчезает. Андрей видит лица братьев-странников, они то расплываются, приобретая черты других людей — отца Николы, Афанасия, Захара, — то снова делаются такими, какими он их запомнил.

Голоса странников. Ты наш брат, Андрей. —
Подрастешь, еще многое поймешь и узнаешь. —
У братьев все едино. Одна доля, одна судьба.

Странников уже не видно. Андрей видит купола кремлевских соборов, очень близко, почти на уровне глаз. На фоне куполов возникает лицо Алексея. За ним несколько смутно видны боярин Пушкин, Артемий Лукич и какие-то незнакомые Андрею лица.

Алексей. Видишь, как получается? Хоть ты и постарше меня годами, а будешь теперь моим младшим братом. *(Целует Андрея.)*

Андрей с высоты соборных куполов смотрит, как царь, сопровождаемый боярами, поднимается на Красное крыльцо и входит в Грановитую палату.

Андрей ворочается на своей постели, затем садится, какое-то время сидит в оцепенении, потом бросается бежать.

Андрей бежит темными московскими улицами, вбегает в Кремлевские ворота, тяжело дыша; подходит ко дворцу.

Двое стражников с алебардами преграждают ему путь.

Голос стражника. Что тебе надо?

Андрей *(хочет крикнуть, но выходит очень тихо)*. Мне надо поговорить с царем.

Голос. К царю пускать никого не велено.

Андрей. У меня очень важное дело. Пропустите меня. Я его брат.

Голос. Немедля уходи. Пускать никого не велено.

Андрей. Но я его брат. Я должен ему сказать...

Стражники, скрестив алебарды, начинают оттеснять Андрея прочь от дворца. Андрей пятится назад и, наконец, срывается в глубокую пропасть.

Андрей просыпается в своей комнатке в доме Корионовых.

Он тяжело дышит, с трудом приходя в себя. — Андрей встает.

Лунный свет сквозь окошко падает на икону, висящую в углу. На ней то же изображение Христа с раскрытым Евангелием, что и в домашней часовне Всеволожских в касимовском имении.

Андрей садится на постель и сидит, схватившись руками за голову.

10. Кремль.

Торжественное одевание Фимы.

За Анфисой, Настасьей и прочими служанками надзирает величавая старая боярыня.

Анфиса раскрывает коробочку с серьгами.

Анфиса. Ах! Боже милостивый! Как же такое случиться могло? Подвеска оторвалась, да и камень большой едва-едва держится.

Старая боярыня. А других нет?

Настасья (*чуть не плача*). Мы с собой только эти взяли, самые дорогие. Все, что поплоче, еще в деревне осталось.

Анфиса. Золотых дел мастера всю работу уже сделали. Теперь до обеда никто не явится.

Фима. А нельзя совсем без серег?

Старая боярыня. Что ты, матушка Евфимия Ивановна! Как же можно, чтобы среди всех девиц и боярынь одна царская невеста была без серег!

Анфиса. Да я сейчас сбегаяю, да принесу из новых.

Старая боярыня (*в большом смущении*). Из приданого до свадьбы надевать — плохая примета.

Настасья. Ой, лучше не надо.

Фима (*решительно*). Ничего, до обеда недолго ждать, придет мастер и сделает. А пока в новых похожу.
(*К Анфисе*) Неси!

Анфиса мчится дворцовыми переходами в комнату, где хранятся драгоценности.

Манка Харитоновна выкладывает на ткани цветы из жемчуга. Вбегает Анфиса.

Анфиса (*свистящим шепотом*). Серьги давай!

Манка вручает ей крохотный ларчик. Анфиса мчится обратно.

Фима в окружении женщин перед зеркалом. Входит Анфиса, вручает ей ларчик. Фима берет серьгу, вставляет в ухо.

Фима (*вскрикивает*). Ой, до чего же тяжела!
Посмотрите — она мне аж до плеча ухо оттянула.
Нет-нет! (*Вынимает серьгу.*) У меня там все горит!

Анфиса (*растерянно взвешивает серьги в руке*). Вот так мастер! Другой бы золото украл, а этот, видать, лишнего переложил. — Сходить за другими?

Старая боярыня. Не надо! Я же говорила, незачем из приданого брать. Схожу сейчас сама к царевнам да одолжу у них, вот и весь сказ.

Манка за работой. Входит Анфиса, протягивает ларчик.

Анфиса. Вот так. Не стала надевать. — Больно тяжелы.

Манка (*убитым голосом*). Уходи. Руки вымой.

Анфиса рукой указывает на разложенные на столике головной убор и другие украшения царской невесты.

Анфиса (*выразительно глядя на Манку*). И старые серьги у меня. Их мастер в обед починит — и назад.

Манка. Да, да! Уходи, уходи.

Анфиса уходит. Манка кусает свою ладонь и тихонько воет.

Манка. Будьте вы прокляты!

11. Морозов рассеянно просматривает бумаги, которые ему подают секретари.

Входит Кузьма, делает всем прочим знак удалиться.

Кузьма (*вынимая из-за пазухи чистый лист*). Вот, Борис Иваныч, донос к нам поступил изустный. Ежели желаешь, можно кое-что уже на бумагу перенести.

Морозов (*отворачиваясь*). Что в нем толку, когда он ничем не подкреплён!

Кузьма. Будет подкреплён рано или поздно.

Морозов. Поздно — это уже все. Поздно — значит, *после...* (*Многозначительная пауза.*) А *после* он ее уже не отдаст, хоть порченую, хоть непорченую.

Кузьма (*подходит к нему вплотную*). Была Хлопова, была и Долгорукова.

Морозов. Ничего ты не смыслишь, умный Кузьма. При Михаиле — кто все это делал? Мать его родная, а потом и отец. Он не мог на них восстать.

Кузьма глазами показывает на дверь.

Морозов. А мне уже все равно. Если ничего не выйдет, мне уже не жить. Зачем такая жизнь? (*Еле слышно*) Лучше руки на себя наложить.

Кузьма. По мне, так времени еще много. Целых двое суток.

Морозов. Ого! Сутками меряешь, часы считаешь?

Кузьма. Ну и что — считаю. Главное, не просчитаться. — А вот боярин Пушкин взял, да и нам подыграл.

Морозов. Подлец! Я его окольничим сделал. Змея подколодная.

Кузьма. Борис Иваныч, ему никто не наказывал уродин в Москву привозить. И в красоте девицы этой *он* неповинен. Даже родители ее, и те неповинны. — Ты меня все же выслушай, тебе это знать не помешает.

Он ее в список занес в обход всех прочих и в обход воеводы касимовского. Так что, ежели бы кто захотел ее изобличить, что больная или порченная, то все равно бы не смог.

12. У Корионовых.

Андрей медленно спускается по лестнице.

Навстречу ему — Маланья.

Андрей. Маланья, что Василий Матвеич? Давно ушел?

Маланья. Еще засветло, Андрей Иваныч.

Андрей (*печально*). Не сказывал, конечно, куда идет?

Маланья. В Андроньев монастырь. Так и сказал — ежели барин твой обо мне спросит, скажи, что пошел в Андроньев монастырь. Я уже Афанасий Петровичу докладывала. — А это недалеко. Чай, скоро назад будет.

Андрей бредет в сторону Андроньева монастыря. Поднимается в горку, видит Василия, который, заметив Андрея еще издали, ждет, пока тот поднимется к нему.

Василий (*кивая в сторону монастыря*). Вот, решил сходить посмотреть, не найдется ли кого, кто бы меня узнал.

Андрей. Не нашлось?

Василий (*усмехаясь*). Нет. Я иных узнаю, а меня никто. — Ну, говори, зачем меня искал?

Андрей. Плохо мне, Василий Матвеич. Плохо мне, темно. Грех я совершил.

Василий. Какой же грех? Неужто решил наставника своего Василия Матвеича послушаться?

Андрей. Да. И еще хуже.

Василий (*пряча улыбку*). Да может ли быть что хуже?

Андрей. Загордился я. Слишком много о себе возомнил.

Василий. Это со многими случилось. Значит, может случиться с каждым. Вот теперь ты через это проходишь.

Андрей. Понимаешь, у меня всегда душа была как распахнутое окно. И в него свет вливался, я им дышал, я им жил. А теперь... Умом я все понимаю, все помню, да радости от этого никакой. Так мне темно, так темно!..

Василий (*тихо*). Всякий, совершивший грех, должен о прощении просить.

Андрей. Прошу, да ничего не выходит.

Василий. Тогда проси о наказании.

13. Кремль. Женский терем.

Фима и царевна Татьяна вышивают за пяльцами возле окошка.

Татьяна (*заглядывая в Фимино вышивание*). Успехи делаешь, сестрица. Скоро, глядишь, лучше Ирины Михайловны станешь вышивать.

Фима. Ну уж нет. Как Ирина Михайловна мне никогда не научиться, да и незачем. Лучше я буду любоваться на то, что она делает. — И такой мудрой, как она, мне никогда не бывать. — С такой мудростью родиться надо. Вот уж кто настоящая царица.

Татьяна. Ты знаешь, Фимушка, я все же постарше

тебя буду... И, ты уж не сердись, не в деревне я росла, сама понимаешь... (—) Никого слишком громко хвалить не надо. Думай про себя, что хочешь, а вслух лишнего не говори. Ведь люди так устроены... Как заслышат, что кого-то хвалят, первая мысль — а почему не меня? Ты от сердца все это про Ирину говоришь, а кто другой и позавидовать может.

Фима. Да кому же умной быть, как не царской дочери, да царской сестре?

Татьяна (*вздыхая*). Ты, Фимушка, дитя еще, тебе многому учиться надо. А я все, что тебе говорю, любя говорю.

За спиной Фимы, несколько поодаль, появляется Ирина, затем Анна.

Фима. Да разве же я не знаю, сестрица? Я очень тебе благодарна. — А уж как я Господа благодарю за тебя, и за Ирину, и за Аннушку. Я так счастлива, что у меня теперь сестры есть. — Ты знаешь, мне в детстве порой грустно становилось, что братья у меня есть, а сестер нет. А теперь у меня их целых три, и я так вас люблю.

Татьяна. Как это — братья? У тебя же только один брат?

Фима (*смущенно*). Я... и хотела сказать — брат. Я оговорилась.

Ирина подходит к ним, кладет руку Фиме на плечо, та прижимается щекой к ее руке.

Ирина. Я пойду отдохну и Аннушку с собой возьму. А ты, Татьяна, посиди пока с Фимой. Ей скоро опять на примерку, ей отдохнуть не дают.

Уходит вместе с Анной.

Спальня Ирины.

Анна сидит на кровати, охватив руками спинку. Ирина в кресле, заложив руки за голову, покачивается из стороны в сторону.

Ирина. Помнишь, Анька, наши качели в Коломенском?

Анна (*не размыкая губ*). Угу.

Ирина. Два года уже сломанные стоят, никто их не чинит.

Анна. Вот теперь царь их починит. Для молодой жены, для деток своих.

Ирина. Помнишь, как твой Прозоровский тебя качал однажды чуть не полтора часа? (*Анна издает еле слышимый звук.*) Я все думала, когда же у нее голова закружится?

Анна. А вот не закружилась.

Ирина. Знала бы тогда, чем это кончится, руки бы ему оторвала.

Анна. Лучше бы меня убила. — Я бы сама себя убила, да только тебя жалко. Тебя тогда заплают, засмеют.

Ирина. А *кого другого* совсем не жалко?

Анна. Нет, нисколько. Что мне его жалеть? *Кого другого* я с превеликой радостью опозорила бы.

Фима и Татьяна продолжают сидеть за своими пядьцами.

Фима. Говорю тебе, сестрица, я своими глазами видела. Он долго шел, я его издалека заметила. А это не просто болото. Там такая трясина, что к ней даже близко подходить боятся, не то что ходить.

Татьяна (*добродушно*). Ну вот, никто не ходит, а оно и подсохло тем временем, и тропинка отыскалась.

Есть такие люди, которые по болотам, не в пример другим, ходить могут. У них и прозвание есть особое, я сейчас позабыла, какое.

Фима (*с детской настойчивостью*). А Андрей, мой брат, стал его к нам зазывать, а он отказался и сказал при этом, что придет время, мы с тобой непременно в Москве встретимся.

Татьяна. И встретились?

Фима. Ну конечно, я про это и говорю.

Татьяна (*пряча улыбку*). И где же он теперь, этот странник?

Фима. У нас. У дяди нашего Афанасия Петровича.

Татьяна. При царском дворе тоже всяких странников привечают, юродивых. Их то больше, то меньше бывает. Последнее время совсем не слышно стало. Но нам все равно к ним близко подходить не разрешали, они же (*извиняющимся тоном*) грязные всегда. И всегда какие-то небылицы рассказывают. Про подвиги свои, или про земли, где люди о двух головах.

Фима. Ну кто же не знает про таких странников! — Вот я и говорю, что этот — настоящий. Он ничем не хвалится, и доброты такой необыкновенной! Прямо сияет весь, как... (*осекается*.)

Татьяна. Как кто?

Фима (*смущенно*). Как святые на иконах... — Но ты ведь веришь в чудеса, сестрица?

Татьяна (*задумчиво*). Как сказать. В то, что в церкви рассказывают, верю, конечно. Верю, как все верят. Только что это за вера? Ни то, ни сё. (*Татьяна невольно начинает размышлять вслух*) Ведь если бы знать наверняка, что там что-то есть (*смотрит вверх*), стала бы я здесь сидеть?

Фима (*удивленно*). А что бы ты сделала?

Татьяна. В монастырь бы ушла, молилась бы днем и ночью. — (*С усмешкой*) А так — что за толк? И здесь намучаешься, и там ничего не получишь.

К царевнам подплывает старая боярыня в сопровождении двух служанок.

Старая боярыня (*торжественно*). Государыня Евфимия Ивановна, пожалуй шубу мерить.

Спальня Ирины.

Анна, полусидя, спит на Ириной постели. Ирина сидит в кресле.

Входит Татьяна.

Татьяна (*глядя на Анну*). Спит?

Ирина. Надо же ей когда-то спать. — А ночью опять все то же начнется. — Как ты еще держишься?

Татьяна. Да я уж привыкла. Говорю себе, что надо заснуть, и сплю.

Ирина. Красавицу повели наряды мерить?

Татьяна. Повели. — Она равнодушна ко всем этим уборам-нарядам. Они ей — что прошлогодний снег.

Ирина. Похвально. А для касимовской деревни — вдвойне похвально.

Татьяна. Не пойму я ее. Порою так держится, словно ее с рождения в царицы готовили. А порой поглядишь, ну прямо блаженная — что на уме, то на языке. — А ведь столько всего знает...

Ирина (*смеется*). Под стать своему жениху. Он тоже столько всего знает. (*Шепотом сквозь зубы*) Ученый дурак.

Татьяна (*сердито, тихо*). Перестань, Ирина.

Никакой он не дурак. И она совсем не дура. В них просто хитрости нет. А ему хитрость — ох как нужна! Вот и приходится все время у других занимать.

Ирина. Да-а. Столько уже назанимал, что кругом в долгах оказался.

14. Женский терем. Покои Фимы.

Фима укладывается в постель. Настасья крестит ее, целует, лучше укрывает одеялом. Затем Настасья уходит к туалетному столу.

Настасья. Так весь день в Ирениных серьгах и проходила?

Фима. Так мне же их сестрица подарила. Они теперь у меня самые дорогие.

Настасья (*шутливо*). Чем отдариваться будешь?

Фима. Любовью. У царской дочери и так всё есть. — Но Аннушка очень больна, Настасьюшка. Она еще больше похудела. — Я ничего не понимаю. Тут все говорят в один голос, что немец-лекарь Иоганн Павлович так учен, так умен. Не у каждого государя такой есть. Неужели он ей помочь не может? Да я и не вижу, чтобы ее лечили как-нибудь. А говорят при этом, что он столько вылечил! Иной раз даже бедных задаром лечит, из христианского усердия и чтобы навыка больше было.

Настасья. Выходит, не все немцы басурмане?

Фима (*хохочет*). Настасьюшка, ну какие же немцы басурмане? Его же зовут — И-о-ганн. Как будет Иван по-церковному?

Настасья (*теряясь*). Ой, Фимушка, я не знаю.

Фима. Как же не знаешь? Ты же грамотная! —
Ну хорошо, когда у моего отца день ангела?

Настасья. На Иоанна Богослова.

Фима. Ну вот. И-о-анн и И-о-ганн одно и то же, от тех же святых. Иоанн Богослов, Иоанн Предтеча, Иоанн Златоуст. А Павел так и есть Павел. Немцы те же христиане, только другие немножко.

Настасья крайне удивлена.

Фима. Но почему он Аннушку не лечит, никак не пойму.

Настасья (*невольнo говорит вслух*). Ее болезнь лекаря не лечат. (*Спohватившись*) Фимушка, тебе спать надо. У нас завтра такой день!

Фима (*поднимаясь на локте*). А что тебе известно про ее болезнь?

Настасья. Ничего-ничего, это мне подумалось.
Давай спи.

Фима. Ты мне сейчас скажешь все, что ты знаешь.
Ты слышишь? Я приказываю тебе!

Настасья (*шепотом*). Будь я проклята. — Фимушка, голубонька моя, ложись, родная.

Фима. Ты что, забыла, кто я? Я тебе приказываю!

Настасья (*всхлипывая*). Ой Господи! Ой что я наделала! — Не болезнь у нее. Сохнет она.
По какому-то князю молодому.

Фима (*испуганно*). Он что — женат?

Настасья. Да не женат, не женат, не в том дело. — Их всех, царевен, решено никогда замуж не выдавать. Так царь еще покойный судил. А нынешний подтвердил. — Мол, православных царевичей нет, а прочие все им не пара. — (*Всхлипывает.*) Тут все про это знают, мне еще

в первый день нашптали.

Фима смотрит на нянюку вытаращенными глазами, потом рывком садится, сбрасывает с себя одеяло.

Настасья (*падая на колени*). Фимушка, дитятко, ты застудишься. — Завтра такой день. Последний день. Тебе причастие принимать, голову мыть.

У Фимы на лице ужас. Она тихо стонет, не разжимая губ.

Настасья (*пытается запутать ее*). Фимушка, ты уже большая, взрослая, ты замуж идешь! — Так жизнь устроена. Никто по своей воле не живет. Царицей станешь, тоже по своей воле жить не будешь. — Все терпят. Одни одно терпят, другие — другое. Пройдет это у Аннушки, смирится она. А может, и лекаря спросить не грех. — Вот у Ирины отняли жениха, она не ропшет...

Фима (*чуть не в голос*). У Ирины?! Жениха?! Какого жениха? Какого? (*Трясет Порфирьевну за плечо.*)
Говори! Все говори!

Девушки, несущие дежурство в передней, вздрагивают во сне, затем устраиваются поудобней и засыпают опять.

В спальне.

Настасья. Был у нее жених. Из немецких земель королевич. Приехал за ней, а веру православную принимать не стал. Ну и вот!..

Фима (*вцепившись в плечо Настасьи*). Что — «и вот»? Говори все, что знаешь!

Настасья. Покойный государь на него прогневался и в темницу заключил. А государь Алексей Михайлович

по доброте своей из темницы его выпустил и домой отправил. Все это давно уже было.

Фима вскакивает с постели и босая бежит к дверям. Настасья, не вставая с колен, бросается за ней, вцепляется в подол ее сорочки.

Настасья. Фимушка! Куда ты? Тебя умалишенной огласят!.. Государю скажут!..

Фима возвращается назад, ложится, вытягивается под одеялом и лежит как мертвая.

Фима (*тихо, повелительным тоном*). Спи!

Настасья в изнеможении валится на маленький диван.

Фима лежит, вытянувшись, то открывает, то закрывает глаза. Она прижимает руку к груди. Ее сердце бешено стучит. Кажется, что вся комната наполняется этим стуком.

Фима проваливается в сон.

Сон.

Жаркий летний день. Фима бежит, выбиваясь из сил, по совершенно незнакомой местности. Вдалеке слышны пулеметные очереди. Фима бежит на этот звук. Она приближается к месту, откуда доносится пулемет. Слышны крики расстреливаемых.

Фима уже не может бежать. Она переходит на быстрый шаг.

От края оврага отъезжают машины, образца гражданской войны. Трое солдат с ружьями со штыками остаются охранять овраг.

Фима доходит до оврага. Он завален телами расстрелянных, мертвых и умирающих.

Фима начинает спускаться в овраг. Ее сарафан, сорочка, длинная коса цепляются за кустарник. Одежда рвется.

Фима отыскивает среди расстрелянных Алексея.
Он еще жив.

Фима (*осыпая его лицо поцелуями*). Алешенька!
Алешенька! Любимый мой! Ненаглядный мой!
Счастье мое! Любовь моя!

Алексей (слабо улыбаясь). Я знал, что я тебя дождусь...
Ненаглядная краса... (*Умирает.*)

Фима просыпается. Ее сердце сильно колотится, и все так же кажется, что этот звук наполняет всю комнату. Фима продолжает лежать неподвижно. Затем снова проваливается в сон.

Сон.
Зимняя ночь. Проектор освещает территорию, огороженную колючей проволокой.
Ряд длинных бараков за колючей проволокой.

Фима в белой одежде, словно ступая по воздуху, крадет-ся от окошка к окошку, от барака к бараку.

Фима внутри барака. Она вглядывается в людей, спящих на нарах. Она ищет Алексея.

Фима движется вдоль нар. Кажется, что этому бараку нет конца.

В одном из лежащих на нарах Фима узнает Алексея.

Фима (*прижимаясь лицом к его лицу*). Алешенька!
Родной, любимый!

Алексей (*открывая глаза*). Ты пришла? Ты заберешь
меня отсюда?

Фима просыпается. Она садится на постели, укутывается в одеяло и уже больше не ложится.

В окно светит луна. По небу быстро бегут облака,
и лунный свет словно трепещет.

Купола Кремлевских соборов поблескивают в трепещущем лунном свете.

Внизу совершенно темно, нет ни души.

Из Успенского собора доносится голос хора. Он выводит «Честнейшую херувим» и т.д.

Хор повторяет тот же отрывок, затем еще раз и еще раз.

Внутри Собора.

Идет репетиция хора.

За окном едва начинает светать. Фима хватается за колокольчик и будит служанок.

Начинается умывание и одевание царской невесты.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Рассвет. Дом Корионовых.

Афанасий и Аграфена спят в своей спальне. Афанасий просыпается. Он ощупывает свое лицо и бороду, смотрит на пальцы, потом на подушку. Пальцы в крови. На подушке лужица крови.

Просыпается Аграфена. Она в ужасе смотрит на мужа, вскакивает с постели и кричит на весь дом.

Аграфена. Малаша! Малаша! Барин помирает!..

(Бросается к Афанасию.) Что с тобой?

Афанасий. Да не шуми, ничего такого...

В комнату врываются Андрей, Маланья и слуга Афанасия Семен.

Аграфена. Андрюшенька, он помирает!

Семен *(едва взглянув на хозяина)*. Воду несите, а я за снегом!.. *(Убегает, следом за ним Маланья.)*

Афанасий. Аграфена! Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоя. Никто тут не помирает. Просто кровь носом пошла. — Сейчас умоюсь и буду собираться. — И ты, давай, собирайся.

Андрей. Ты никуда не поедешь, тебе нельзя вставать! Я могу с тобой остаться.

Аграфена. Нет, Андрюшенька, это уж совсем не годится. Лучше я с ним останусь.

Возвращаются Семен и Маланья с лоханкой снега и кувшином воды.

Семен *(обкладывая снегом нос и лоб хозяина)*. Кровь

уже сама остановилась. Это не страшно, это бывает. Денек полежит и будет здоров.

Маланья с Аграфеной смывают с бороды и рук Афанасия кровь. Аграфена заливается слезами.

Аграфена (*Маланье*). Бедная Дунюшка! Она так хотела, чтобы я с нею была при Фимкином одевании. — Семен! Скажи к Пушкину, скажи, что у нас стряслось. Пусть едут без меня.

Афанасий. И не вздумай! Евдокия без тебя с ума сойдет. И не смейте говорить, что я заболел. — Ежели меня хватятся попозже, тогда и скажете. — Я еще подумаю, может, и сам поеду.

Андрей. Ни за что не поедешь.

Семен. Не стоит, барин.

Афанасий. Давай, поторапливайся, Груша. — Тебя ждать будут, все же дело нешуточное.

Аграфена. И я не буду знать, что с тобой?

Афанасий. Так за нами с Андреем все равно князь Тенишев должен заехать часа через полтора. Они тебе обо всем доложат.

Аграфена. Может, за лекарем каким послать?
(*К Андрею*) Как мы его одного оставим?

Афанасий (*сердась*). Я не один! В доме полно народу. Семен тебя отвезет и вернется. — Он всех лошадей в округе лечит. Неужто я хуже лошади? — Маланья, барыня твоего мужа ни во что ставит.

Маланья (*Аграфене*). Да мы за Афанасий Петровичем как за малым дитем присмотрим!..

Афанасий. Да, видно мне не судьба... (*Замолкает, продолжая свою мысль про себя. Меняет тон на шутливый.*) Ну ничего, пускай все видят, что

Афанасий Корионов никакой не притворщик,
а честный больной человек.

2. Царский терем.

Торжественное одевание царской невесты в просторной горнице в присутствии множества боярынь.

Здесь же жмутся Евдокия, Аграфена и Настасья Порфирьевна.

У Фимы по щекам непрерывно текут слезы, хотя она пытается улыбаться. Улыбка у нее выходит довольно жалкая.

Евдокия (*громким шепотом, так, чтобы всем было слышно*). Фима, перестань. Ты-то деревенская, но свадьба твоя не в деревне.

По комнате прокатывается легкий смешок.

Старая боярыня. Государыня, у тебя нос распухнет, а царь-батюшка с нас, нерадивых, за это взыщет.

Снова все смеются, на этот раз громче и веселее. Фима встает со своего места и целует старую боярыню. Затем она возвращается к зеркалу для завершения туалета.

Анфиса берет поднос с головным убором и с поклоном подходит к боярыне Годуновой.

Годунова берет убор и торжественно надевает его на голову Фимы.

Царская невеста разворачивается ко всем присутствующим во всей своей красе.

Все ахают, кланяются, крестятся, шепча молитвы.

Евдокия и Аграфена берут Фиму под руки, выводят из горницы и доводят до следующих дверей. Там они передают ее двум важным боярыням.

Свита царской невесты выстраивается согласно степеням знатности, и все торжественно направляются в Грановитую палату.

Евдокия (*тихо, Аграфене*). Груша, с ней что-то не то.
Ее шатает, бледная стала.

Аграфена. Переживает, царя боится. (*Улыбаясь*) Сама же сказала — деревенская.

3. Царь Алексей в торжественном облачении выходит из своих покоев. Его лицо сияет счастьем и гордостью. Сопровождаемый пышной свитой, он направляется в Грановитую палату.

Успенский собор.

Последние приготовления к царскому венчанию. Патриарх облачается в своей ризнице. Служители, едва дыша, расправляют на нем мельчайшие складочки.

Из Успенского собора выбегает человек, который дает знак звонарям на Иване Великом. — Начинается тихий перезвон, который подхватывают на всех звонницах Кремля.

В Грановитой палате.

Множество приглашенной знати ожидает прибытия царя и невесты. В палате стоит гул негромких голосов.

Андрей и Иван Родионович стоят вместе с Пушкиным, Тенишевым и Артемием.

Звон колоколов звучит громче; голос глашатая, возвещающего прибытие царской невесты, словно тонет в этом звоне.

Входит процессия, сопровождающая царскую невесту. Фима идет, ничего не видя, крепко вцепившись в руки боярынь.

Евдокия и Аграфена отделяются от процессии и скромно становятся поодаль.

Глашатай возвещает прибытие царя.
Торжественно входит радостный Алексей со своей свитой.

Боярыни отпускают руки Фимы.

Алексей и Фима направляются друг к другу. Фима делает несколько нетвердых шагов, теряет сознание, падает ничком, поворачивается и лежит на спине, раскинув руки.

Всеобщий страшный крик.

Алексей и Евдокия бросаются к Фиме.

Евдокия. Доченька моя!

Алексей. Фима! Фима! Ее убили!

Он опускается на колени, целует ее лицо, приподнимая ее голову. Головное убранство падает с Фиминой головы. Ее лицо из мертвенно-бледного становится красным.

Подоспевшая боярыня Годунова подхватывает головной убор и заворачивает его в платок. Иван Родионович и Андрей тоже подбегают к Фиме, ощупывают ее руки и ноги.

Алексей. Лекаря скорее! Где немец?

Ртищев. За ним уже побежали, государь!

Морозов стоит поодаль, окруженный группой бояр.

Морозов (*достаточно громко*). Чуюло мое сердце, что здесь что-то нечисто. Господь не допустил совершиться злему делу.

Сквозь толпу быстро пробирается лекарь Иоганн Павлович в сопровождении своего толмача.

В толпе гудит: «Порча! Порча!» «Марья Хлопова! Марья Хлопова!» «Хлопова, Долгорукова. Бог троицу любит.»

Аграфена, до сих пор стоявшая как в столбняке, негромко рыдая, пытается пробиться к своим.

Кто-то сзади крепко хватает ее за локти. Это старый князь Тенишев.

Тенишев (*ей на ухо*). Аграфена Никитишна, уходи!
Пользы от тебя не будет, уходи! — У тебя большой
дома, беги домой.

Аграфена начинает тихонько пробираться к выходу.

Иоганн Павлович склоняется над Фимой. — Он щупает
ей пульс, поднимает веки, продельывает все необходи-
мые манипуляции.

Он высоко поднимает брови, потом хмурится.

Иоганн. Живой, живой. (*Кивает в такт своим
словам.*) Майн либер Nosudart! Будет живой, будет
здоровый. Morgen, morgen...

Толмач. Завтра все пройдет.

Иоганн. Sie schläft. Das ist doch keine Ohnmacht. Das
ist ein tiefer Schlaf. Morgen wird das alles vergehen.

Толмач (*царю*). Он говорит, что это не обморок,
а такой крепкий сон. Завтра все пройдет.

Годунова (*мрачно*). Это порча. Так с порченными
бывает. Он просто слова этого не знает.

Всеволожский. С ней такого никогда не было.

Лекарь отдает распоряжения. Фиму перекладывают на
небольшой ковер. Иоганн, его толмач и две рослые боя-
рыни поднимают его за четыре угла и уносят.

Алексея, еле стоящего на ногах, уводят в его покои.
Кремлевские колокола продолжают звонить. Они зво-
нят все громче и веселей.

Чистой (*другому дьяку*). Сходи, скажи, чтоб звонить
перестали.

Народ, наполнявший Грановитую палату, начинает рас-
ходиться, но очень медленно. Люди словно чего-то
ждут.

Аграфена, съжившись, стоит возле крыльца и всматривается в тех, кто выходит.

Всеволожские продолжают стоять возле места, где упала Фима. Андрей обеими руками придерживает Евдокию. Она в полуобморочном состоянии. Иван Родионович тоже еле стоит на ногах. Рядом с ними Пушкин, который тяжело дышит и не знает, что сказать, князь Тенишев и еще несколько бояр.

Морозов в сопровождении своих людей подходит к этой группе.

Морозов (*бесцеремонно указывая на Всеволожских*).

Этих взять под стражу и отправить в Тайный приказ.

Пушкин. Борис Иваныч! Бога побойся, что они сделали? Почему в Тайный приказ?

Морозов. Государю вся Руси больную, порченную девицу в невесты!.. (*Морозову от гнева не хватает воздуха. Он тяжело переводит дух.*) Злейшего преступления измыслить нельзя!..

Всеволожский. Моя дочь отродясь ничем не болела. Это здесь, в Кремле с нею что-то сделали.

Пушкин. Борис Иваныч, погоди! Государевых распоряжений на этот счет не было. Евфимия Ивановна как была, так и есть царская невеста. Кольца у нее никто не отбирал. Нельзя так с ее родней поступать!..

Морозов. Григорий Гаврилович! Как ты мог! Как ты мог! — И мало тебе, что эти люди уже один раз тебя в заблуждение ввели! Не веришь мне? Пойдем, я тебе покажу. — Ты только выехал из Касимова, как за тобой следом донос полетел, что девица эта больная, порченная, и многим про это известно. — Я ему ходу не дал, решил, что клевета,

обыкновенная зависть человеческая. — И вот, что получилось!

Пушкин. Мне за всех выбранных девиц ручались касимовский воевода и соборный протопоп отец Никола, которого весь город почитает.

Морозов. Это ты так говоришь. А другие говорят, что этот Никола из ума выживший старик, и давно пора его от службы отстранять. — И мало того. Он же тебе эту красавицу всучил в обход других, прямо у себя в доме. А она ведь его крестница. (К Андрею) Твоя сестра крестница отца Николы?

Андрей (*спокойно и даже с гордостью*). Да!

Морозов. И Никола этот с их семьей уже не одно поколение кумовством связан.

Пушкин. Это все ничего не значит. Государь...

Морозов (*перебивая*). Государь, Григорий Гаврилыч, во всем разберется. Прежде надо их всех хорошенько допросить и узнать, не было ли тут какой ворожбы и чародейства. Слишком много разговоров идет про эту неслыханную красоту. Сдается мне, что и тут без колдовства не обошлось.

Пушкин. Ну это уж слишком!

Морозов. Нет, не слишком, Григорий Гаврилович! Я еще тебя щажу. Я ведь тебя не спрашиваю, не взял ли ты денег с этих людей за обман государя. — Ты девицу Гужинскую задним числом в список внес? Тоже ведь с ее отца никаких денег не брал?

Пушкин закусывает губу. К Морозову бегут Годунова и молодой боярин.

Годунова (*почти кричит*). Борис Иваныч! Что же ты нас бросил? Он там все разносит! Он сейчас голову себе разобьет!

Морозов, приосанившись, неспешно идет за Годуновой, затем снова оборачивается к Пушкину.

Морозов. Ты их уговори, боярин, чтоб не слишком упрямились. Чем скорее во всем сознаются, тем лучше для них самих. Ты ведь понимаешь?

Пушкин (*машинально кивая*). Хорошо.

Морозов уходит. Пушкин приближается к Всеволожским, хочет что-то сказать, встречается глазами с твердым взглядом Андрея.

Пушкин. Держись, Андрей Иванович! Помогай тебе Бог! Стража уводит Всеволожских.

У выхода.

Аграфена видит, как Всеволожских выводят под стражей. Следом выходит группа бояр.

Первый боярин. В Тайный приказ повели.

Второй боярин. Понятное дело. Будут пытаться, пока не сознаются, что девица падучей больна с самого рождения.

Аграфена чуть не падает при этих словах, потом, сторбившись и глухо рыдая, направляется к себе домой.

4. Кузьма Кузьмич, пристроившись неприметно недалеко от своей конторы, внимательно наблюдает за входом.

Наконец, он видит, как туда решительным шагом входит Манка Харитонова.

Кузьма выжидает еще некоторое время, а потом, не спеша, идет туда же.

Кузьма входит в свою контору, обменивается взглядами со служителем.

Служитель. Я впустил, Кузьма Кузьмич.

Кузьма кивает и идет во внутреннее помещение.

Кузьма и Манка.

Кузьма. Ты что, сдурела? Как ты сюда попала?

Манка (*недоуменно*). Я все сделала и пришла за своим.
За обещанным.

Кузьма (*покачивая головой*). Средь бела дня, у всех на виду! У меня же не то место, где с вышивальщицами рассчитываются. (*Вынимает мешочек с деньгами, отдает Манке.*) Можешь пересчитать. — Только тебе придется сидеть тут до темноты. И уходить надо будет очень осторожно.

Кузьма открывает дверь в переднюю и громко обращается к своему служителю.

Кузьма. Кликни Лавруху. Пускай он, когда стемнеет, выведет ее через Боровицкие ворота.

5. В царской спальне.

Все перевернуто вверх дном.

Федора, Стефан Вонифатьев, Чистой и Ртищев пытаются удержать царя, который рвется прочь из комнаты.

Федора. Алешенька, тебе туда нельзя! Тебе нельзя в девичью спальню! Ты ее опозоришь!

Алексей. Ее там убьют!

Федора. Там сестры твои! Там нянька от нее ни на шаг не отходит. Никто ее не убьет. — Немец сказал, завтра будет здорова.

Алексей. Я все равно дознаюсь, кто это сделал. Дал же ей кто-то сонного зелья? Что, я не знаю боярской злобы? Убийцы проклятые! Я разыщу! Я всех разыщу!

Федора. Алешенька, эта Порфирьевна за ней смотрит, пуще чем я за тобой. Она все за ней доедает-допивает. — А в другое время она с царевнами ела. Ничем ее не опоили.

Алексей. Ты тоже с ними заодно? Убийцы! Убийцы!

Чистой. Государь, слава Богу, никого не убили.

Алексей. Меня убили, меня! Душу мою убили!

Алексей бросается на постель, катается, зубами рвет покрывало. Чистой пытается попрыскать на него из какого-то флакона.

Стефан (*дрожащим голосом*). Государь! Без Божьей воли ничего не случается. Господь допустил, ты должен... ты должен... Ты о себе подумать должен! Ты же царь, вся Русская земля на тебя с надеждой смотрит! (*Рыдает.*) На тебя же весь православный мир, под игом турецким стонущий, смотрит.

Алексей (*кричит*). Я знаю, что я царь! Я им всем покажу, что я царь! Всем, кто мне это устроил!

Он вскакивает и, не удержавшись на ногах, валится на кровать, затем снова поднимается.

Ртищев падает на колени, обнимает ноги царя.

Ртищев. Алексей Михайлович, смилуйся над нами! У тебя ни сыновей, ни братьев! Если ты себя уморишь, кто царствовать будет? Опять такая резня пойдет, в крови потонем.

Входит Морозов.

Морозов. Чем тут пахнет?

Чистой. Немец масло ароматное дал, говорит, успокаивает.

Морозов. Где он сам, скотина?

Чистой. Побежал снадобье готовить, должен скоро быть.

Морозов. Выйдите все отсюда, здесь дышать нечем. Выходят все, кроме Федоры, которая забивается в угол.

Алексей (*с ненавистью*). Это все ты устроил. Ты хотел, чтоб было по-твоему, и добился своего. — Я ненавижу тебя.

Морозов. Такие красавицы нередко оказываются порченными. Ты просто молод, много не знаешь еще. — Из Касимова следом за нею донос пришел, что порченная. Доносчика задержали, можешь, если хочешь, его допросить.

Алексей. Да ты что, совсем дураком меня считаешь? Ты еще десять доносов напиши и сто свидетелей приведи.

Морозов. Я же этому доносу ходу не давал, я его посчитал клеветой. — Но то, что сегодня случилось — видели все.

Алексей. Немец сказал, она будет здорова. Я все равно на ней женюсь. Я не дам помыкать собою. Я не раб твой, не твой крепостной. Можешь убить нас обоих.

Морозов падает на колени и раздирает одежду у себя на груди.

Морозов (*подставляя царю обнаженное горло*). На, убей меня! Убей! Ты царь, тебе никто слова не скажет. Убей меня, а потом женись на этой порченной. — И пускай все эти Рюриковичи над тобой надсмехаются.

(*Свистящим шепотом*) Только когда меня не станет, берегись, как бы кто твоего царства не оспорил. Ты знаешь, что твоему отцу царский венец не Ангелы с неба спустили.

Алексей бьется в рыданиях на постели. В дверь заглядывает Чистой.

Чистой. Иоганн Павлович вернулся.

Морозов. Зови-зови.

В дверях появляются лекарь и его толмач.

Морозов (*машет на толмача*). А ты не надобен, Илья Фадееч. Здесь и так дышать нечем. Мы с Иван Пальчем и без тебя договоримся.

Лекарь наклоняется к Алексею, впавшему в полузабытье, щупает его пульс.

Иоганн (*очень огорчен*). О-о-о! Das ist ja ein Unglück, eine wirkliche Erschütterung¹.

Морозов (*непритворно хватаясь за сердце*). Er doch noch so jung².

Иоганн (*ласково касается руки Морозова*). Er wird genesen. Alles, was nur möglich ist, werden wir tun. (*Тяжело вздыхает.*) Ein alter Mann kann manchmal stärker sein, als ein Jüngling³.

Лекарь раскладывает на маленьком столике целую батарею стаканчиков, склянку с лекарством, мерку.

Морозов (*указывая на стаканчики*). Wozu so viel⁴?

Иоганн Wir werden es mal stärker, mal schwächer machen. Wie die Angelegenheit gehen wird. Er benötigt den Schlaf. Ein langer Schlaf ist seine Rettung⁵.

¹ Такой удар, такое потрясение.

² Но он ведь очень молод.

³ Выздоровеет, сделаем всё возможное. (—) Бывает, что старые крепче молодых.

⁴ Зачем столько?

⁵ Будем делать то крепче, то слабей. Как дело пойдет. Ему необходим сон. Его спасение — долгий сон.

Лекарь разводит лекарство в одном из стаканчиков, подносит Алексею, поднимает его голову.

Иоганн. Майн либер Hosudatt!

Алексей. Что это?

Иоганн. Покой и сон. Morgen совсем здоровый.

Морозов. Он говорит, что тебе нужно подольше поспать. Завтра будешь в полном порядке и во всем разберешься.

Алексей. Я сам понимаю, мне не нужен толмач.
(Пьет лекарство и отворачивается, чтобы лекарь не видел его слез.)

Иоганн Morgen девица будет здоровый, и Hosudatt будет здоровый.

Морозов снимает с царя сапоги, вместе с лекарем и Федорой освобождает его от одежды, укладывает, укрывает. Царь засыпает.

Морозов. Федорушка, распорядись, чтобы Иван Палычу лежанку устроили в соседнем покойнике, не сидеть же ему сиднем весь день и всю ночь. А мне пускай сюда что-нибудь поесть принесут.
(Криво усмехаясь) Даже не вспомню, когда я последний раз ел.

Федора выходит, проходит через соседнюю комнату, где сидят, свесив головы, Стефан, Чистой и Ртищев, выходит за дверь, затем возвращается и, обессиленная, опускается на крытую ковром лавку рядом с Ртищевым.

Ртищев. Ты тоже виновна, Федора Ивановна. Ты к нему ближе всех, могла бы и сказать напрямую.

Федора. Феденька, я у него в ногах валялась, чтобы брал... Сам знаешь, кого брал.

Ртищев. Прямо надо было сказать. И про то, что с Хлоповой было, и про то, что с Долгоруковой.

Федора (*совсем тихо*). Легко тебе говорить, Федя. Тебе-то легко! — Вспомнили все про Хлопову и Долгорукову. А кто все это делал, кто? — Мне государыня Марфа жизнь спасла. Разве же могла я ее предать? Разве же могла вот так опозорить?

В спальню Алексея проносят кушанья для Морозова. Лекарь на цыпочках выходит из спальни и усаживается вместе с остальными.

В спальне.

Алексей крепко спит.

Морозов сидит за столом и ест, как сильно проголодавшийся человек.

6. У Яузских ворот.

Аграфена, стараясь, чтобы никто ее не заметил, входит в ворота своего дома.

Аграфена бесшумно открывает дверь, входит внутрь и так же бесшумно подходит к дверям горницы, в которой находится ее муж.

Афанасий, уже совсем здоровый, возится за столом с каким-то фолиантом, от которого оторвалась обложка. Аграфена входит внутрь и безмолвно застывает перед мужем.

Афанасий (*поднимая на нее глаза*). Груша, что с тобой? Что там случилось?

Аграфена. Погубили ее! Она жива, но она замертво упала прямо перед царем.

Афанасий. В церкви?

Аграфена. Нет, еще раньше. До церкви не дошли.

Афанасий. А они все где? Где Андрей?

Аграфена (*как неживая*). Их под стражей повели в Тайный приказ. Хотят, чтоб сознались, что Фимка и прежде порченная была.

Афанасий с воплем падает головой на стол и рыдает в голос.

Аграфена садится с другой стороны, тоже кладет голову на стол, стонет и причитает.

Аграфена. Ты же все наперед знал, Петрович, ты все это знал. — А что мы против них могли? — Волки лютые, съели они нас! Живьем съели! — Ой моя Дуня, ой Господи!

Афанасий (*рыдая*). Господи! Не покидай нас! Не покидай нас! Ты все можешь! Не покидай нас!

7. Контора Кузьмы.

Манка Харитонова ходит взад и вперед по помещению. (—) Наконец, выглядывает в переднюю.

Манка (*служителю*). Долго я тут сидеть буду?

Служитель. Ну хозяйюшка, ну ведь сказано тебе — пока совсем не стемнеет. Мало осталось, чай, не лето. — Хочешь, я тебе кваску плесну? Хлеба дам? (*Смотрит в окошко.*) Вон, кажись, Лавруха идет, должно за тобой. — Ты же сама понимаешь — у нас тут не съестная лавка, чтоб каждый первый входил да выходил.

8. Внутреннее помещение Тайного приказа.

Посреди него возвышается перекладина с перекинутой через нее веревкой — дыба.

Иван Родионович и Евдокия сидят на длинной лавке. Евдокия в полубомороке припала к стоящему рядом

Андрею. Андрей не спускает глаз с двери.
За столом сидит один писарь, судейское место пусто.
В углу за дыбой с безучастными лицами сидят палачи.

В передней Тайного приказа.
Кузьма и приказный Дьяк.

Дьяк. А почему ты сам, Кузьма Кузьмич, их допросить не хочешь?

Кузьма. А с какой стати мне их допрашивать? Их было велено доставить в твой приказ. А я кто таков? Я за Посольским приказом числюсь.

Дьяк. А донос на них почему-то к тебе пришел.

Кузьма. Не ко мне, а к Борису Ивановичу. А я уж делал, что он мне велел. — Я всегда делаю только то, что мне Борис Иванович велит.

Дьяк. Хорошо со мной обошлись. — Они, ясное дело, ничего признавать не будут. Я их стану пытать, старик, чего доброго, помрет под пыткой. А царь завтра на его дочери женится и с меня не то что голову снимет, а в порошок истолчет.

Кузьма. Царь никогда на порченной не женится.

Дьяк. Еще доказать надо, что она порченная. Что эту порчу, руками потрогать можно?

Кузьма. Зачем же руками — девица у всех на глазах замертво упала, она и по сей час в себя не пришла. Так что можешь не сомневаться, что порченная. Тому свидетели все князья и бояре. — Конечно, можно поспорить, где ее испортили — здесь или в Касимове. Но для всех — *для всех* — будет лучше, ежели ты дознаешься, что это было еще в Касимове.

Дьяк (*ругается сквозь зубы*). А где же твой свидетель касимовский?

Кузьма. Я сейчас его приведу. — По мне, так и без него можно обойтись.

Кузьма выходит из Тайного приказа и медленно идет в свою контору. Он смотрит на небо. Уже совсем стемнело. Кузьма кивает в такт своим мыслям.

Внутри Тайного приказа.

Всеволожские всё в том же положении. Дьяк сидит на пустовавшем до той поры месте.

Дьяк. Видишь ли, Иван Родионыч, в доносе этом сказано, что дочь твою в граде Касимове и прежде знали как больную и порченую. — А то, что это не клевета, так в этом сегодня все князья и бояре московские убедились. — Ежели ты во всем сознаешься и повинишься, то сильно этим облегчишь и свою участь, и жены, и сына, и всех родных и друзей своих. — Ты же видишь, что получается. Получается, что ты даже касимовского соборного протопопа в обман государя своего втянул.

Всеволожский. Никогда я такого греха на душу не возьму, чтобы оклеветать себя и своих близких. Ежели я, ежели мы все на такое злое дело пошли, то нас всех смертной казнью казнить надо.

Дьяк (*хватаясь радостно за его слова*). Да вас никто и не казнит. Государь наш такой милосердый, он вас помилует. (*Понижая голос*) Неужто ты про Марью Хлопову никогда не слышал? Ведь не казнили же ее родных, а просто в Сибирь сослали.

Всеволожский. От меня лжесвидетельства никто не дождется. — Дочь моя с самого рождения никогда ничем не болела. То, что с нею сделалось, это ей сделали здесь. — Чего ты от меня ждешь? Чтобы я покрыл этих злодеев? Тех, кто государю, царю нашему, такое зло сотворил?

Дьяк. Андрей Иванович, может, ты отца уговоришь? — А ежели ты сам признание сделаешь, а? Из любви к отцу и матери? За это, знаешь, многое простится. — Или с Евдокией Никитишной поговоришь... Может, она вспомнит, не бывало ли когда с сестрой твоей такого?

Евдокия (*встрепенувшись из своего забытья*).
Андрюшенька, попроси у них, пусть над нами смилуются, пусть скажут, что с Фимушкой? Может, ее уже на свете нет!..

Андрей. Матушка, ты слышала и все слышали — лекарь сказал, что она здорова. Завтра будет совсем здорова. Лекарь этот, Иоганн, самый лучший.

Андрей перекладывает Евдокию на плечо Ивану Родионовичу и подходит к судейскому столу.

Андрей (*очень спокойно*). Выслушай меня, сударь. Времени прошло очень мало. Государь насчет нас никаких указаний не давал. Его самого оттуда под руки увели. — Боярин Морозов все же не царь. Он и ошибиться мог, и поторопиться мог. — Дело это самого царя касается. Он в государстве главный судия. Он непременно захочет сам нас допросить. Для чего тебе на себя царский гнев навлекать? (*Подходит к столу еще ближе и говорит тихо*)
А сестра моя, ежели окажется здорова, то царю на ней никто жениться не запретит. На то он и царь. — А ежели она помрет от того, что с ней сделали, то уж тогда он виновных и подавно станет разыскивать.

Дьяк (*смотрит на дьбу и сам возраживает*). Да что я? Мне велено вас порасспрашивать, я это и делаю.

9. Вечер. Манка Харитоновна гордо и развязно движется по улицам Кисловской слободы, направляясь к своему дому.

В отдалении, крадущимся шагом, ни на миг не упуская ее из виду, следуют двое. Навстречу Манке идет женщина с двумя полными ведрами на коромысле.

Женщина. Вечер добрый, Марьюшка!

Манка. Вечер добрый!

Манка идет дальше. Трое ребятишек выбегают из калитки и несутся к другому дому.

Один из ребятишек (*оглядываясь*). Добрый вечер, тетка Марья! А мы сегодня у вас были.

Манка (*кивает*). Вот и славно.

Преследователи Манки вынуждены то и дело замедлять шаг.

Кажется, что улица совсем пуста, но в это время с шумом распахиваются очередные ворота, из которых появляется мужик с ручной тележкой.

Манка. Добрый вечер, дядя Архип!

Мужик. А, это ты, Манка! А я тебя не сразу узнал. Быть тебе богатой.

Наконец, Манка сворачивает в безлюдный переулок. Преследователи, быстро оглядевшись, молниеносно настигают Манку, валят с ног, бьют ножами и начинают снимать с нее украшения.

В это время возле одного из домов раздается собачий лай. Двое выходят из калитки и начинают загонять внутрь собаку, которая рвется наружу.

Убийцы, едва убедившись, что Манка бездыханна, убегают прочь.

Двое, спугнувшие убийц, запирают калитку и уходят в направлении, противоположном тому месту, где лежит Манка.

10. У Яузских ворот.

Василий Матвеевич входит во двор дома Корионовых. Василий подходит к дому. Дверь распахивается, навстречу Василию бросается поджидавшая его заплаканная Маланья.

Маланья. Василий Матвейч, ой наконец-то ты!.. У нас такое горе!

Василий (*печально, но спокойно*). Что стряслось?

Маланья. Фиму нашу в Кремле загубили, испортили. Упала она перед самым венчанием!..

Василий обнимает Маланью, гладит ее по голове и не спеша идет в горницу. В горнице Аграфена и Афанасий всё так же рыдают, уронив головы на стол.

Аграфена и Афанасий (*наперебой*). Вася! Васенька! Хоть ты пришел! О Господи!

Афанасий. Ты, небось, все знаешь?

Василий (*в ужасе*). Где все? Где Андрей?

Аграфена (*стонет*). В Тайный приказ повели!.. Чтоб сознавались, что Фимка всегда была порченная.

Василий, содрогнувшись, закрывает лицо руками.

Василий (*выпрямляясь*). Я сейчас приду! (*Выходит.*)

Аграфена и Афанасий снова начинают плакать в голос.

В светелке Василия.

Василий лежит, простершись ниц на полу.

В горнице.

Афанасий. Господи, не покинь нас! Ты все можешь, Господи, не покинь нас!

Василий медленно спускается по лестнице. Входит в горницу.

Василий. Петрович, собирайся и поезжай к боярину Пушкину.

Афанасий. Васенька, нужны мы этому Пушкину! — Он, небось, проклинает тот день, когда с нашими повстречался.

Василий. Это всё так. Но тебе надо непременно к нему ехать. Ты ведь меня ждал? — Вот я тебе и говорю, не сиди здесь зазря, а поезжай к Пушкину.

Аграфена. Васенька, он же болен! С ним с утра такое было! Ты не знаешь.

Василий (*глядя Афанасия по голове*). Знаю, знаю. — Что было, то прошло. Здесь сидючи, он еще хуже себе сделает. — Надо ехать.

Аграфена. Давай лучше я поеду.

Василий. Надо, чтобы он. — Мы с тобой, Никитишна, сейчас его снарядим, а Семен его тихонечко отвезет.

Афанасий (*поднимаясь*). И что я ему должен говорить, твоему Пушкину?

Василий. Найдешь, что сказать. По дороге придумаешь. — Ты, главное, сиди там и жди. Может, он сам тебе что скажет.

11. В Тайном приказе.

Всеволожские в изнеможении сидят на той же лавке вдоль стены. Палачи всё так же смотрят в потолок. Дьяк постукивает пальцами по столу.

Дьяк. Ну, может, все же вспомнишь, Иван Родионыч? Может, в детстве с твоей дочерью такое случилось. Может, совсем в раннем детстве, а ты с тех пор

запомнил. Может, не дома, а где в гостях, а тебе и сказать позабыли. Евдокия Никитишна, не бывало такого?

Всеволожский. Сударь, почему ты время теряешь зря? — Надо тех разыскивать, кто это злодейство совершил. Что толку спрашивать одно и то же?

Дьяк. Я делаю то, что мне поручено. Я знаю, как и что делать. Во всем есть свой толк. Всякого, кто на подозрении, надо сначала расспросить хорошенько, а не вздергивать сразу на дыбу. *(Указывает глазами на орудие пытки.)*

Андрей и отец опускают головы. Евдокия словно бы и не слышит этих слов.

К Тайному приказу направляется Кузьма. За ним плетется «свидетель» из Касимова. «Свидетеля» сопровождают двое порученцев — тот, что привез его, и второй, более внушительный.

Кузьма входит в Тайный приказ, оставляет свою свиту снаружи.

Кузьма и служитель приказа.

Кузьма. Ну что там, есть что-нибудь?

Служитель. Нет, Кузьма Кузьмич! Отпираются они.

Кузьма. А он все только спрашивает, да спрашивает?

Служитель разводит руками.

Кузьма. Скажи ему, что я пришел, видеть его хочу.

Кузьма и Дьяк.

Кузьма. Чего ты ждешь, Денис Лексеич?

Дьяк. Твоего свидетеля надежного жду. — А еще я хотел бы, чтобы сам царь мне приказал родных его

невесты пыткам подвергать. Он кольцо у нее уже взял назад?

Кузьма (*с презрительным спокойствием*). Свидетель здесь. А подтверждение, которого ты просишь, я тебе до вечера достану. (*Открывает наружную дверь.*) Эй ты, заходи!

Свидетель входит.

Дьяк. Он и в самом деле из Касимова?

Кузьма. Денис Алексеич!

Дьяк (*с кислой миной*). Хорошо, я его прямо здесь допрошу, а потом уже к ним сведу. (*Служителю*) Ты будешь записывать.

Кузьма входит в помещение, где находятся Всеволожские.

Иван Родионович и Андрей поднимают головы. Кузьма смотрит на Андрея, тот отвечает ему твердым бесстрашным взглядом.

Кузьме делается не по себе. Он уходит.

В соседнем помещении.

Кузьма (*Дьяку*). Ну что, убедился?

Дьяк пожимает плечами.

Дьяк (*свидетелю*). Иди за мной.

Дьяк восседает на своем месте за столом, «свидетель» стоит рядом.

Дьяк. Вот, этот человек, исконный житель града Касимова, утверждает, что ему, как и многим другим жителям онога града, доподлинно известно, что дочь Ивана Всеволожского — девица

чрезвычайно красивая, но с детства больная
и порченная.

Андрей выпрямляется во весь рост, сжимает кулаки
и смотрит свидетелю прямо в зрачки.

Андрей. Этот человек моей сестры никогда в глаза не
видел, так же, как никого из моих родных. (*После
короткой паузы*) Он, живя в Касимове, никогда
о нас ничего не знал и не слышал. Все, что он
утверждает — ложь.

Свидетель (*слегка пятась*). Нет, почему, я слышал,
что девица очень красивая. А... а красивых часто
портят. Так уж повелось. Род человеческий очень
испорчен... Завистлив очень... А еще отец Никола...

Андрей (*грозно*). Что отец Никола?

Свидетель. Он... он в Касимове очень почитаемый
человек... Лучше его расспросить...

«Свидетель» выходит к Кузьме и его людям.

Кузьма (*презрительно, но почти беззлобно*). Ну что,
оробел перед этим Андреем?

Свидетель (*вздрагивая*). Он колдун!

Кузьма плюет на свидетеля.

Первый порученец. Что с ним делать, Кузьма
Кузьмич?

Кузьма. Веди назад и снова стереги. Может, его еще
царю придется предъявлять.

Свидетель (*в ужасе*). Царю?

Кузьма. Иди-иди. Царь не такой страшный, как тот.

Все выходят на улицу. Первый порученец уводит
свидетеля.

Второй порученец. Что же делать, Кузьма Кузьмич?

Кузьма. Пытать их надо. — А Лексеич не хочет, за шкуру свою боится.

Надобно, чтоб Морозов дал ему понять, что ему все равно деваться некуда.

Второй порученец. К Морозову пойдешь?

Кузьма (*раздумывает*). Царь занемог. Борис Иваныч из его покоев никуда не выходит.

Второй порученец (*огорченно*). Да, ты туда не вхож.

Кузьма (*задевший за живое*). Что значит — «не вхож»? Я, кого захочу, из-под земли достану. Просто время понадобится.

12. В доме боярина Пушкина.

В горнице Пушкин, князь Тенишев и Афанасий.

Пушкин прохаживается по комнате, время от времени поглядывая в окно.

Пушкин. Ты понимаешь, Афанасий Петрович, мне сейчас в Кремль и носа показать нельзя. На меня там смотрят, как на дьявола какого, как на разрушителя государева счастья. — Но ты потерпи, мы недавно Артемия Лукича туда отправили, уже во второй раз. Может, вернется, что-нибудь путное расскажет.

Афанасий. А с чем он в первый раз вернулся?

Пушкин. Говорит, народ толпится и на Крыльце, и в Передней, и хочет что-то понять. И к ним, вроде бы, выходил Федька Ртищев и объявлял, что государь-де очень огорчен и с ближними боярами разбирается в том, что произошло. Ближних бояр у него, как известно, один цельный Борис Иванович Морозов.

Афанасий. Главное — довести до государя, что их отправили в Тайный приказ. Он их там не оставит, он человек мягкосердый. Всем же понятно, зачем отправляют в Тайный приказ!.. (*Тяжело переводит дух.*) Простой допрос можно учинить где угодно.

Тенишев. А давайте-ка я съезжу в Кремль! Я старый, мне терять нечего.

Пушкин. С чем поедешь, с тем и воротись. У нас только одна надежда — что государь сам их к себе потребует. А Морозов изо всех сил будет это оттягивать. Ему позарез нужно, чтобы еще сегодня кто-нибудь да подтвердил, что Евфимия всегда была больной. Тогда царю на ней жениться будет невозможно.

Тенишев. А ты так уж уверен, Григорий Гаврилович, что за всем этим Морозов стоит?

Пушкин. Ты, князь Михал Михалыч, в Боярскую думу редко ездишь, вернее, совсем не ездишь?

Тенишев (*насмешливо*). Во всем на тебя полагаюсь.

Пушкин. А ездил бы, так сам бы видел, что все эти дни с Борисом творилось. Он на себя стал непохож, от него половина осталась. Не знай я его много лет, я бы подумал, грешным делом, что он сам к нашей красавице страстью воспылал и теперь сохнет от ревности. — Нет, это только он. Он себя выдал этим Тайным приказом, этой поспешностью. Бесстыдство страшное! Да на Москве бесстыдством никого не удивишь. Здесь все знают, что стыд на воротах не виснет.

Афанасий. А у тебя нет кого-нибудь в Тайном приказе?

Пушкин. В Тайном приказе «кто-нибудь» может быть только у Бориса Ивановича.

Пушкин, устав от напряжения, садится, развалиясь, в кресло.

Пушкин (*Афанасию*). Можешь сам туда отправиться. Сделаешь признание вместо них. Ты сродственник, ты мог знать и то, чего родители не знали. Она в твоём доме жила. А можешь сказать, что ты сам на неё порчу навел. А потом назад свое признание возьмешь. То и другое — обман государя, за это голову рубят. Но тебя помилуют и сошлют в Соловецкий монастырь.

Тенишев. А почему в Соловецкий, почему не в Кириллов?

Пушкин. Ну-у! Кирилло-Белозерский монастырь такое место, где день и ночь молебны служат о здравии Бориса Ивановича. Туда кого попало не ссылают.

Афанасий (*Пушкину*). Я, кажется, дождусь Артемия и, если ничего не изменится, так и сделаю, как ты говоришь.

Тенишев (*не на шутку испугавшись*). Ты что? Я тебя не пушу!

Афанасий (*в его глазах стоят слезы*). Если бы ты знал, князь, что я терплю!.. Мне легче туда отправиться, и пусть со мной делают что угодно!..

Слышно, как к дому подъезжает всадник. Его впускают. Стук дверей.

Пушкин (*вскакивая*). Артемий вернулся!

Входит Артемий.

Артемий (*переводя дух*). Здравствуй, Афанасий Петрович! — Ничего хорошего не привез. — Опять выходил Ртищев, говорил то же самое, да на Крыльце уже и так все всё знают. — Государю очень худо. Немец от него не отходит и все время

дает какое-то снадобье, чтобы он то ли спал, то ли дремал, в общем, целые сутки должен быть в полном покое. — А в Успенском патриарх собирается втайне служить молебен о государевом здравии.

Пушкин. Да, такое только в Москве присниться может. Патриарх *втайне* служит молебен о здравии государя!

Афанасий (*вставая*). Ну, мне больше ждать нечего, я поехал.

Тенишев (*бросается к нему, хватая его*). Да подожди ты! — Каждый миг все может измениться. Вдруг уже кто-нибудь из них признался! Женщины всегда первые сознаются. Евдокия Никитишна не сможет смотреть!..

Пушкин (*Артемию*). Ты ничего такого не слышал?

Артемий. Нет. Если бы что было, то орали бы уже на весь Кремль.

Афанасий шатается и, едва не падая, опускается на свое место.

Тенишев. Воды ему! Он утром чуть не помер, у него кровь носом шла.

Афанасию дают воду. Он открывает глаза и видит стоящего рядом с собой Василия Матвеевича.

Василий (*строго*). Никуда не езжай. Ты должен сидеть здесь и ждать. Спасение от Господа.

Василий крепко сжимает плечо Афанасия и исчезает.

Афанасий. Благодарю тебя, князь. — Благодарю тебя, Григорий Гаврилович, и тебя, Артемий Лукич. — Надобно нам еще подождать. Я так чувствую, что мы скоро дождемся каких-то вестей.

13. Кузьма быстрым шагом идет по Кремлю.

Кабинет Морозова.

Одинокий служитель сидит за столом. Входит Кузьма.

Служитель. Что тебе, Кузьма Кузьмич?

Кузьма. Борис Иваныча!

Служитель (*покачивая головой*). А как это сделать?

Он от царя ни на шаг не отходит.

Кузьма. У него что — ноги отвалились? — Веди меня потайным ходом.

Служитель покорно поднимается, достает из шкафа фонарь, зажигает его и приглашает Кузьму следовать за ним.

Кузьма и служитель идут потайным ходом.

Кузьма и служитель оказываются в крохотной комнатке.

Служитель. Ты смотри, может, тебе тут долго придется просидеть.

Кузьма (*ворчливо*). Чем скорее придет, тем ему же лучше.

Служитель выходит, оставляя Кузьме фонарь.

14. Переулок в Кисловской слободе.

Манка Харитонова лежит на том месте, где ее настигли убийцы.

Она начинает шевелиться, пытается встать, падает с громким стоном.

Со всех сторон начинают страшно выть собаки. Из соседнего дома на этот вой выглядывает женщина. В промежутках между собачьими завываниями ей слышатся звуки, похожие на детский плач.

Женщина выбегает на улицу.

Манка лежит возле самого ее забора и жалобно стонет.

Женщина подбегает к Манке.

Женщина. Мать Божия! Да это же наша Манка!
(Бежит к соседнему дому, кричит на всю улицу)
Ермола! Ермолай! Выходи скорей! Твою жену
зарезали!

Отовсюду начинают сбегаться люди. Соседи окружают Манку.

Крики. Изверги! Душегубы! — Серег нет, мониста нет! — До чего же дошли! В двух шагах от своего дома!

Манку осторожно поднимают и несут домой.

В доме.

Манку укладывают на постель.

Соседи не расходятся. Подходят всё новые.

Одна из женщин (Манкиному мужу). Ермола, она кончается! — (К окружающим) Чего стоите? Бегите за отцом Филиппом!

Двое выходят.

Муж (рыдая). Марьюшка! На кого меня покидаешь? Деток своих пожалей! Не уходи от нас!

Внезапно Манка испускает страшный крик. Все содрогаются.

Манка. Не надо! Уберите это, уберите! Не надо!

Муж. Что убрать, Марьюшка?

Женщина (*шепотом*). Да ей мерещится.

Манка. Уберите это! Не надо! А-а-а! — Я все расскажу! Зачем это? Пустите! Пустите! — Зачем? А-а-а! Не надо! Я и так сознаюсь!

Народ расступается, пропуская отца Филиппа и сопровождающего его маленького служку.

Филипп подходит к Манкиной постели.

Манка (*открывает глаза и смотрит на Филиппа*). Ты тут самый главный? А-а-а! Скажи, чтоб перестали! Я все, все скажу! Не надо этого!

Муж. Марьюшка, это ж батюшка наш, отец Филипп!

Манка (*Филиппу*). Подойди, подойди! От тебя полегче. Все скажу, все.

Филипп (*спокойно*). Говори!

Манка. Уберите это! Вот так! (*Пытается приподняться.*) Я, я царевну загубила. Сознаюсь, я.

Филипп (*громко*). Какую царевну? Евфимию Ивановну?

Манка. А какую же еще?

Филипп (*оглядываясь на всех присутствующих*). А как ты ее загубила?

Манка. Ворожкой, (*голос ее слабеет*) зельем...

Филипп (*отчетливо повторяет за ней*). Ворожкой и зельем. — А кто тебе в этом помогал?

Манка. Федька Минкин.

Филипп (*так же*). Помогал Федька Минкин. — А кто таков Федька Минкин?

Манка хрипит и умирает. Муж с рыданиями припадает к ней.

Мальчик-служка. Отче Филипп! Это дело большой

государственной важности. Об этом надо немедленно доложить самому боярину Морозову.

Филипп (*погруженный в свои мысли*). Да-да, непременно надо доложить. — Только время сейчас позднее, у боярина Морозова дел много. Боюсь, нас к нему не допустят.

Служка. Как же это? Ведь такое дело важное! — Как тебя могут не допустить? Ведь тебя столько же знают, твой отец таким человеком был.

Филипп. Мы сейчас поедem к боярину Пушкину. — Он, я слышал, девицу эту из Касимова привез. Он нам будет рад. (*Насмешиливо улыбаясь*) Он был с моим отцом покойным хорошо знаком. (*Обращаясь к собравшимся*) У кого тут есть сани?

Мужик (*мнетя*). У нас, вообще-то, народ небогатый, но сани, конечно, найдутся.

Филипп (*громогласно*). Слово и дело государево! Пусть только посмеют не дать! Слово и дело государево! Бегом бегите, запрягайте!

Сани несутся по темной Москве. Подъезжают к городской усадьбе боярина Пушкина.

Филипп выскакивает из саней, бросается к воротам, стучит изо всех сил, говорит несколько слов сторожу и бежит внутрь.

Сторож выходит наружу, подходит к саням, в которых остались возница-хозяин и маленький служка, вздыхает, сокрушенно покачивая головой.

Служка. Наш батюшка отец Филипп боярину Пушкину хорошо известен. Его покойный отец соборным протоиереем в кремлевском храме Успения служил. А сам он теперь на Кисловке в храме Вознесения служит. — А до чего он ученый, до чего ученый — все на свете знает.

Сторож. За что же его так далеко сослали?

Служка. Почему же сослали? И вовсе не далеко. —
Приход у нас, правда, небогатый, зато люди уж
больно лихие. Большую нужду имеют
в пастырском попечении.

За воротами шум и суматоха. Ворота распахиваются.
Пушкин, Тенишев, Афанасий, Филипп и Артемий бегут
к своим запряженным саням.

Афанасий. Семен! Езжай домой, скажи барыне, что
мы в Кремль отправляемся! Я поеду с Григорием
Гавриловичем.

Пушкин (*Филиппу*). Мальчишка твой должен с нами
ехать, он ведь тоже свидетель.

Филипп. А как же!

Филипп бежит к своим саням и возвращается со служ-
кой. Афанасий садится в сани Пушкина, Филипп
и служка к Тенишеву. Артемий Лукич стоит в нерешительности.

Тенишев. Артемий, тебе не след с нами ездить. Ты
еще молодой, сам понимаешь... Поезжай лучше
с Семеном, Аграфене Никитишне все толком
расскажешь.

Сани мчатся в сторону Кремля.

15. Царская спальня.

Алексей спит глубоким сном. Федора дремлет в своем
кресле.

Морозов стоит перед зеркалом и расчесывает свою роскошную бороду.

Дверь бесшумно отворяется. Входит на цыпочках Чистой, подходит к Морозову.

Чистой (*на ухо Морозову*). Тебя Кузьма дожидает.

Морозов немедленно выходит вместе с Чистым в соседнюю комнату, где сидят понурые Ртищев, Стефан Волифатьев и лекарь Иоганн.

Морозов (*лекарю*). Иван Палыч, смени меня ненадолго. У меня дело важное. (*Обращаясь к Ртищеву*) А ты, Федя, спустись вниз и скажи, что государь отправился почивать. Кто из бояр сегодня ночует в передней?

Ртищев. Князя Волхонский и Оболенский.

Морозов. Хорошо. Распорядись, чтобы до утра ни одной души внутрь не впускали.

Морозов и Ртищев выходят.

Стефан (*Чистому*). Куда он так заспешил?

Чистой. Срочное донесение из Посольского приказа.

Стефан. Может, аглицкому королю уже голову срубили?

Чистой. Все может быть.

Стефан. Да-а. Каждому свое.

Кузьма сидит на скамье в крохотной комнатухе, где его оставил морозовский служитель, и пытается дремать.

Открывается скрипучая дверь и входит Морозов.

Морозов. Что, сознались?

Кузьма. И не думают. Лексеич их пытать боится, а зачем им сознаваться без пытки? Эти касимовские совсем не дураки оказались, а молодой — прямо черт.

Морозов. Ждут, пока царь про них прознает? Долго ждать придется.

Кузьма. Борис Иваныч, Алексеича надо на другого судью менять. Это в твоей власти.

Морозов. На другого, потом на третьего и на четвертого. — Что, другие за свою башку не испугаются? А время будет идти. — Ты скажи Денису, что башка его никому не нужна, а вот его должность очень многим согодится. И ежели я захочу его отправить свиней пасти, то причину для этого долго искать не придется.

Кузьма (*с любопытством*). Борис Иваныч, а коли кто померет под пыткой, что делать будешь?

Морозов (*с тонкой улыбкой*). Я этого не боюсь. — Но, может, тогда и согодится Денисова башка.

16. Две пары саней несутся по Московским улицам в направлении Кремля. Уже видны Кремлевские башни.

В Кремле. Женская половина дворца.

Спальня Фимы.

Фима, полураздетая, спит на своей постели.

Настасья склоняется над ней, прикладывает ко лбу смоченный в воде кусок ткани, пытается влить ей в рот воду из ложечки.

Фима вздыхает во сне, хочет поменять положение.

Настасья помогает ей, натягивает на нее одеяло.

Спальня Ирины.

Ирина и Татьяна.

Ирина сидит в оцепенении, безучастно смотрит перед собой.

Татьяна, стоя на коленях перед образами, шепчет молитвы, отбивает поклоны.

Спальня младших царевен.

Анна и ее нянька.

Нянька сидя спит, положив голову на стол.

Анна, полностью одетая, то пытается прилечь, свесив с кровати ноги в сапожках, то садится, то ложится опять. Наконец, прихватив с собой большой платок, выходит в коридор.

Сани Пушкина и Тенишева въезжают в Кремль. Останавливаются на почтительном расстоянии от дворца.

Все приехавшие бегут бегом к главному Крыльцу.

Анна бродит по дворцовым коридорам. Служанки, сидящие на лавках и сундуках, обмениваются с нею понимающими взглядами.

Анна подходит к своему окошку. Она прислушивается. Внизу идет какая-то непонятная суматоха.

На Крыльце.

Пушкин, Тенишев, Афанасий и Филипп со своим служкой стараются убедить стражу пустить их внутрь.

Старший стражник. Григорий Гаврилович, я государева повеления нарушить не могу. Сказано до утра никого не впускать, и, ты не сомневайся, никого мы не впустим. — Даже если сейчас Архангел Гавриил с неба сойдет и войти захочет, я его тоже не впущу. Государь почивает, и до утра сюда никто не войдет.

Филипп. Выходит, до утра безвинных людей будут мучить?

Старший стражник. Это не мое дело разбирать, кто виновный, кто безвинный.

Афанасий стоит молча в невероятном напряжении и смотрит в небо.

Пушкин. Кто ночует в передней?

Старший стражник. Князя Волхонский и Оболенский. Я их звать не буду, они мне не указ. Я только государевы повеления исполняю.

Анна, стоя у окна, прислушивается, потом распахивает окно и пытается рассмотреть, что там происходит.

Филипп. Но это же самого государя прежде всего касается.

Старший стражник (*ледяным взглядом окидывая священника в бедной одежде*). А я ничего не знаю. Ждите до утра.

Филипп (*не выдерживая, повышает голос*). Но люди безвинные погибнуть могут!

Анна бегом бежит вниз, проносится мимо испуганной охраны женского терема и подбегает к собравшимся на Крыльце.

Анна. Что случилось?

Все сначала пятаются при ее появлении, потом начинают наперебой рассказывать.

Тенишев. Матушка-царевна...

Пушкин. Матушка-царевна, злодеяние против государя раскрылось...

Тенишев. Вот священник! Злодейка, царевну погубившая, все ему рассказала...

Пушкин. На смертном одре!.. (*Указывая на служку*) Вот еще свидетель! И еще много других!

Старший стражник. Матушка-царевна, до утра никого впускать не велено. Государь поживает. Как проснется, пускай докладывают.

Пушкин. Все родные Евфимии Ивановны взяты в Тайный приказ. Хотят, чтобы они признались, что они во всем виноваты. Но их же там пытаться будут, уже пытаются!..

Анна (*кричит во весь голос*). Не хочешь впускать, зови сюда Морозова, Чистого зови! (*Топает ногами.*) Да ты сдурел, тебя же завтра государь в кипятке сварит!

Старший стражник (*растерянно*). Да ты не ори, матушка, царя разбудишь!

Анна (*кричит во весь голос*). Да я сейчас так заору, что прежние цари в своих гробах проснутся!

На Крыльцо выбегают князя-дежурные и другие служащие.

Первый князь (*Пушкину*). Что стряслось, Григорий Гаврилович?

Пушкин. Божий перст, князь Никита! Царскую невесту загубила вышивальщица с женской половины, она только что вот этому священнику покалась.

Князя переглядываются.

Первый князь. Я побегу к Морозову!

Второй князь. Я с тобой!

Тенишев (*Анне*). Тебе не холодно, царевна? Возьми мою шубу.

Анна. Мне не холодно! Я дождусь, пока кто-нибудь выйдет.

Несколько секунд ожидания. На Крыльцо выбегает Чистой.

Чистой. Заходите скорее, сейчас Борис Иванович спустится.

Чистой замечает Анну и столбенеет. Анна смотрит на него вызывающе. Ее коса почти расплелась. Она встряхивает головой и демонстративно удаляется с распущенными волосами.

17. Обитательницы женского терема, припав к окошкам, стараются понять, что происходит внизу. Анна бегом возвращается к себе, по пути чуть не сбивая с ног озадаченную Анфису.

Анна врывается в свою спальню.

Нянька при виде Анны тихонько взвизгивает.

Нянька. Где ты была? В таком виде! Что ты творишь?!
Что ты творишь?! (*Хватает ее руки.*) Холодная вся!
Ты что, наружу в таком виде бегала?

Анна садится на постель, накидывает на себя одеяло.
Ее знобит.

Анна. Дай мне твоей настойки.

Нянька достает из шкафа бутылку, наливает ей в небольшой стакан. Анна делает большой глоток, потом тянет маленькими.

Нянька. Ты совсем стыд потеряла! Совсем потеряла!
У государя такая беда случилась, он аж занемог!..

Анна (*злобно смеется*). Ах, у него беда случилась! Вот оно что!

Нянька. Сестры твои о его здравии молятся, с колен не встают, а ты?.. Да как ты можешь? Он же твой брат!..

Анна (*свистящим шепотом*). Брат? Он мне — брат?
А я ему кто? — Да ежели бы он во мне хоть на

копейку угрозу своему царству завидел, он меня колесовал бы, четвертовал бы! (*Бьет себя по груди.*) Да что у меня там — душа? У меня там месиво кровавое!

Нянька (*со слезами*). Тише, Аннушка, не сейчас! Он же болен! Сейчас грех на него сердиться!

Анна. А хоть бы и подох! Никому хуже не станет!

Нянька. Замолчи, замолчи! Еще накличешь! Кто же тогда царствовать будет?

Произнося все эти слова, нянька силой укладывает Анну и с головой укрывает одеялом.

Анна (*срывает одеяло*). Ничего, отыщем, кому царствовать! (*Злобно смеется.*) Королевича Вольдемара из-за моря призовем! (*Снова смеется.*)

Нянька хватает свою бутыль, наливает в стакан и дает Анне.

Нянька. Пей!

Анна пьет. Нянька наливает еще стакан, потом еще один.

Анна постепенно хмелеет. Нянька стягивает с нее сапожки, снимает часть одежды и укладывает ее окончательно.

Анна (*совсем опьяневшая*). Князюшка мой ненаглядный! Ничего-то мне на свете не надо, только бы на красу твою любоваться, только бы уста твои сладкие целовать...

Женский терем.

Карлица Лизавета сидит в полутемном коридоре.

К ней подходит Анфиса.

Анфиса. Ты Анну Михайловну видела? (*Та кивает.*) Что с ней такое? С ума что ли спятила?

Лизавета. Как тут не спянуть? Ежели целый месяц не спать! Тут любой спянет.

Анфиса. Погоди-погоди! Кто целый месяц не спит? Царевна Анна?

Лизавета. Не спит, не спит. Целые ночи бродит. Сохнет царевна, сохнет.

Анфиса. Как сохнет? По ком сохнет?

Лизавета. По молодому князю Прозоровскому. Кто же этого не знает?

Анфиса стоит как в столбняке, потом бежит к себе, спешно надевает уличную одежду.

18. В Тайном приказе.

Всеволожские, палачи, приказный Дьяк и писарь.

Дьяк. Иван Родионыч, надо тебе сознаваться. Ты сам видишь, я тебя пытать не хотел, я тебе даже слишком много времени дал. — Вот, в последний раз тебя прошу и последний срок тебе даю. У меня тут часов нет, но четверть часа я как-нибудь отмерю, и еще с полчетверти. А потом уже всё.

Дьяк поднимается со своего места и, хлопнув дверь, выходит в соседнее помещение. Там, привалившись к стене, скрестив руки на груди и вытянув перед собой ноги, сидит Кузьма Кузьмич.

Дворцовая передняя. — Большой зал в царских хоромаш. Морозов восседает в кресле, все прочие стоят перед ним. Афанасий стоит поодаль и внимательно следит за Морозовым. Тот старается скрыть свое недовольство за подчеркнутой деловитостью.

Морозов (*к Филиппу*). И больше никого из соучастников своих она не назвала?

Филипп (*с каменным лицом*). Нет. Больше никого не назвала. Одного только назвала — Фёдку Минкина.

Морозов. А кто он таков, Фёдка Минкин? Там же, в вашей слободе живет?

Филипп (*с тем же выражением*). Нет, не живет. Ни я, и никто другой ничего о нем не знаем, никогда не слышали.

Морозов (*к Филиппу*). Твои речи и твой сан, конечно, внушают доверие, но дело это такой великой важности, что придется и о тебе выяснять, каков ты есть.

Пушкин. Да это сын покойного отца Матфия, протопопа из Успенского. Его тут все знают.

Морозов. А сколько тебе лет?

Филипп. Вчера двадцать пять сравнялось.

Тенишев. Борис Иваныч, он ведь никуда не денется! И его сто раз допросят, и всех, кто там был. Надо Всеволожских из приказа Тайного вызволять, мало ли что случиться может!

Первый князь (*не без иронии*). А как они оказались в Тайном приказе? Им перед государем ответ держать бы надо. И тебе, Борис Иваныч, их расспросить не мешало бы.

Морозов раздувает ноздри. Чистой приходит ему на помощь.

Чистой. На них доносы были из Касимова, прямо дождем сыпались. Мол, утаили, что девица и раньше была больна. Их туда и взяли, чтобы с одним из доносчиков лицом к лицу свести.

Морозов. А разве их до сих пор не вернули оттуда?

Пушкин. Нет, Борис Иваныч, нет!

Морозов. Так что же ты стоишь, князь Никита, и ты, князь? Бегите туда скорее и Назар Петровича возьмите! — Нет, впрочем, ты, Назар, останься. Надо этих двоих (*кивает на Филиппа и служку*) еще раз допросить, записать все. Ты их проводишь, куда надо.

Чистой уходит с Филиппом и служкой.

Пушкин, Тенишев и оба князя бросаются к выходу. Афанасий не двигается с места.

Пушкин (*оборачиваясь*). А ты с нами не идешь, Афанасий Петрович?

Афанасий. Я хочу просить у Бориса Ивановича дозволения переговорить с ним.

Морозов и Афанасий остаются вдвоем.

Морозов. Говори, только коротко. — Ты Всеволожским родня?

Афанасий. Жена моя Евдокии Никитишне сестра родная.

Морозов. Так это ты Афанасий Корионов?

Афанасий. Да.

Морозов. Что ты мне хочешь сказать?

Афанасий (*очень спокойно, даже с кротостью*). Я о ней хочу сказать, о Евфимии. (*Морозов страшно напрягается.*) Сам видишь, боярин, не судьба ей быть женою царской. Здесь ли ее испортили, или в Касимове, все равно это случилось. Даже если она выздоровеет сейчас, кто может поручиться, что потом опять не заболит?

Морозов ошеломлен.

Афанасий (*продолжает*). А государь очень молод, совсем еще дитя. Он станет к ней рваться, мало ли, что ему в голову придет...

Морозов. Так что ты сказать хочешь?

Афанасий. Отдай ее лучше домой, так всем лучше и спокойней будет.

Морозов. Ты что, хочешь ее забрать?

Афанасий. Да, хочу забрать.

Морозов (*Почти теряя контроль над собой*). Так забирай! Забирай сейчас же! (*Делает знак стоящему у дверей служителю*.) Пооди сюда! — Срочно призвать с женской половины четырех женщин, пусть проводят его в спальню девицы. — И нарядить стражников, чтобы вывели его за Кремлевские ворота. Никаких препятствий ни в чем ему не чинить. Это мой приказ.

Морозов поворачивается и уходит. Афанасий остается один.

В Тайном приказе.
Кузьма и Дьяк.

Кузьма. Долго ты еще будешь тянуть, Лексеич?

Дьяк. Я не тяну. Я делаю все, что я могу.

Помещение, где томятся Всеволожские, палачи и писарь.

Входит приказный Дьяк.

Дьяк (*со вздохом*). Иван Родионович, все сроки истекли. Придется тебя с дыбой знакомить. (*Палачам*) Раздевайте его.

Андрей вскакивает с места и делает шаг к судье.

Андрей. Выслушай меня, сударь. Отец мой человек старый, с ним под пыткой все может случиться. А тебя опять-таки виноватым выставят. — Ты

лучше начинай с меня. А тем временем, может, кто и вспомнит о нас.

Дьяк. Ну и крепкий ты, Андрей Иванович, все на что-то надеешься! Уже ночь на дворе. *(Палачам)*
Хорошо, с него начинайте.

Палачи встают.

Первый палач. По правде говоря, начинать надо с матушки. Женщины всегда легче сознаются, да и они *(кивает на Ивана и Андрея)* не станут долго смотреть на это.

Дьяк. А вообще-то верно.

Андрей (Дьяку). Сударь, ты не поднимешь руку на женщину, которую еще вчера государь наш называл своей матерью.

Дьяк (устало). С тебя начнем, с тебя. *(Палачам)*
В колодки его пока не забивайте, еще успеем.

С Андрея снимают верхнюю одежду, оставляют в одной белой рубахе. Руки связывают за спиной, ведут к дыбе, начинают прилаживать веревку, перекинутую через перекладину.

Андрей все время не отрывает взгляда от двери.

Иван Родионович, свесив голову, старается не смотреть на происходящее.

Евдокия в своем полузабытье начинает ощущать, что Андрея рядом с нею нет. Она открывает глаза, видит страшную картину и с криком ужаса бросается к Андрею.

Евдокия. Что вы делаете? Что это? Почему?
(Бросается на колени перед Дьяком.) Пощади его, сударь! Что он такого сделал?

Дьяк. А ты сознайся во всем, матушка, я вас и отпущу.

Всеволожский. Не смей, Евдокия!

Дверь с шумом открывается. Вбегают Пушкин, Тенишев, оба князя, сопровождающие их стражники.

19. Спальня Фимы.

Фима спит. Настасья тихонько плачет, привалившись у нее в ногах. Настасья поднимает голову на звук открываемой двери. Входит Афанасий. Пришедшие с ним женщины остаются снаружи.

Настасья. Ты, Афанасий Петрович? А где же отец с матерью? Где Грушенька?

Афанасий. Дома все, дома. Там поговорим. — Я пришел ее забирать. Давай, Настасьюшка, пошевеливайся. На ноги ей побольше чулок натяни и голову укутай. А потом мы ее в одеяло завернем.

Настасья. Что же ее... так вот гонят отсюда?.. Больную совсем... Очнуться не дают...

Афанасий. Никто ее не гонит, я сам попросил, сам хочу ее забрать.

Настасья. А коли ты сам, почему ж не подождать до утра? Глядишь, она к утру в себя придет.

Афанасий. А до утра ее здесь убьют, понятно тебе?

Настасья кидается закутывать Фиму. Потом они вдвоем заворачивают ее в одеяло. Фима посапывает, как спящий ребенок.

Афанасий поднимает ее на руки и выносит.

Афанасий с Фимой на руках направляется к Спасским воротам. Стражники, стараясь попасть ему в шаг, медленно идут рядом. Позади плетется Настасья.

Настасья. Афанасий Петрович, а где же твои сани стоят?

Афанасий. Нет у меня саней, я их домой
отправил. — Так донесу.

Стражники-сопровождающие отдают распоряжения
страже ворот.

Афанасий с Фимой и Настасья покидают Кремль.

20. В Кремле.

Анфиса бежит по узкой Кремлевской улочке к дому
Годуновой.

Анфиса стучится у дверей.

Голос за дверью. Кого там несет в такой час? —
Кто там?

Анфиса. Это я, Анфиса. Боярыня ваша дома ночует
или на Верху осталась?

Служанка (открывая). Дома она, дома. Господи,
только прилегла.

Анфису проводят к боярыне Годуновой. Служанка не-
медленно удаляется, оставляя их вдвоем. Анфиса
опускается на колени и ударяет лбом об пол.

Годунова. Что такое?

Анфиса. Матушка Дарья Кирилловна, прикажи меня
казнить, я твоей службы недостойна.

Годунова. Что ты несешь? Говори, что случилось?

Анфиса. Весь терем знает, а я последняя узнаю. —
Царевну Анну князь Прозоровский присушил,
да так, что она аж умом повредилась. Цельный
месяц не спит, ночами бродит. А сегодня в одном
платье на мороз выбегала! С распущенной
косой носилась.

Годунова ахает и закрывает лицо рукавом.

Анфиса. Вот это я уже своими глазами видела.

Годунова. Что делать будем? (*Анфиса удивленно смотрит на нее.*) О таких вещах надо немедля Борису Ивановичу докладывать, а сегодня такой день... был. Теперь уж ночь.

Анфиса. Тебе решать, матушка. Можно и до утра подождать.

Годунова (*махнув рукой*). А! Я теперь все равно не засну. — Подумать только, я ведь собиралась там на ночь оставаться — и вдруг меня как подстегнуло. Государь себе спит, немец говорит, что все обойдется, пойду-ка я домой. — Надо же, останься я там, ты бы до меня не добралась.

Анфиса. А там ведь никто не спит. Во всех окнах огонь виден, кроме царского. — Что-то еще случилось. Какие-то бояре приезжали, шумели на Крыльце, царя требовали, Морозова требовали. К ним-то царевна Анна и выбегала. (*Делает паузу.*) В таком виде.

Годунова. Ихпустили?

Анфиса. Да.

Годунова. Ничего не поделаешь. Надо идти. — Уж такая сегодня ночь, все равно никто не спит. — Спят только царь да его невеста.

Годунова тяжело вздыхает и говорит безо всякой злобы и даже печально.

Годунова. Так на свадьбе и полагается — молодых отправляют спать, а гости гуляют до утра.

Афанасий с Фимой на руках медленно идет по зимней ночной Москве. Следом — Настасья. Они доходят до церкви с невысоким крыльцом и садятся отдохнуть на ступенях.

Афанасий (*по щекам его текут слезы*). Дитяtko мое, дитяtko! За что твою жизнь сгубили? Только за то, что ты лучше всех, краше всех оказалась.

21. Боярыня Годунова, неслышно ступая, входит в царские покои. Навстречу ей Назар Чистой.

Чистой. Что ты воротилась, матушка Дарья Кирилловна?

Годунова. Сердце не на месте, уснуть не могу. — Как он там?

Чистой. Крепко спит. Немец доволен, и у нас у всех отлегло.

Годунова. А где Борис Иваныч?

Чистой (*пряча улыбку*). Рядом тут. Делами занят. — Такие дела, что пришлось сюда Кузьму вызывать.

Годунова. А что стряслось?

Чистой. Всё тебе расскажут. — В твоём приказе убыло, матушка Дарья Кирилловна. Вышивальщицу твою убили.

Годунова (*в ужасе*). Какую вышивальщицу?

Чистой. Мне-то почем знать? Я вышивальщицами не ведаю.

Годунова. Веди меня к ним.

Чистой провожает Годунову до царского рабочего кабинета, в котором расположились Кузьма и Морозов, приоткрывает дверь.

Чистой. Боярыня Дарья Кирилловна пожаловала.

Годунова входит в кабинет. Чистой деликатно удаляется и присоединяется к тем, кто бодрствует возле царской спальни.

Из спальни выходит усталая Федора.

Стефан. Не просыпался?

Федора. Ворочался. Но Иван Палыч его поить не стал.
Так заснул.

Ртищев. Федора, ты не знаешь, куда Ванятка подевался? Я его с самого утра не видел. И там, где он всегда спит, его нету.

Федора (*недовольно*). Не знаю. Мне сейчас только о Ванятке думать.

Ртищев (*Чистому*). Назар Петрович, можно я пойду его поищу? А то у меня ноги вконец затекли.

Чистой (*зевая*). Можно.

В царском кабинете.
Морозов, Годунова и Кузьма.

Годунова. И больше никого она не назвала?

Кузьма. Только Федьку Минкина.

Годунова (*сверкнув глазами*). И кто это такой?

Кузьма. Ну откуда же мне знать, матушка Кирилловна? Я что, любого злодея должен тотчас из рукава доставать? — Разыщем, а там узнаем, как помогал, чем помогал, знал ли, на что его помощь пойдет, в каком деле участвует.

Годунова. А те, кто ее убил?..

Кузьма. Грабители. Всё золото с нее сняли. Она была женщина богатая. Во всей слободе богачкой слыла. Там вокруг одна голь перекатная.

Годунова. Еще бы не богатая. Лучшей вышивальщицы жемчугом во всей Москве не сыскать было.

Морозов. А у тебя как сердце почуяло! Ушла — и воротилась.

Годунова (*мрачно*). Ничего у меня сердце не почувало. Я по другому делу пришла. Мало у нас с тобой было забот, Иваныч, еще прибавилось. — Мы за всеми делами света белого не видим, а тут я узнаю, что на женской половине такое творится! И все об этом знают, кроме нас с тобой. — Царевна младшая, Анна, вот уже целый месяц не спит и бродит ночами по всему терему. А давеча, когда Пушкин со товарищи этот содом на Крыльце устраивали, она к ним выбегала с расплетенной косой и вопила громче всех.

Морозов. Целый месяц бродит ночами? — А сестры куда смотрят? Они же с Татьяной в одной спальне спят.

Годунова. Куда смотрят, спрашиваешь? Да там все, кроме нас с тобой, знают, что да почему с ней творится. — Ее Сергей Прозоровский приворожил, и она до того по нему сохнет, что даже скрываться не в силах.

Морозов (*хватаясь за голову*). Князь Симеон Васильевич! Я так на него полагался! — Господи, Господи! Уж лучше открытые враги! — Сначала Пушкин подлость делает...

Годунова. Пушкин перед тобою ничем не виноват! — Алеша своими глазами выбирал. Он любую другую мог выбрать, они там все были одна другой краше. — Тут дело куда похуже. И эта стерва Ирина все покрывает.

Морозов. Ох, как снег на голову! — А может, Симеон Васильич ничего и не знает? Всякое бывает! — Парень он молодой! И ведь так всегда тихо сидел!

Годунова. Да, сидел тихо. Хотя я, по правде сказать, еще когда они детьми были, примечала — где она, там сразу он. — А что до Симеон Васильича, то я тебе вот что скажу — одного он не может не

знать. Своего старшего, Ивана, он женил неполных восемнадцати лет. А этому вон уже сколько! И он его не женит, и по слухам, женить не собирается.

Морозов. Господи, покой когда-нибудь будет? (*Кузьме, указывая на дверь*) Там есть кто-нибудь за Чистым послать?

Кузьма. Откуда, Борис Иванович? Ты всех удалил.

Годунова (*поднимаясь*). Я схожу. Сегодня такой день, уж побуду я у тебя на посылаках.

Годунова выходит.

Морозов. Да, покоя никогда не будет и верить никому нельзя.

Кузьма. Борис Иванович, но тебе же и раньше известно было, что князь Прозоровский со своим разлюбезным Трофимом многое от тебя скрывает.

Морозов (*в гневе*). А что я по-твоему должен — юродивых вылавливать, чтобы они на дыбе сознавались, кто из них Навуходоносор, а кто Ивана Калиту живьем видел? — Сейчас уже никуда не денешься, придется все это ворошить.

Кузьма. Они не юродивые, Борис Иванович, а еретики. Юродивых, когда они сильно завираются, плетью бьют. А еретиков, когда они сильно упираются, огнем жгут. — Вот и попался Трофимушка! (*Посмеивается.*) Сегодня царевну к своему князю приворожил, завтра чего похуже придумает.

Морозов (*мрачный как туча*). Прикуси язык. Нашел время веселиться.

Возвращается Годунова с Чистым.

Морозов. Назар, ты когда к Пушкину на Крыльцо выходил, видел царевну Анну Михайловну?

- Чистой.** Видел. И по правде сказать, испугался. (*Все остальные переглядываются.*) Что все это такое?
- Морозов.** По всему женскому терему шепчут, что она сохнет, что приворожили ее.
- Чистой.** Кто?
- Годунова** (*почти не разжимая губ*). Они все говорят, что Сергей Прозоровский.
- Чистой.** Что-о? Борис Иванович, они же все на моих глазах выросли! Никогда у него тяги к ворожбе не было.
- Годунова** (*себе под нос*). К ворожбе тяги не было, а к Аньке всегда была.
- Морозов.** Ты сам сказал, что ее испугался. — Ты Трофима Игнатьева, управляющего Прозоровских, знаешь?
- Чистой.** Кто же его не знает!
- Морозов** (*глядя в сторону*). На этого Трофима еще в начале осени был донос, что он в своем доме, прямо в усадьбе Прозоровских, дает приют еретикам и колдунам всяким, которые по воде ходят и молебны какие-то прямо там у него устраивают. Я тогда этому доносу ходу не дал, можешь догадаться, почему.
- Чистой.** Так. Уже и Трофим ворожит. А жемчугом он, часом, не вышивает?
- Морозов.** Ты мне не веришь. Хорошо. Сходи-ка, приведи сюда протопопа.
- Чистой.** Борис Иваныч, если я его сюда приведу, то возле больного государя останутся только немец и Федора. Так не годится.
- Годунова.** Пойдем вместе, я его сменю.

Чистой и Годунова направляются в царские покои.

Годунова. А почему Федя Ртищев там не сидит?

Чистой. Вышел ноги размять. Он тоже не из железа.
Сейчас вернется.

В кабинете царя.

Морозов барабанит пальцами по столу. Кузьма пребывает в полной безмятежности.

Входят Чистой и Стефан.

Морозов. Отче Стефан, расскажи Назар Петровичу, как к тебе еще осенью приходил беглый вор из усадьбы Прозоровских и что рассказывал. — Мне он не верит.

Стефан. Но ты же и сам не поверил, Борис Иванович.

Морозов. Да, я и сам не поверил.

Стефан (к Чистому). Приходил человек, звали его Ерофеем Петровым, и был он прежде садовником в усадьбе князей Прозоровских. А потом Трофим Игнатьевич его за какую-то провинность выгнал. (Переводит взгляд с Чистого на Кузьму.) И он донес, что к ним, не к князьям, а в дом самого Трофима под видом Божьих странников повадились ходить самые настоящие еретики, и привел тому доказательства. Много доказательств.

Чистой. Беглый вор пошел по злобе на хозяев доносить! Мог бы и похуже что выдумать. — Подумаешь, доказательства привел. Он, может, и сам из еретиков и потому все их повадки знает.

Кузьма. Тебя, Назар Петрович, Господь умом не обидел. Говоришь верно. Только не все знаешь. Ты и про себя самого не все знаешь. — Со слов этого вора получалось, что Трофим Игнатьич водит дружбу со злейшим из злейших колдунов

Михайлой Ивановым. Ты мне можешь не поверить, но этого Михайлу больше ста лет ловят и изловить не могут.

Стефан. Я о нем, Назар Петрович, в тот день впервые услышал.

Морозов. И я, признаюсь, тоже.

Стефан. А почему сейчас об этом вспомнили?

Морозов (*глядя в сторону*). Поступил донос, что Трофим этот втянул в свою ересь молодого князя Сергия.

Стефан (*он ошарашен*). Князя Сергия? Друга царя? — Погоди-ка, Борис Иваныч! Ты знаешь, это бывает. Бывает. Когда молодые люди начинают Святое Писание читать без должного руководства, то всякое бывает. А потом это проходит. — Надо, чтоб я с ним побеседовал.

Морозов. Пока не надо. Мы должны еще все проверить, не злой ли это навет. И никому ни звука, ты меня понял? (*Стефан кивает.*) Упаси Боже, дойдет до государя, да еще в такие дни, когда он болеет... (—) Но с Трофима этого придется спросить строго. Ты не знаешь, кто его духовный отец?

Стефан. Конечно, знаю.

Чистой (*резко*). Отец Геннадий из храма Всех святых. Родной брат моего духовника. Может, оставишь их в покое?

Морозов (*отмахиваясь, как от мухи*). Кому они нужны? Спросил для порядка. — Ступай к царю, Стефан.

Стефан (*уходя, к Чистому*). Куда это Ртищев запропал?

Чистой. Не знаю, ворожит где-нибудь.

Стефан уходит, Чистой обращается к Кузьме.

Чистой. Так чего же я про самого себя не знаю?

Кузьма. Коли сам не знаешь, то никто тебе этого и не вспомнит. — Но твой родной дед был смолоду в дружбе с отъявленным еретиком Феодосием Косым, укрывал его в своем доме и помог ему бежать в Литву от неминуемой расправы.

Чистой (*резко поворачиваясь к Морозову*). Борис Иванович, что ты намерен с Прозоровскими делать?

Морозов (*тихо*). Их судьбу будет решать царь. Ты думаешь, мне все это нужно, мне это в радость? — Вот что хочу я вспомнить — кажется мне это, или в самом деле Сергей в последнее время совсем на Верху не появлялся?

Чистой. Появлялся, но очень мало. И Государь о нем не спрашивал. — Началось это сразу после смотрин. У меня столько дел было, что подумать об этом было некогда.

Морозов (*мрачно*). Да, придется ему в монастырь идти.

Чистой. Борис Иванович! Князь Симеон всегда за тебя горой, царь Сергия с малых лет очень любит! — Пусть он их призовет, разберемся, что к чему. А там надо будет Сергия женить и отправить куда-нибудь на воеводство.

Морозов. Да, женить. Чтобы он через полгода овдовел. — Да что тут говорить, все будет решать царь. Только сначала надо, чтобы этот Трофим показал, что он обоих князей, и отца и сына, в свою ересь втянул.

Чистой. Трофим никогда в жизни ни под какой пыткой на Симеон Васильича не покажет.

Кузьма. Ну это не большая беда.

Чистой. Ты что хочешь сказать? Ты хочешь сказать, что ты его до смерти запытаешь, а мертвый, он что угодно покажет?

Кузьма (*вздыхая*). Ну вот, Назар Петрович, дедушка твой о еретиках печалился, и ты туда же.

Чистой. Борис Иваныч, а как быть с Иваном Прозоровским? Он у нас из лучших военачальников. Ты его из-под Смоленска отзывать будешь?

Морозов. И не подумаю. Он только больше усердствовать станет. — Ты ступай к государю, Назар, а я отпущу Кузьмича и тоже вернусь на свое место.

Чистой уходит.

Кузьма. Я могу хоть сейчас идти за Трофимом.

Морозов (*грозно смотрит на него*). К князьям Прозоровским ночью не вламываются. — Ступай к патриарху, дождись, когда он проснется. Покажешь ему донос и возьмешь его стражников. Ни о какой царевне нигде и никому ни звука. Только самому князю можешь сказать, если его припереть понадобится. — Что от Трофима получить надо, ты знаешь. Вот и всё. — А потом уже будем государю докладывать, когда у него сил прибавится.

Федор Ртищев ходит по дворцовым коридорам, прислушивается, заглядывает во все углы. До него доносится какой-то шорох. Затем оттуда же слышатся чьи-то рыдания.

Ртищев идет на эти звуки.

В темном углу, сжавшись в комочек, сидит Ванятка и рыдает, прижимаясь головой к стене.

Ртищев. Ванятушка, а я тебя ишу. Все никак утешиться не можешь? — Пойдем отсюда, я тебя в твой чуланчик отведу. Тебе поесть надо, ведь с раннего утра ничего не ел.

Ванятка. Ничего мне не надо, Федя. Ничего я не хочу. Не стану я здесь больше жить, уйду, куда глаза глядят.

Ртищев (*глядя его по голове*). Ох, дитя ты глупое.

Ванятка (*заливаясь слезами*). Такую красоту загубили, а я должен на эти рожи смотреть! Не буду я, не стану, уйду отсюда.

Ртищев (*заставляет его подняться*). Пойдем, пойдем со мною. Утро вечера мудренее. — Здесь одно горе, в другом месте другое. Поразмыслишь немного и увидишь, что идти-то некуда.

Афанасий, с трудом передвигая ноги, несет Фиму. Он уже видит свой дом, останавливается перевести дух. Настасья подставляет руки, чтобы как-то ему помочь.

Горница в доме Корионовых.

На одной лавке сидит Аграфена, обнимая Евдокию. Обе тихо плачут.

На другой лавке Иван Родионович и Андрей, как малые дети, прижимаются к Василию Матвеевичу.

Аграфена. Васенька, когда же Афанасий-то придет?

Василий. Придет, Аграфенушка, скоро придет. — Их дождались, и его дождемся.

Онемевшая прислуга Корионовых впускает Афанасия с Фимой в ворота.

Слуги бегут вперед, открывают входные двери, потом дверь в горницу.

Афанасий вносит Фиму в горницу. Ее укладывают на широкую лавку, покрытую ковром. Евдокия припадает головой к Фиминым ногам. Андрей становится на колени у изголовья. Остальные толпятся рядом. Фима открывает глаза.

Аграфена. Фимушка, голубушка, очнулась, милая! — Видишь, ты дома, и все тут с тобою — и матушка, и батюшка, и Андрюшенька, и тетя Груша, и дядя твой, и Настасьюшка.

Фима (*тихо*). Я знаю.

Андрей прижимается лбом к изголовью.

Фима (*еще тише*). Андрей, я не сумела. Не оказалось у меня той силы...

Василий выходит из горницы, медленно поднимается к себе.

Василий входит в свою светелку, садится на постель и сидит, закрыв глаза и сцепив пальцы.

22. Настольные голландские часы звонят семь раз. Князь Симеон Прозоровский просыпается в своей спальне. К нему врываются Поликарп и старик-слуга.

Поликарп. Князь-батюшка, вставай скорее! Трофима Игнатъича забирают!

Князь Симеон (*срываясь с постели*). Кто забирает? Как это так?

Поликарп. Патриархии стражники за ним пришли. Еретиком объявили.

Князь Симеон (*одеваясь на ходу*). Да что же это такое! Я сейчас к Морозову поеду!

Поликарп (*заливаясь слезами*). Князь-батюшка, там с ними морозовские люди.

Все бегут вниз.

Во дворе усадьбы.

Стражники уже подводят Трофима к воротам.

Кузьма, стоя посреди двора, с наслаждением наблюдает, как из главного дома выбегают князь Симеон и князь Сергей, а за ними вся их челядь. Из других строений тоже выбегают люди.

Князь Симеон (*поравнявшись с Кузьмой*). Кузьма Кузьмич! Это же мой верный слуга! Я за ним ничего дурного не знаю. — Да как же можно? Неужели Борис Иваныч!.. Ведь это мне прямое бесчестье!..

Кузьма. Князь Симеон Васильевич! Я твою светлость глубоко почитаю, и негоже мне, мужику, вопросы тебе задавать. — Но одного я в толк не возьму — как можно, увидав воочию человека, про которого все кругом говорят, что он свыше двухста лет на земле живет, не доложить об этом государю? Статочное ли дело, такую диковину от государя своего утаивать? Али тебе кто запретил?

Князь Симеон хватается за сердце и бежит к воротам.

Князь Симеон (*кричит*). Трофимушка, прощай!
Прощай, мой брат, мой друг верный!

Трофим. Прощай, Симеон Васильич! Прощай, прости меня, мой родной!

Князя Симеона уводят под руки.

Прозоровский (*кричит стражникам*). Погодите еще, не уводите его! (*Говорит Кузьме на ухо*) Кузьма

Кузьмич, мы люди не бедные, скажи, как и что, помоги, мы чистым золотом отсыплем.

Кузьма (*даже с некоторым сожалением*). Как тебе поможешь, князь, когда на тебя самого донос есть.

Прозоровский изумлен. Кузьма оглядывается на людей, которые толпятся на почтительном расстоянии от них.

В воротах стражники, охраняющие Трофима, ждут Кузьмы и его указаний.

Поликарп (*подбегая к ним*). Погодите, погодите, ребяташки! Наш князь — самому государю друг, а это все ошибка какая-то.

Трофим (*строго*). Поликарп, прощайся со мной и немедля иди в дом. Это тебе мой приказ. Последний.

Крепко обнимает его, затем толкает в сторону дома.

Кузьма (*очень тихо, Прозоровскому*). Доносят на тебя, что сам ты с теми еретиками спознался и с помощью их царскую сестру к себе приворожил.

Прозоровский (*вскрикивает*). Как про это узнали?

Кузьма (*удивленно*). Стало быть, ты сознаёшься?

Прозоровский. Так это всё из-за меня?
(*Стражникам*) Погодите, не уводите Трофима! — Кузьма Кузьмич, он тут ни при чем!

Кузьма. Я человек подневольный и делаю, что мне приказано.

Прозоровский. Дай только сроку, я пойду к государю, я все ему разъясню. Он меня любит, он мягкосерд, он меня в монастырь отправит — и всех дел.

Кузьма (*очень удивлен*). Ты что же, по своей воле в монастырь готов идти?

Прозоровский (*кричит в отчаянье*). Да, по своей, по своей! Не по вашей, каины, антихристы! Верни Трофима!

Кузьма поворачивается и идет к воротам. Прозоровский падает на колени в снег и рыдает, закрыв лицо руками.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ (продолжение)

1. Москва.

Утро воскресного дня. Солнце играет на всех крестах и куполах. Отовсюду несется звон колоколов.

Время после полудня. Народ выходит из церквей, улицы запружает нарядная толпа. Повсюду снуют разносчики пирогов и сладостей.

К дому Ильи Милославского подъезжают небольшие сани. Из саней выходит человек, вынимает из-под сиденья две корзины и идет в дом.

В доме.

Илья Милославский и гость.

Гость. Вот, Илья Данилович, пресветлый боярин Морозов велит тебе кланяться, с праздником поздравить, и подарки шлет тебе и детушкам твоим.

Милославский (*низко кланяясь*). Передай Борису Ивановичу благодарность нашу и поклон земный. Скажи, что молимся о здравии его неустанно. А сами мы, по его и Божьей милости, живы и здоровы и только об одном мечтаем, чтобы Борис Иванович хотя однажды посещением своим нас удостоил.

Гость (*кланяясь в ответ*). Все с точностию передам. — Храни тебя Бог, Илья Данилович, и весь дом твой. Прощай!

Милославский (*хватая его за рукав*). Да как ты подумать мог, что я так вот тебя и отпущу? Неужели меня обидишь? Неужели откажешься от моего угощения?

Милославский и гость сидят за накрытым столом. Хозяин потчует гостя из всех сил.

Милославский. А что, девицу эту порченную с родней, отправили их уже из Москвы?

Гость. Отправят, отправят. На этих днях.

Милославский. Далеко отправят?

Гость. Далеко.

Милославский. В Сибирь?

Гость. А куда же, как не в Сибирь? — Только их не в ссылку отправляют, а с почетом. Всё одно отсылают, но с почетом. — Есть там такой городок из новых — Тюмень. Может, слышал? (*Милославский отрицательно качает головой.*) Ну есть такой, на речке Туре. Так вот, воевода тамошний давно уже на покой просится. — И сейчас государь с Борис Иванычем решают, то ли отца девицы этой посадить в Тюмени на воеводство, то ли отправить его по той же речке в Верхотурье, а ихнего воеводу в Тюмень перевести.

Милославский. Воеводой быть не такое простое дело. Он, небось, и не знает, как за это братья. А учиться ему поздновато.

Гость. Кто-нибудь да поможет. Зато — почет. — В родные края их возвращать, так их там засмеют. И больно уж этот Касимов к Москве близок.

Милославский усмехается и понимающе кивает.

Милославский. А этого, как его, Федьку Минкина, его куда сослали?

Гость. В Кириллов монастырь. Дали сколько-то плетей, а потом сослали.

Милославский. Он так ни в чем и не сознался?

Гость. А может, ему и не в чем сознаваться? —
Продал он этой бабе какую-то смазь по части ее ремесла, а больше ничего и не знает. У него же торговля, он и отравой торгует для мышей и крыс, но ведь никто ж никого не отравил? — И что эта баба-вышивальщица сделала, тоже никто толком не узнал. Может, она ненароком этой царевне...

Милославский. Уже не царевне.

Гость. Ну да, девице этой какой-нибудь убор сверх меры вымазала, а отмыть не успела и признаться побоялась. А когда такое случилось, то сознала свою вину и покаялась.

Милославский. Девица, ясное дело, и прежде больна была. Иначе бы ее так не приняло.

Гость. Да никто в этом и не сомневается.

Милославский. А государь-то уже совсем выздоровел?

Гость. А он всегда был здоров. — Когда ж ему болеть? Государю болеть недосуг. Ему денно и ношно о благе народа христианского пешись надо. И о женитьбе помышлять надо. (*Искося поглядывает на Милославского.*) Русскому престолу наследник нужен.

2. Боярин Пушкин, сопровождаемый Чистым и другим дьяком, входит в рабочий кабинет царя. Алексей восседает в кресле с высокой спинкой, руки его крепко вцепились в подлокотники.

Алексей. Тебе пришлось долго ждать, Григорий Гаврилович. Ты уж прости, я тут не боярскими дрыздами занимался, а посланных от Богдана Хмельницкого принимал.

Пушкин (*не без патетики*). Если бы я знал, государь, что ты таким святым делом занят, то ожидал бы, стоя на коленях.

Алексей кивает. Он доволен ответом. (—) Наступает тягостная пауза. Наконец царь делает обоим дьякам знак удалиться. Они выходят, царь остается наедине с Пушкиным.

Алексей. Там все готово к отъезду?

Пушкин. Да, государь, все готово. Или почти все.

Алексей. Бог тебя вознаградит, Григорий Гаврилович, за то что ты не покинул... своих друзей. (*С трудом подбирая слова*) Ты им скажешь, что государь позволяет их дочери выйти замуж, за кого они и она пожелают. (*Последние слова он произносит шепотом.*) Все, что было приготовлено для... (*царь переводит дыхание*) приданое и все прочее жалуетса им... ей... Тебя сейчас проводят на женскую половину, и ты все это отвезешь.

Пушкин кланяется.

Пушкин. Государь, об одном только должен я тебя спросить. Как быть с царским перстнем? Покуда он у Евфимии Ивановны остается, она — царская невеста. Должен ли я взять его назад?

Алексей (*вскрикивает*). Нет! — Ежели захочет, она сама его вернет. Ты не должен... ты не должен заговаривать об этом. Ты понял?

Пушкин (*низко кланяясь*). Все понял, государь!

Алексей. Ступай, делай, как велено. Тебя ждут.

Пушкин еще раз низко кланяется и выходит. Алексей остается один. Затем, осторожно ступая, входит Морозов.

Алексей. Сегодня больше ничем заниматься не буду.
Я пойду отдыхать.

Морозов. Может, Иван Пальча позвать?

Алексей. Не надо его. Я просто хочу отдохнуть. Спать хочу.

3. Царская спальня.

Морозов помогает царю раздеться, разувает его, укладывает.

Морозов садится поодаль.

Морозов. Ну как ты?

Алексей. Никак. — Жив, здоров.

Морозов. Может, хочешь чего-нибудь?

Алексей. Ничего не хочу. — Вообще ничего не хочу.

Морозов. Дитяtko мое, знал бы ты, как у меня сердце за тебя болит. Но что поделать? Царская доля совсем не легкая. Простой человек сегодня ошибся, а завтра ошибку свою исправил. Ему никто и не вспомнит. А царь ошибется, так его ошибку еще во сто раз умножат, чтобы против него же обернуть. Ведь даже у того, кто пирогами вразнос торгует, враги находятся. А сколько их у царя? И глупых среди них нет. Глупый не отважится с царем враждовать. — Вот Борис Годунов, злейший враг семейства твоего, что он, глупцом был?

(В голосе Морозова начинает звучать ехидство.)

Одних городов основал столько, что не перечесать. А уж до чего ловок был, хитер, как змей. Кабы не зарезался тогда царевич в Угличе, еще неизвестно, чья бы взяла.

Алексей. Как это зарезался, разве его не Годунов убил?

Морозов (*еще более ядовито*). Алешенька, голубчик мой, ты ведь не младенец уже. Ты царь. Вот представь себе, что есть у тебя враг или соперник, которого ты устранить хочешь. Как ты будешь поступать? — Так стал бы Годунов, такой умный и хитрый, убивать младенца-царевича средь бела дня на глазах у всей дворни, в двух шагах от родной матери? Или у него денег не нашлось яду купить? — Царевич сам зарезался, сам. У него падучая была и еще много чего. — А супротивники годуновские ухватились за это дело и так его ославили, что по сей день ничего другого о нем и не помнят.

Алексей. Не хочу я ничего этого знать. Я никого не убивал. Я спать хочу.

Алексей отворачивается и засыпает.

Сон царя.

Одинокий могильный холм в бескрайней степи. Над холмом деревянный крест.

Алексей подходит к холму, опускается на колени, обнимает холм и рыдает. С другой стороны к холму подходит Фима, тоже ложится на холм и горько плачет.

4. В доме Корионовых.

Пушкин, Иван Родионович и Евдокия.

Евдокия. Прости нас, Григорий Гаврилович. По нашим грехам пришлось и тебе столько вытерпеть.

Пушкин. Вы меня простите, Иван Родионович, Евдокия Никитишна! Надо было мне быть умнее, да, видно, Господь ума не дал.

Евдокия. Господь нас вразумил, будем во всем на Его помощь надеяться.

Всеволожский. Благодарим тебя, Григорий Гаврилович, за доброту твою и за то, что ты в нашей беде от нас не отчурался.

Пушкин. Ты же знаешь, Иван Родионович, не одни подлецы на этом свете живут. Я тоже не из их числа.

Я хочу просить твоего дозволения с дочерью твоей Евфимией Ивановной поговорить...

Всеволожский. Разве у ссыльного надо спрашивать дозволения?

Пушкин. Тебя не ссылают, Иван Родионович, тебя на царскую службу посылают. Правда, далеко. Очень далеко.

Евдокия. Ничего, будем надеяться, что Господь даст силы туда добраться.

Пушкин и Фима.

Пушкин. Евфимия Ивановна, голубушка, государь все это время болен был... Царская ноша самая тяжелая из всех, какие есть... Он не властен самим собой распоряжаться.

Фима *(спокойно и кротко)*. Я знаю. Я все знаю.

Пушкин. Государь повелел мне сказать... повелел передать, что он дозволяет тебе выйти замуж, за кого твоим родителям и тебе будет угодно.

Фима. Нет, нет! Я не могу, Григорий Гаврилович! Я поклялась вечно его любить. *(Показывает ему руку с перстнем.)* Вот кольцо!..

У Пушкина по щекам текут слезы.

Пушкин. Евфимия Ивановна! Матушка моя!
Государыня моя!

5. По широкой заснеженной дороге тянутся черные кибитки. Их четыре: в первой едут отец и сын Всеволожские и Василий Матвеевич, во второй Евдокия с Фимой и Настасьей, в третьей казенные провожатые, в четвертой слуги и поклажа.

За кибиткой следуют сани, запряженные тройкой лошадей. В санях Афанасий и Аграфена. Маланья сидит на облучке рядом с Семеном.

Наконец кибитки останавливаются. Останавливаются и сани.

Седоки первых двух кибиток начинают выходить.

Корионовы также выходят из саней. Семен и Маланья спускаются с облучка.

Всеволожский решительным шагом подходит к Корионовым. Остальные следуют за ним.

Всеволожский (*строго*). Всё, дальше вы не поедете.
Прощаться будем здесь.

Евдокия и Аграфена бросаются друг другу в объятия. Все женщины начинают рыдать. Всеволожский обнимает Афанасия.

Всеволожский. Прощай, брат.

Афанасий. Прощай, Иван. Где-нибудь да свидимся.

Всеволожский. Мне бы только до места добраться, чтобы меня возле церкви какой схоронили. Не хочу лежать в чистом поле и слушать, как волки воют. (*Еще раз обнимает его.*) Прости, что не так. Дочек и внуков своих поцелуй. Прощай.

Всеволожский подходит к женщинам.

Всеволожский. Всё. Ехать пора.

Он отрывает Аграфену от Евдокии, целует ее. Аграфена, рыдая, бежит к своим саням.

Маланья опускается на колени в снег, кланяется Евдокии в ноги. Евдокия поднимает ее, целует. Фима и Настасья целуют Маланью.

Афанасий, Андрей и Василий стоят, обнявшись, втроем. Все остальные идут занимать свои места.

Всеволожский (*Евдокии, глядя на Василия*). Видно, не все я в жизни понимаю. — Идет в Сибирь с чужими людьми, когда мог бы жить припеваючи на Афанасьевых хлебах.

Василий в последний раз обнимает Афанасия.

Василий. Прощай, Петрович. До следующей встречи. (*Идет на свое место.*)

Афанасий и Андрей остаются вдвоем.

Афанасий. Иди!

Резко поворачивается и идет к своим саням.

Афанасий (*сидя в санях*). Гони быстрее, Семен!

6. У Яузских ворот.

Тройка подъезжает к дому Корионовых.

Афанасий и Аграфена входят в горницу, садятся и долго сидят в молчании.

Аграфена. Сейчас поедим, и я сразу же начну собираться. Чем раньше из Москвы уедем, тем лучше.

Афанасий. Да, и в Москве оставаться неумоготу, и покидать ее неумоготу.

Аграфена. Главное, сейчас уехать побыстрее, а там, что Бог даст. Где еще душе отогреться, как не возле родных детей? (*Встает.*) Пойду посмотрю, что они там замешкались. (*Выходит.*)

Афанасий остается один. Он смотрит на противоположную стену. Внезапно она словно исчезает, и в комнату устремляется поток золотого света. Он льется с ог-

ромной высоты. На самом верху клубится белое облако, похожее на человеческую фигуру в длинном одеянии.

Афанасий (*кричит*). Аграфена! Аграфена! Ты только посмотри!

Аграфена вбегает в горницу. Афанасий сидит, указывая рукой вверх. Затем рука его падает. Он умирает.

7. Окрестности Касимова.

Андрей верхом на коне несется во весь опор в сторону своего имения.

Дом Варвары и Гордея на окраине деревни.

Варвара хлопчет во дворе.

Подъезжает Андрей, останавливает коня.

Андрей. Варварушка! Это я!

Варвара всплескивает руками и выбегает за калитку.

Варвара (*сквозь слезы*). Андрей Иваныч! Андрей Иваныч! Батюшка! Родимый! Я уж не чаяла тебя увидеть!

Андрей. Что Митрофаныч?

Варвара. Ой плохо, совсем плохо. Как узнал о вашем несчастье, так слег и не встает больше. —
Помирает наш Павел Митрофаныч.

Андрей. Он сможет со мной поговорить?

Варвара. Сможет, сможет, Андрей Иваныч. Он хотя не встает, но помнит всё, и все приказания, как старосте положено, отдает.

Андрей. Гордеич дома?

Варвара. Дома, Андрей Иваныч. Сейчас позову.

Андрей. Погоди! Я сейчас навешу Митрофаныча, а ты

бери Гордея и иди с ним побыстрее в господский дом. Мне время дорого, мне надо своих по Сибирской дороге нагонять.

Андрей, хлестнув коня, скачет прочь.

В доме Всеволожских.
Андрей, Варвара и Гордей.

Андрей. Гордей Гордеич, вот тебе лопата. Сейчас спустишься в подпол, там стоит сундук полупустой с рухлядью какой-то. Под ним зарыта отцовская казна. Ты ее отроешь. — Вот свечи. Позвать кого-нибудь, чтоб тебе помог, осветил?

Гордей. Да что ты, барин, сам управляюсь.

Андрей выходит с Гордеем. Варвара остается одна. Она оглядывает горницу Всеволожских и горестно вздыхает. Возвращается Андрей.

Андрей. Варвара Матвеевна! Я поговорил с Митрофаньчем и все распоряжения нужные сделал, чтобы с этого дня мужу твоему Гордею Гордеичу управлять и этим именем, и прочими, какие у нас есть.

Варвара. Господь с тобой, Андрей Иванович! Какой из Гордея управляющий? Разве он к такой службе пригоден?

Андрей. Варварушка, бабу я, при всем желании, сделать управляющим не могу. — Но придется тебе эту ношу взвалить на себя. Ты со всем справишься, я это знаю. А еще ты увидишь, как человеку Господь помогает, когда он о других печется, а не о своей выгоде и славе.

А теперь смотри, это самое важное. *(Вынимает из-за пазухи сложенные бумаги.)* Вот грамота. А это два списка с нее. — Вот этот список останется у вас. А саму грамоту и второй

список Гордей отвезет в Касимов вместе с письмами. — Как найти отца Николу, он знает. Здесь к нему письмо и к другу моему Захару Ильичу. Этому Захару Ильичу надо будет отдать на сохранение второй список. А грамоту они с отцом Николой перешлют в Ярославль к сестре моей двоюродной Дарье Афанасьевне Орловой, рожденной Корионовой.

Варвара (*горестно*). Господи Боже! Что в этой грамоте, зачем она нужна?

Андрей. Ты верно угадала, Варварушка.

Варвара разворачивает грамоту, пробегает первые строки, складывает ее опять и плачет.

Андрей. Это очень важно для всех вас. — Может статься, что никто из нашей семьи из Сибири не возвратится. Тогда вас всех заберут в казну и продадут невесть кому. Или другие Всеволожские налетят наследства требовать. — А так все, что у нас есть, отойдет к сестрам Корионовым. Они никого обижать и притеснять не станут.

Варвара. Андрей Иванович, родимый, но вас же не ссылают! Батюшка твой Иван Родионович к месту службы отправляется, разве не так?

Андрей. Судьбу человеческую, Варвара, Господь Бог определяет, а не царские указы.

Входит Гордей, держа в своих огромных руках большую кованую кубышку.

Гордей. Ты, Андрей Иваныч, говорил, что у твоего отца казна богатая, а она легче пушинки.

Андрей. Садись, Гордей Гордеич. Теперь тебе полагается все знать про наши дела.

Гордей. Никак ты решил Варвару Матвеевну старостой назначить?

Андрей. Не Варвару, а мужа ее. А она будет у тебя правой рукой.

Гордей. Ну нет. Давай-ка руками буду я, а она головой.

Андрей. Эту казну я разделю на две половины. Одну заберу с собой. Вторая останется здесь. Будете ею распорядиться. Если у кого пожар случится, если по немощи кто работать не сможет, если у кого кормильца не станет. По возможности старайтесь туда добавлять.

Гордей и Варвара внимательно слушают и кивают.

Андрей. А ежели кто захочет на свободу выйти, то пусть выходит безо всякого выкупа. Но таких непременно предупреждать надо — настают трудные времена, лютые законы готовятся. Кто не хочет снова в неволе оказаться, пусть уходит на Белое море или в Сибирь.

А теперь, Варварушка, ступай домой и собери мне что-нибудь поесть перед дорогой. Гордей мне здесь понадобится. Спешу я очень.

Гордей и Варвара прощаются с Андреем возле своего дома. Андрей садится на коня, выезжает за ворота, затем делает Варваре знак подойти.

Андрей (*наклоняясь к ней*). Запомни, что я тебе скажу, Варвара. Много ли, мало ли времени пройдет, но ежели ты услышишь о моей смерти, то не плачь и не горюй. — А ежели после того ты меня живым увидишь, то не испугайся. Запомнишь?

Варвара (*тихо*). Андрей Иваныч, выходит, ты решил смерти совсем не бояться? Решил на полную свободу выйти?

Андрей. Не я решил. Меня сам Господь на свободу
выводит.

Андрей несется вскачь по дороге. Вдалеке виден поезд
Всеволожских. Андрей нагоняет своих.
Поднимается сильная метель.

Огромные заснеженные просторы. Небо темнеет, снег
валит хлопьями.

Снег тает под весенним солнцем. Повсюду бегут бур-
ные ручьи.

Сияющий летний день. Андрей идет по озерной глади.
Рядом с ним плавает стая лебедей.
Лебеди поднимаются ввысь, кружатся, снова садятся
на воду, задевая Андрея крылами, обдавая его
брызгами воды.

Елена Грантовна Степанян

Царский выбор

Редактирование и корректура М. С. Зайцева, И. В. Ларикова
Макет и верстка Р. Р. Дименштейн

Степанян, Е. Г.

С79 Царский выбор : исторический роман-драма / Е. Г. Степанян.
М. : Оклик, 2007. — 384 с.

ISBN 978-5-91349-001-8

Остросюжетное повествование о событиях эпохи царя Алексея Михайловича. Допетровская Русь оживает в драматическом переплетении человеческих судеб. Герои «Царского выбора», живые и полнокровные, мыслящие и страдающие, в сложнейших жизненных коллизиях ищут и, что самое главное, находят ответы на извечные духовные вопросы, обретают смысл и цель бытия.

УДК 821.161.1-2 Степанян Е.
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
С79

Подписано в печать 15.01.2007.
Формат 60×88/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Лазурский». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24. Тираж 1500 экз. Заказ №

Издательство «Оклик»
тел./факс: (495) 585 0 587
эл. почта: oklik@pochta.ru

Отпечатано в ФГУП
«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»
140010, г. Люберцы Московской обл.,
Октябрьский просп., 403.
Тел. (495) 554 21 86